МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛИАЛ В Г. ИЗБЕРБАШЕ
КАФЕДРА ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
И ПРОЦЕСС

Кафедральный сборник статей и тезисов
региональной научно-практической конференции.

ИЗБЕРБАШ – 2013

Издается по решению Ученого Совета филиала ДГУ
в г. Избербаше

УДК – 4414

Кафедральный с*борник статей и тезисов региональной научно-практической конференции. Избербаш: ДГУ, 2013*-236с.

Главный редактор сборника
«Пушкин-Тау-2913» Исаев М.Г.
Серия: Уголовное право и процесс
Редакционная коллегия:
М.А.Исмаилов, Х.М.Мусаева, Л.З.Аджиева
(отв. редакторы)
А.Г. Таилова, А.А.Магомедов
М.З. Абдуллаева, Н.М.Алигаджиева,

В сборнике представлены научные статьи участников заочной конференции « **Уголовное право и процесс»** юристов из различных вузов субъектов Российской Федерации.

В статьях авторов обобщены и систематизированы основные достижения юридической науки в области становления гражданского права и процесса в регионах РФ.

Освещаются проблемы и пути модернизации правого законодательства в условиях продолжающих преобразований РФ.

Материалы опубликованы в авторской редакции.

©Филиал ДГУ г. Избербаш 2013

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 6
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
Аджиева Л.З. 7
СФЕРА БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ :
Муцалов Ш.Ш., ... 11
К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ПРИМЕНЕНИЯ КОНФИСКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ
Аджиева Л.З.Карагишиев Ю.К. 31
СФЕРА БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ :
Муцалов Ш.Ш., ... 38
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ КРИМИНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО РЫНКА
Таилова А.Г. 58
УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ (ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА).
Таилова А.Г. 64
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАТУСА БЛИЗКОГО ЛИЦА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ, ПРИЗНАННОГО ПОТЕРПЕВШИМ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
Гамидов Ринат Тажирович,..... 68
УБИЙСТВО ПО МОТИВУ СОСТРАДАНИЯ
Омарова А., Таилова А.Г. 72
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ
Сулейманова З. ,Таилова А.Г. 75
ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.
Джамалутдинова А., Таилова А.Г. 78
ОХРАНА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
Шабанова Аида..... 83
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ.
Алиева Марьям 91

ОХРАНА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН..... 98
ПРАВОВЫЕ ЧЕРТЫ СМЕРТНОЙ КАЗНИ КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ.
Алиева Диана. 106
ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ..... 111
Даудова П., Таилова А.Г. 111
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ОРУЖИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
Муртузалиев М., Таилова А.Г. 117
ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
Гамзаева, Таилова А.Г. 123
ПОНЯТИЕ СОСТОЯНИЯ СИЛЬНОГО ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ (АФФЕКТА). АФФЕКТ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
Гарунова З., Таилова А.Г.....130
ПОНЯТИЕ СОСТОЯНИЯ СИЛЬНОГО ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ (АФФЕКТА). АФФЕКТ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
Гарунова З., Таилова А.Г.....137
ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ОБЪЕКТУ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА.
Гаджимурадова Н., Таилова А.Г. 144
НЕОСТОРОЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ
Магомедова Ш., Таилова А.Г. 148
ВИДЫ ПРАВОВЫХ ПРИВИЛЕГИЙ В СФЕРЕ ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ.
Магомедов А.А. 152
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ
Гарунова З., Таилова А.Г.....160
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ
Абзаева Д. Таилова А.Г. 168
ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.
Шабанова А., Таилова А.Г. 179
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ХУЛИГАНСТВА
Рашидова М., Таилова А.Г. 184

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ
Абдулаева Марианна Закировна. 188
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ.
Алиева М., Таилова А.Г. 194
ПРОБЛЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПО ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ.
Алимурадов Р., Таилова А.Г. 196
ФОРМА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.
Абдурахманов Абдурахман Мухтарович 201
«ФОРМА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ».
Абдурахманов А. М 205
СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
Амиргамзаева А.А. 213
КРОВНАЯ МЕСТЬ И ПРИМИРЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА.
Агаева Р.Д. 220
ПОЛОЖЕНИЕ И СТАТУС ЖЕНЩИНЫ ПО АДАТУ И ШАРИАТУ
Исмаилова С.Ш. 226

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный на суд читателя сборник является продолжением предыдущих, которые издавались в филиале ДГУ в г. Избербаше. Конференции стали доброй традицией Филиала. Росло количество участников, представлявших ведущие правовые центры России. Судя по содержанию изданных сборников и по отзывам специалистов, повышается качество представляемых работ. Помимо студенческих работ в данном издании публикуются труды вполне состоявшихся исследователей права. Такое «соседство» представляется целесообразным, поскольку есть возможность учиться у знающих, опытных специалистов.

Между тем представительство и уровень проводимых конференции заметно повышались. Руководство филиала и непосредственные организаторы с учетом пожеланий наиболее активных участников решили проводить, в том числе и тематические конференции, посвященные отдельным аспектам правовой системы. Темой данной конференции является модернизация юридической науки и законодательства. На наш взгляд, указанная тема более чем актуальна, поскольку может способствовать раскрытию наиболее важных тенденции современной правовой жизни. Об актуальности выбранной темы свидетельствуют и количество изданных работ за последнее время.

Сборник посвящен рассмотрению различных аспектов развития юридической науки и законодательства в современных условиях. С методологических позиций исследуются понятие, природа правовой модернизации. Раскрываются факторы, влияющие на модернизацию всего права.

Рассчитан на ученых-юристов, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридических образовательных учреждений, а также практических работников и всех интересующихся методологией правоведения и юридической техники.

В заключении хотелось бы выразить благодарность директору филиала ДГУ в г.Избербаше Исаеву М.Г.за те усилия, которые он прилагает для создания современного учебного заведения, в стенах которого развивается настоящее творчество студентов

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аджиева Л.З.
доцент кафедры юридических дисциплин филиала ДГУ в г. Избербаш.

Метод обучения (от др.-греч. μέθοδος — путь) – процесс взаимодействия между преподавателями и учениками, в результате которого происходит передача и усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных содержанием обучения. **Приём обучения (обучающий приём)** – кратковременное взаимодействие между преподавателем и учениками, направленное на передачу и усвоение конкретного знания, умения, навыка.

По сложившейся традиции в отечественной педагогике МЕТОДЫ обучения подразделяются на **три группы**:

- *Методы организации* и осуществления учебно-познавательной деятельности: **1.** Словесные, наглядные, практические. **2.** Репродуктивные обьяснительно-иллюстративные, поисковые, исследовательские, проблемные и др. **3.** Индуктивные и дедуктивные.
- *Методы контроля* за эффективностью учебно-познавательной деятельности: Устные, письменные проверки и самопроверки результативности овладения знаниями, умениями и навыками;
- *Методы стимулирования* учебно-познавательной деятельности: Определённые поощрения в формировании мотивации, чувства ответственности, обязательств, интересов в овладении знаниями, умениями и навыками.

В практике обучения существуют и другие подходы к определению методов обучения, которые основаны на степени осознанности восприятия учебного материала: пассивные, активные, интерактивные, эвристические и прочие. Эти определения требуют дальнейшего уточнения, т.к. процесс обучения не может быть пассивным и не всегда является открытием (эврикой) для учащихся.

Проблема методов обучения остается актуальной как в теоретическом, так и непосредственно в практическом плане. В зависимости от ее решения находятся сам учебный процесс, деятельность преподавателя и студентов, а, следовательно, и результат обучения в высшей школе в целом.

Главной задачей высшего учебного заведения на современном этапе является подготовка специалистов, способных нестандартно, гибко и своевременно реагировать на изменения, которые происходят в современном мире. Возросла социальная потребность в нестандартно мыслящих творческих личностях. Поэтому для подготовки студентов к профессиональной деятельности в будущем необходимо используются новые методы обучения в вузе.

Очень актуальны на сегодняшний день информационные технологии. Компьютеры, планшеты, электронные учебники, энциклопедии и др. материалы позволяют поднять учебный процесс на новый уровень. Студенты следуют принципам развивающего обучения: исследуют источники, сравнивают их, знакомятся с разными точками зрения, составляют их описание, систематизируют справочный материал. Информационные технологии способствуют развитию познавательных и когнитивных способностей студентов: умение решать поставленные задачи, заниматься сбором, анализом и синтезом данных, извлекать из них информацию, самостоятельно мыслить, владеть коммуникативными навыками.

Также инновационные методы обучения предусматривают интерактивное обучение. Оно направлено на активное и глубокое усвоение изучаемого материала, развитие умения решать комплексные задачи, что особенно значимо при изучении криминологии.

При использовании интерактивных форм обучения студент сам открывает путь к познанию. Студент становится главной действующей фигурой. Преподаватель в данной ситуации – активный помощник.

Главной задачей является развитие способностей студента, подготовить личность, способную самостоятельно мыслить и принимать решения. Интерактивные виды деятельности включают в себя имитационные и ролевые игры, (например, игровое судебное заседание – уголовный процесс), дискуссии, моделирующие ситуации (имитация места происшествия). Интерактивный – означает способность взаимодействовать или находится в режиме беседы, диалога с чем-либо (например, компьютером) или кем-либо (человеком). Следовательно, интерактивное обучение – это,

прежде всего, диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и студента. Интерактивное обучение – это специальная форма организации познавательной деятельности. Она имеет в виду вполне конкретные и прогнозируемые цели. Одна из таких целей состоит в создании комфортных условий обучения, таких, при которых студент чувствует свою успешность, свою интеллектуальную состоятельность, что делает продуктивным сам процесс обучения.

Суть интерактивного обучения состоит в том, что учебный процесс организован таким образом, что практически все студенты учебной группы оказываются вовлеченными в процесс познания, они имеют возможность понимать и рефлектировать по поводу того, что они знают и думают. Совместная деятельность студентов в процессе познания, освоения учебного материала означает, что каждый вносит свой особый индивидуальный вклад, идет обмен знаниями, идеями, способами деятельности. Причем, происходит это в атмосфере доброжелательности и взаимной поддержки, что позволяет не, только получать новое знание, но и развивает саму познавательную деятельность, переводит ее на более высокие формы кооперации и сотрудничества.

Интерактив исключает доминирование как одного выступающего, так и одного мнения над другим. В ходе диалогового обучения студенты учатся критически мыслить, решать сложные проблемы на основе анализа обстоятельств и соответствующей информации, взвешивать альтернативные мнения, принимать продуманные решения, участвовать в дискуссиях, общаться с другими людьми. Для этого на занятиях организуются индивидуальная, парная и групповая работа, применяются исследовательские проекты (например, опросы знакомых, родственников по криминологическим значимым вопросам), ведется работа с различными источниками информации, используются творческие работы.

К таким методам принадлежит проблемное обучение, предусматривающее формирование навыков для решения проблемных задач, которые не имеют однозначного ответа, что особенно значимо для криминологии, выработку умений применять обретенные знания на практике.

Так же актуален метод, приоритетом которого являются нравственные ценности. Он способствует формированию индивидуальных нравственных установок, основанных на профессиональной этике юриста, выработке критического мышления, умения представлять и отстаивать собственное мнение.

Использование мотивирующих факторов контроля знаний (накопительные оценки, рейтинг, тесты, нестандартные экзаменационные процедуры). Эти факторы при определенных условиях могут вызвать стремление к состязательности, что само по себе является сильным мотивационным фактором самосовершенствования студента.

Участие в олимпиадах по учебным дисциплинам, конкурсах научно-исследовательских или прикладных работ и т.д.

Поощрение студентов за успехи в учебе и творческой деятельности (стипендии, премирование, поощрительные баллы, грамоты) и санкции за плохую учебу. Например, за работу, сданную раньше срока, можно проставлять повышенную оценку, а в противном случае ее снижать.

Мотивационным фактором в интенсивной учебной работе и, в первую очередь, самостоятельной является личность преподавателя. Преподаватель может быть примером для студента как профессионал, как творческая личность. Преподаватель может и должен помочь студенту раскрыть свой творческий потенциал, определить перспективы своего внутреннего роста.

Мотивация самостоятельной учебной деятельности может быть усилена при использовании такой формы организации учебного процесса, как цикловое обучение ("метод погружения"). Этот метод позволяет интенсифицировать изучение материала, так как сокращение интервала между занятиями по той или иной дисциплине требует постоянного внимания к содержанию курса и уменьшает степень забываемости. Разновидностью этого метода является проведение многочасового практического занятия, охватывающего группу статей уголовного кодекса и направленного на решение сквозных задач.

В заключении хотелось бы отметить, что инновационные методы позволили изменить и роль преподавателя, который являет-

ся не только носителем знания, но и наставником, инициирующим творческие поиски студентов.

Литература:

1. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие для вузов /М.В. Буланова – Топоркова. Ростов – на Дону; Феникс, 2002. – 539с.

2. *Грудзинская Е.Ю., Марико В.В*. Активные методы обучения в высшей школе. Учебно-методические материалы по программе повышения квалификации «Современные педагогические и информационные технологии». – Нижний Новгород, 2007, 182 с.

3. *Чуракова О.В.* Ключевые компетенции как результат общего образования. Метод проектов в образовательном процессе. Дидактические материалы для обучения педагогов./ Серия «Компетентностно-ориентированныйый подход к образованию: образовательные технологии». Выпуск 1. – Самара: Изд-во «Профи», 2002.

4. *Беспалова Т.А., Кобзева Ю.А.* Методики преподавания в современном ВУЗе. ГОУВПО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского». г. Саратов.

5. *Улеева Н.М.* Современные методы преподавания в высшей школе. Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

СФЕРА БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ :

Муцалов Ш.Ш.,
Зав кафедрой
теории и истории государства и права
к.ю.н.,ЧГУ

Понять сущность и содержание преступлений, совершаемых в сфере банковской деятельности, можно лишь на основе постижения и уяснения закономерностей развития и функционирования данных негативных явлений в кредитно-денежной системе. В этом плане исторические публикации прошлых лет дают достаточно полное представление о

деятельности банков с момента их зарождения до наших дней, об изменениях, происходивших прежде и происходящих сейчас в банковской сфере России. Изложенные мотериалы содержат сведения о формировании теоретических положений и конкретных лрактических решений, способах и опыте управления кредитно-финансовыми системоми в разные исторические периоды. Знакомство с историческим прошлым представляется исключительно важным сейчас, когда реформирование банковской системы находится в критической фазе, принимаются меры по устранению причин и ус-ловий, способствующих совершению кредитно-финансовых злоупотреблений. Поэтому было бы ошибочно утверждать, что преступления, совершаемые в кредитно-банковской сфере, – исключительно современное явление[1].

Как известно, зарождение банковского дела началось с деятельности средневековых менял Северной Италии. Слово «банк» произошло от итальянского «Banco» – скамья, так называлась лавка менялы, где осуществлялись все денежные операции. Однако сам факт появления отдельных кредитных учреждений, которые оказывают клиентуре разнообразные услуги по приему вкладов и предоставлению кредитов, не дает оснований говорить о становлении в том или ином государстве банковской системы. Банковская система – это внутренне организованная, взаимосвязанная, объединенная общими целями и задачами совокупность кредитных учреждений государства. Она складывается тогда, когда наряду с обычными (коммерческими) банками появляются центральные банки, выполняющие функции управления банковской системой.

История становления и развития системы уголовно-правового регулирования банковской сферы весьма богата и многопланова. Полагаем, что накопленный исторический опыт заслуживает того, чтобы не только органически быть воспринятым современным законодателем, но и стать ценнейшим источником

[1] Басецкий И.И., Егоров Ю.А., Шиенок В.П. Преступления в банковской системе: теория и практика расследования. Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 2000. С. 8.

преемственности традиций для отечественных предпринимателей, банковских и государственных служащих.

Первые попытки зарождения банковского дела в России можно отнести к середине XVIII в, 13 мая 1754 г. Правительствующим Сенатом в Санкт-Петербурге и Москве были учреждены сословные банки двух видов: государственные заемные банки для дворянства и Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции и купечества[1]. Однако деятельность этих первых.кредитных учреждений не оправдала ожиданий правительства. Казенные капиталы, выданные банками, были розданы в первые годы в сравнительно немногие руки, в которых деныи и продолжали оставаться; помещики не только не возвращали деньги в срок, но большей частью не платилй и процентов; предписанная законом продажа просроченных залогов на деле не применялась; правильный бухгалтерский учет отсутствовал; отчеты, представляемые императрице, составлялись только приблизительно.

В этих условиях персонал банков не удержался от злоупотреблений, которые тем не менее вскрывались, вследствие чего Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции и купечества неоднократно лишался самостоятельности и ставился в подчинение Коммерц-коллегии. Неудовлетворительное положение дел в банках отразилось в указе императора Петра III от 26 июня 1762 г., где отмечалось, что «учрежденные для дворянства и купечества банки... имели служить для вспоможения всему обществу, но нам известно, что следствие весьма мало соответствовало намерению и банковские деньги остались по большей части в одних и тех же руках, в кои розданы с самого начала. Сего ради повелеваем: в розданных в заем деньгах отсрочек более не делать, но все оныя надлежит собрать и ожидать Нашего дальнейшего указа»[2].

---

[1] См.: Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под общ. ред. акад. Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ, 2003. С. 266-267.

[2] См.: Печерин Я.И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904. С. 106-107; Батюшков Д.Д. Бан-ки. Их историческое развитие, значение, операции и счетоводство. Владикавказ, 1905. С. 34-35.

Таким образом, к числу первых правонарушений, совершенных в российской банковской системе, можно отнести злоупотребления банковских чиновников, связанные с кредитными операциями, а также невозвращение заемщиками полученных кредитов в срок и неуплату по ним процентов.

Период возникновения в России собственно банковской системы можно было наблюдать во второй половине XIX в., когда в Российской империи начала формироваться кредитная система, характерная для капиталистического хозяйства. Существовавшие на протяжении целого столетия крепостнические казенные банки перестали отвечать потребностям экономического развития и к середине XIX в. превратились в серьезное препятствие для развития торгово-промышленных отношений. Постепенно центральным звеном кредитной системы становятся частные коммерческие банки. В середине 60-х гг. позапрошлого столетия происходит быстрый численный рост акционерных банков, а на смену ажиотажу на акции железных дорог приходит спекуляция банковских акций.

Нужно сказать, что первое частное кредитное учреждение в России – Санкт-Петербургское кредитное общество – открылось в 1861 г., а в 1864 г. – первый частный коммерческий банк. Как показывают многочисленные исследования, «в России на тот период существовала хорошо отлаженная система правительственного контроля над денежным обращением и банками, что в не малой степени обеспечивалось соответствующим законодательством»[1].

Процесс развития этого вида деятельности в России происходил достаточно бурно, и к 1 января 1898 г. в России насчитывалось уже 511 учреждений краткосрочного и долгосрочного кредита с 461 отделением[2]. Все они действовали на основании утвержденных правительством уставов, определявших не только круг разрешенных видов коммерческой деятельности, но и порядок ведения отчетности. По установленным на тот период правилам учреждения банковского промысла периодически должны были публиковать в правительственных и других газетах сведения о состоянии своих балансов, включая результаты собственной годовой деятельности.

С увеличением количества банковских учреждений росло и число так называемых банковских процессов. Усложнение отношений в сфере банковской деятельности диктовало необходимость разработки адекватного уголовного законодательства с це-

---

[1] Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. – Л., 1973. – С. 35.

[2] См.: Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. – СПб., 1871. -С. 92.

лью соответствующего регулирования противоправного экономического поведения, с одной стороны, и создания комплекса гарантий для добросовестных хозяйствующих субъектов – с другой.

Подтверждением тому служит первый банковский кризис, разразившийся в 1873 г., который был обусловлен обострившейся конкуренцией: пытаясь привлечь деньги, банки шли на увеличение процентных ставок по вкладам, но не получали для их покрытия достаточных прибылей от торгово-промышленных операций. Для сохранения прежних дивидендов увеличивались проценты по ссудам, что нередко приводило к потере постоянных клиентов. Банкам приходилось выдавать кредиты предприятиям, обещавшим большие выгоды, а это значительно усиливало их риск.

С развитием российской банковской системы, расширением круга операций, выполняемых кредитными учреждениями, и увеличением их клиентуры возрастало число различного рода противоправных деяний, связанных с нарушением порядка осуществления банковской деятельности. Среди них особо выделялись злоупотребления чиновников и должностных лиц государственных кредитных установлений, а также должностных лиц общественных и частных банков: подлоги при займе из государственных, общественных и частных кредитных учреждений, неправомерные действия при выдаче ссуд и вкладов, взятки, вымогательство. Появились новые виды противоправных деяний, связанные с развитием рынка ценных бумаг. Так, в частности, достаточно широкое распространение получили злоупотребления с векселями: изготовление фальшивых векселей с последующим их предъявлением к взысканию либо в уплату за товар, подделка банковской подписи на векселях. К новым видам банковских преступлений относились нарушение банковской тайны, открытие частного банка без дозволения правительства или без соблюдения установленных законом правил[1].

---

[1] См.: Данилова Н.А., Серова Е.Б., Сапожков А.А. Преступления в сфере банковской деятельности. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 529 с.

История развития и функционирования кредитно-финансовой системы дореволюционной России свидетельствует, что банки стремятся к получению максимальной прибыли. В конечном счете это обстоятельство неизбежно приходило в противоречие с потребностями развития производительных сил общества[1]. Больше того, в погоне за наивысшей прибылью они (банки) зачастую нарушали разумные границы кредитования и инвестирования, способствуя тем самым усилению неравномерности экономического развития и углублению хозяйственных диспропорций. Жажда наживы толкала клиентов банка на финансовые аферы и преступления, пособниками которых нередко становились и сами банкиры. Развитие кредита и акционерного дела порождало, по словам К. Маркса, «новую разновидность паразитов в образе прожекторов, учредителей и чисто номинальных директоров, воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в отношении учредительства, выпуска акций и торговли акциями»[2]. Именно такого рода прискорбную закономерность можно было обнаружить на страницах столичных газет и журналов, где главным образом отмечалось, что чем больше банков, тем больше хищений вкладчиков и так называемых банковских процессов.

Так, Санкт-Петербургско-Тульский банк выдал ссуду под дом в размере `130 тыс. рублей, а дом был продан только за 15 тыс. рублей. Свидетели показали, что «оценка имущества, вопреки уставу банка, производилась не всеми членами оценочной комиссии (в протоколах имеются подписи лишь двух оценщиков)». К протоколам оценки не прилагались документы, отражающие истинную (рыночную) цену недвижимости и степень ее доходности (копии контрактов и иных условий). Банковский ревизор попытался настоять на особом мнении о результатах ревизии, но тотчас был выдворен из состава ревизионной комиссии ее председателем (членом правления банка).

---

[1] Хилюта В.В. Теоретические основы и прикладные про-блемы расследования мошенничества в банковской сфере. Гродно, 2004. С. 14.

[2] Марк К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 156.

Наиболее способных соучастников из простых акционеров организаторы хищений в порядке поощрения переводили в члены оценочных комиссий, а из последних – в члены ревизионных комиссий или же в члены правления банка. В некоторых банках лишь 10% прибыли шло в запасной капитал, а 90% «расходовалось по рукам»: солидные платежи в пользу оценщиков, членов ревизионной комиссии и прочих. Но еще большие суммы необоснованно выплачивались директору и высшим служащим банка. Причем эти вознаграждения начислялись и тогда, когда банк работал с большими убытками[1].

В связи с поступлением многочисленных жалоб в Министерство финансов на участие банкирских домов и контор в биржевых спекуляциях, которые привели к банкротству некоторых подобных кредитных учреждений, было решено подчинить их жесткому контролю. Свидетельством тому служит крах Коммерческого ссудного банка в Москве (1875). Большой общественный резонанс также вызвало банкротство в 1889 г. банков Кана в Петербурге и Мусатова в Москве[2], занимавшихся торговлей в рассрочку билетами выигрышных займов. При этом обнаружилась не столько халатность, сколько нечистоплотность банкиров, что заставило Министерство финансов принять радикальные меры.

Но, несмотря на столь бдительный контроль со стороны правительства за банковской сферой, одно из звеньев кредитной системы – банкирские дома и конторы – фактически сумело уйти от опеки властных структур. До конца XIX в. российское законодательство не делало различий между банкирскими и торговыми заведениями. Банкиры причислялись к купцам и должны были выкупать гильдейские свидетельства. Поэтому они нередко действовали под вывеской торговых домов, обходя многие инструкции и распоряжения о банковской деятельности.

---

[1] См.: Экономические преступления в историческом ракурсе // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2001. № 1.

[2] Аминов Д.И., Ревин В.П. Преступность в кредитно-банковской сфере в вопросах и ответах. М.: Брандес, 1997. С. 31-32.

Так, наиболее распространенными преступлениями в системе банкирских заведений являлись: участие банкирских домов и контор в биржевых спекуляциях за счет вкладов клиентов; привлечение денежных средств населения путем введения в заблуждение относительно будущих доходов; злоупотребления в сфере кредитования и вексельного обращения; злоупотребления, обусловленные совмещением государственной службы с участием в акционерных компаниях.

Прослеживая эволюцию отечественного уголовно-правового законодательства. касающегося данной экономической сферы, среди особо значимых, с нашей точки зрения, нормативных актов хотелось бы отметить Уложение о наказаниях уголовных и исправительных Российской Империи[1]. Его разделы «О нарушениях уставов торговых», «О преступлениях и проступках против собственности», «О преступлениях против имущества и доходов казны» включали нормы, направленные на защиту банковской сферы от преступных посягательств (подлогов, принятия противозаконных подарков, взяток и вымогательства; неправильных и злонамеренных действий в производстве ссуд, выдаче вкладов; утраты бланков; нарушения тайны вкладов). Следует подчеркнуть, что именно здесь были заложены основные законодательные конструкции об ответственности за преступления в сфере банковских отношений, существующие и ныне в Уголовном кодексе РФ. Для их осмысления и проведения параллели с современным законодательством считаем целесообразным более подробно рассмотреть некоторые нормы, содержащиеся в указанном документе.

Представляется весьма примечательным тот факт, что в рассматриваемом Уложении (в редакции 1866 г.) уже была предусмотрена уголовная ответственность за злоупотребления управленческого персонала, признавалось преступлением банкротство. В ст. 1665 речь шла об обмане и мошенничестве.

Так, к числу противоправных законодатель относил действия, связанные с преднамеренным банкротством[2]. Богатая судебная и законодательная практика дореволюционной России выработала весьма четкие критерии разграничения по подсудности дел о несостоятельности. Обязательным являлось рассмотрение дел в уголовном суде, если судом гражданским обнаруживались признаки злостного (умышленного) банкротства. Равно как и современный базовый закон о банкротстве, законодательство того времени, как правило, исключало возможность достижения «мировой» между должником и кредитором после возбуждения дела о несостоятельности. Отличительной же особенностью дореволюционного законодательства о несостоятельности являлось то, что суд вправе был начать дело о несостоятельности даже без какого-либо ходатайства или жа-

---

[1] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных Российской Империи 1845 г. – СПб., 1882. – С. 492-493.

[2] Особенность того времени – коммерческие суды, рассматривая материалы о несостоятельности, выносили свои решения по нормам Уложения и правилам Торгового устава.

лобы кредиторов, поскольку практиковался найм подставных лиц, а качестве кредиторов с целью нанесения ущерба фактическим кредиторам.

Закон делал четкое различие между банкротом по неосторожности и злостным (умышленным), что и служило отправной точкой для дифференциации ответственности. Дела по неосторожному банкротству являлись делами частного обвинения[1].

Одна из норм, выделенная законодателем в самостоятельную статью Уложения, предусматривала ответственность за извлечение противозаконной выгоды путем хищения или уничтожения каких-либо документов, подчеркивая тем самым различие природы между данным видом преступления и хищением[2].

В циркулярах министра юстиции достаточно много внимания уделялось квалифицирующим признакам упомянутой нормы. К наиболее интересным, на наш взгляд, можно отнести следующие[3]:

• должно приниматься во внимание похищение или уничтожение документа не любого, а служащего доказательством каких-либо имущественных прав;

• факту уничтожения или похищения документа принимается во внимание, если субъект преступления руководствовался корыстной целью;

• при противоправном завладении документом судебный орган должен руководствоваться не гражданскими обстоятельствами сделки, в рамках которой фигурировал документ, а чисто уголовно-правовыми признаками совершенного деяния;

• хищение соответствующих документов должно различаться по способу владения так же, как для квалификации имеет значение способ завладения имуществом.

К числу наказуемых относились и случаи совершения хищений своих собственных долговых расписок у кредиторов, держащих их в обеспечение займа.

Другая норма Уложения предусматривала ответственность за действия, связанные с приобретением имущественных выгод путем мошенничества. К числу таких деяний относилось умень-

---

[1] Неосторожные банкроты, подвергшиеся по желанию кредиторов тюремному заключению, содержались за счет самих же кредиторов. Если средства от последних не поступали, банкроты освобождались из заключения.

[2] Как показывает современная практика, аналог отмеченных криминальных деликтов имеет место и сегодня, однако в действующем УК РФ подобная дефиниция, что имелась в Уложении, отсутствует.

[3] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Изд. Н.С. Таганцев. – Петербург, 1901. – С. 819-820.

шение ценности или изъятие имущества, принадлежавшего ранее банкроту, но в связи с арестом этого имущества (в целях возмещения ущерба кредитору), находившегося в его временном ведении. Иными словами, если право на данное имущество принадлежало кредитору, но оно изымается, то согласно Уложению осеченное деяние должно было квалифицироваться как мошенничество. В тех же случаях, когда имущество должника официально еще судом не было подвергнуто описи, такие же действия мошенничеством не признавались, однако сделка считалась недействительной.

Вместе с тем указанные случаи далеко не исчерпывали список деяний, за которые юристы того времени выносили вердикт об имевшем место мошенничестве. Самым распространенным способом мошенничества являлось изготовление из частей разных кредитных билетов одного, но более высокого достоинства с последующим его сбытом.

Все отмеченные обстоятельства свидетельствуют, что законодательная доктрина, закрепленная в Уложении 1845 г., и в настоящее время весьма актуальна. Дальнейший сравнительный анализ приводит к выводу о большом сходстве диспозиций отдельных норм Уложения и УК РФ 1996 г., например, в части установления ответственности за открытие частного банка без соответствующего на то разрешения, а также за подлог при займе из государственных, общественных или частных кредитных учреждений.

Для иллюстрации данного утверждения представляется необходимым привести ряд отличий мошенничества от присвоения чужого имущества, отмеченных еще дореволюционными юристами.

1. Мошенничество – это похищение чужого имущества путем обмана, присвоение может быть осуществлено через удержание чужого имущества, переданного субъекту вследствие доверия владельца.

2. Присвоение денег, хотя и переданных виновному самим владельцем не вследствие какой-либо гражданской сделки, а в силу обмана или сообщения ложных сведений, составляет мошенничество, а не просто невыполнение гражданского договора.

3. Извлечение виновным для себя денежной прибыли из чужого имущества, противозаконно удерживаемого посредством обмана, для чего были сделаны соответствующие противозаконные приготовления, без которых обман был невозможен, подпадает под понятие мошенничества[1].

Особое место в Уложении было отведено ответственности за преступления, связанные с психическим или физическим насилием с целью получения прав на имущество или согласия на какую-либо невыгодную сделку по поводу этого имущества. Предметом рассмотрения здесь является чужое право на имущество или обязательство по нему, в отличие от непосредственного посягательства на само имущество. Действительно, проблемы межличностных отношений вполне могут возникать в процессе разрешения вопросов гражданского права при различного рода сделках, когда действия одной из сторон разрушают гражданский характер отношений и переводят их в область уголовно-правовую. Сущность норм Уложения заключалась в детализации ответственности за обман не только с целью непосредственной передачи имущества, но и сделок, которые должны быть облечены в письменную форму; за действия, направленные на залог одного и того же имущества в разных кредитных учреждениях.

Как можно заметить, закон того времени проводил параллель между обманными действиями в процессе осуществления залога и мошенничеством, где главным определяющим признаком являлся сам характер действий по совершению залога. К числу противоправных были отнесены также случаи залога недвижимого имущества одним из совладельцев без воли и согласия других.

Следует сказать, что в комментариях к Уложению неоднократно указывалось на максимальное обеспечение гражданско-правовым законодательством действительности всякого рода договоров, основанных на свободном соглашении сторон. Исключение составляли лишь договоры, направленные на достижение целей, запрещенных законом.

До 1893 г. ростовщичество по Уложению не преследовалось, но, начиная с указанного срока, независимо от формы и содержания договора об условиях передачи денег в рост, это деяние было

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Изд. Н.С. Таганцев. – Петербург, 1901.

криминализировано. Закон от 24 мая 1893 г. установил два рода наказуемого ростовщичества – сельское и денежное. Последнее, в свою очередь, делилось еще на два вида: общее денежное ростовщичество и ростовщичество со стороны лиц, занимающихся выдачей капитала в ссуды. Последний состав преступления предполагал условия: принадлежность виновного к числу лиц, занимающихся выдачей финансовых средств в ссуды; превышение 12% годовых за пользование кредитом; скрытый характер ростовщичества. Кроме указанного, можно отметить также и то, что закон от 24 мая 1893 г. данное деяние представлял как совокупность нескольких последовательных актов, каждый из которых образовывал самостоятельный состав наказуемого деяния и относился к продолжаемым преступлениям.

Привычным делом становились махинации в банках и акционерных обществах. Выступая государственным обвинителем по одному из уголовных дел о злоупотреблениях в Саратовском земельном банке, А. Кони сказал: «...Спокойно и бестрепетно действуют некоторые банковские и железнодорожные дельцы, разоряя, по всем правилам двойной и тройной бухгалтерии, доверчивых и задавленных послушным и чуждым делу большинством акционеров»[1]. В качестве оправдания нередко подсудимые банкиры ссылались, как правило, на то, что вся их деятельность велась «без корыстных целей, без подлогов, обманов и сговоров с залогодателями; составляет не уголовное преступление, а просто действие неосторожное, неблагоразумное».

В свою очередь защитники интересов банкирских учреждений утверждали, что строгий контроль, ведение отчетности отпугнут их клиентуру и отдадут ее в руки ростовщиков. В итоге у Министерства финансов не было даже полного перечня всех банкирских домов и контор.

В связи с недостатками в деятельности кредитных учреждений (в частности, широко распространенными злоупотреблениями со стороны их должностных лиц) 5 апреля 1883 г. был принят Закон об изменении и дополнении правил

---

[1] Тюнин В.И. Преступления экономические в Уголовном уложении 1903 года // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 168.

открытия акционерных коммерческих банков. Так, согласно данным изменениям сумма обя-зательств банка ограничивалась 5-кратным размером его собственного капитала (вместо ранее существовавшего 10-кратного). Кредит одному заемщику был лимитирован 10% основного капитала банка; устанавливалось, что лицо, занимающие административную должность в банке, отныне не имело права занимать подобную должность в каком-либо другом кредитном учреждении; ни одно лицо не могло располагать на Общем собрании акционеров более чем 10% всех голосов. Кроме того, был установлен правительственный банковский контроль в виде ревизий, проводимых по требованию акционеров, представляющих не менее 1/5 уставного капитала банка[1]. Новое законодательство также наделило правом министра финансов по согласованию с министром внутренних дел назначать в банках ревизии.

Однако по-прежнему большой проблемой являлись городские общественные банки: одни из них в погоне за прибылью занялись высокорискованными финансовыми операциями, другие стали карманными бонками местных влиятельных лиц, третьи по тем или иным причинам оказались на грани банкротства.

Например, о результатах деятельности учреждений ссудо-сберегательных касс можно судить по докладам инспекторов мелкого кредита. Они отмечали следующее: «Принимая во внимание, что кассам, в общем, выдано было ссуд на сумму свыше миллиона рублей, полученную кассами прибыль нельзя признать большой. Объясняется это тем, что кассы взимают по ссудам невысокие проценты: 2 кассы 10%, 1 касса 9%, 32 кассы 6%. Тогда как по вкладам платят довольно высокие (от 4 до 6) проценты. В 1913 г. в Заблудовской кассе произведена была, сбежавшим в Америку казначеем, растрата в 1900 рублей, а одна касса (Песковская, Волковысского уезда) пострадала от пожара

[1] Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. банковское право Российской Федерации. Общая часть: Учебник НИАРБ в г. Гродно, ф. 27, оп. 1, д. 537, л. 23./ Под общ. ред. акад. Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ, 2003. С. 282.

при весьма сомнительных обстоятельствах»[1]. В другом случае в результате ревизии Московского международного торгового банка, который возглавляли Лозарь и Яков Поляковы, выяснилось, что Лазарь Поляков практически бесконтрольно принимал решения о финансировании тех или иных операций, ссуды выдавались без указания сроков возврата и обеспечения и самое главное – собственных средств у Поляковых, чтобы возместить потери акционерам и вкладчикам, нет[2].

Вообще говоря, деятельность многих банков, акционерных и страховых компаний начиналась с мнимых прибылей и, естественно, с подложных документов, отражающих ее. Нередко одно и то же лицо участвовало в управлении несколькими кредитными учреждениями. Например, председатель Лопатинского кредитного товарищества покупал для своих пайщиков очень дорогие сельхозорудия у Сергачской земельной кассы, где он тоже являлся председателем. Зачастую уголовные дела в отношении руководителей банкирский домов и кредитных учреждений прекращались по типичному для того времени основанию: по ст. 277 Устава уголовного судопроизводства «за недоказанностью признаков состава преступления, предусмотренного ст. 1154 и ст. 1155 Уложения о наказаниях, ввиду отсутствия точных указаний на злоумышленность неправильных действий».

Надо отметить тот факт, что и в то время учеными-правоведами велась оживленная дискуссия по проблемам регулирования вышеназванных противоправных деяний. Так, сторонники концепции злоупотребления доверием считали, что установление норм ответственности за обман и кражу в уголовно-правовой охране договорных отношений явно недостаточно. При этом они исходили из того, что при краже суть преступления состоит в тайном безвозмездном изъятии имущества другого лица, а для мошенничества характерно похищение этого имущества с помощью обмана. В случае передачи прав другому лицу по управлению и распоряжению чужим имуществом интересы вла-

---

[1] Белорусская деловая газета. 2004. 2 ноября. С. 11.

[2] Экономические преступления в историческом ракурсе // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2001. № 1.

дельца нуждаются в защите потому, что уполномоченное на то лицо зачастую злоупотребляет полномочиями, ему предоставленными, и это обстоятельство наносит ущерб владельцу в силу того, что злоупотребления управомоченных лиц оставались вне сферы уголовно-правового воздействия, эти ученые предлагали установить уголовную ответственность за злоупотребления подобного рода, для которых предложено было название «злоупотребление доверием».

В результате, на основании исследований, проведенных учеными того времени[1], были разработаны и внесены ряд новых норм в Уголовное Уложение 1903 г., в том числе о наказаниях за злоупотребления служебным положением[2], однако фактически в действие это Уложение не вступило. Следует отметить, что если Уложение 1845 г. содержало отдельную главу «О нарушении постановлений о кредите», направленную на защиту кредитно-финансовых отношений, то в Уголовном уложении 1903 г. все составы преступлений нашли свое отражение, но – в разных главах. Кроме того, оно содержало множество новых составов, принятых в связи с расширением и видоизменением финансовой сферы. Хотя по многим характеристикам Уголовное уложение 1903 г. имеет большое сходство с Уложением 1845 г., однако в анализируемых составах нового Уложения появляется ряд квалифицирующих признаков: повторное совершение преступления, совершение преступления в сообществе (соучастие), значительный вред, важный ущерб, сопряженное с другими злоупотреблениями. За совершение преступлений предусматривались: заключение в тюрьму, исправительный дом, каторга, арест, денежный штраф, лишение права содержать банкирское заведение.

В научной литературе прошлых лет, посвященной проблеме преступности в банковской сфере, большое внимание уделяется и вопросу совместительства государственной службы с участием в различных акционерных компаниях.

Начиная с 1860 г. совместительство приняло в России угрожающий характер. Высшие чиновники Министерства финансов приглашались в учредители за возможность в будущем получать кредиты Госбанка.

Разного рода жесткие ограничения в деятельности вызывали у акционерных компаний стремление обойти закон и с помощью совместителей добиться для себя различных льгот, что привело к массовым злоупотреблениям[3].

Сложность запрета совместительства заключалась в том, что он в значительной степени ограничивал право частной собственности, т. е. право управления своим капиталом, вложенным в акционерное общество. Вместе с тем 3 декабря 1884 г. императо-

---

[1] См., напр.: Аносов. И.И. Злоупотребление доверием. – М., 1915; Северский Я.Г. Особенная часть русского уголовного права. – СПб., 1892; Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. – СПб., 1901.

[2] См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. – С. 382-383.

[3] Шепелев Л.Е. Указ. соч. – С. 73.

ром был подписан именной указ – «Правила о порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах, а равно в общественных и частных кредитных учреждениях»[1]. Таким образом, уже более 100 лет назад была предпринята своего рода попытка преодоления законодателем элементов коррупции в высших эшелонах власти и предусматривалась уголовная ответственность правительственных чиновников и должностных лиц за нарушения в сфере банковских отношений.

Исключительно важное значение имели положения гл. 12 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. «О нарушении постановлений о кредите». Предусматривалась ответственность за открытие частного банка без дозволения правительства или без соблюдения установленных законом правил (ст. 1152), за подлог при займе из государственных или общественных и частных кредитных установлений (ст. 1151). За банковские злоупотребления несли одинаковую ответственность как чиновники и должностные лица государственных кредитных установлений, так и должностные лица общественных и частных банков: за подлоги и неверность в сохранении вверенного им имущества, принятие противозаконных подарков, взятки и вымогательство (ст. 1154), за неправильные и злонамерные действия в производстве ссуд или выдаче вкладов с ущербом для того установления, в котором они служат (ст. 1155). При этом кассационная практика Правительствующего Сената понимала под должностными лицами всех тех, кто исполнял в общественных и частных банках служебные обязанности, относящиеся к деятельности банка по денежным его оборотам и по заведыванию принадлежащим ему имуществом.

Однако на практике ст. 1154 и 1155 применялись лишь при наличии в инкриминируемом деянии трех признаков – «отступления от устава данного кредитного учреждения, ущерба для его имущества и злонамеренности виновного». В итоге, «с одной стороны, открывался широчайший простор и полная безнаказанность для самых отчаянных спекуляций и авантюр, предпринимавшихся во имя личной корысти и с вопиющими отступлениями от устава, лишь бы только они увенчались успехом; с другой же, всякое маловажное отступление от буквы устава, оканчивающееся неудачей, должно было влечь за собой

[1] Там же. С. 133.

применение суровых определений ст. 1154 и ст. 1155 Уложения о наказаниях, так как всякую банковскую операцию можно было свести к злонамеренной. И если понимать это неопределенное выражение в смысле личного интереса, – то нельзя отрицать, что в любом действии руководителя банка можно было усмотреть, по крайней мере, стремление путем той или иной спекуляции доставить себе выгоду, так как от успеха дел банка зависел и его личный успех»[1].

Особо предусматривалась ответственность чиновников и должностных лиц государственных кредитных установлений, общественных и частных банков за нарушение банковской тайны (ст. 1157). В этой же главе рассматривались вопросы ответственности за подделку билетов государственных кредитных установлений (ст. 1149), общественных и частных банков (ст. 1150), подлоги и другие злоупотребления векселями (ст. 1160). Статьи 1163-1168 разрешали вопросы ответственности за различные злоупотребления, связанные с банкротством[2].

Уголовное уложение 1903 г. также содержало ряд норм, призванных охранять кредитно-банковские отношения. Например, глава 34 «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемости по имуществу» содержала более десяти статей, посвященных тем или иным деяниям, совершаемым должником в преддверии или во время банкротства. Блок статей с 324-й по 333-ю описывал нормы о нарушениях постоновлений о кредите[3]. Деяния, описанные в этих статьях, не были

---

[1] См.: Данилова Н.А., Серова Е.Б. Банковская система России как сфера деятельности организованной преступности // Санкт-Петербургский центр по изучению организованной преступности и коррупции.

[2] См.: Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. С. 7-15; Тюнин В.И. Экономические преступления всистемедореволюционного уголовного права (эволюция научных представлений) // Государство и право. 2000. № 1 1. С. 73-80; Ларичев В.Д., Улейчик В.В. Переход к рыночным отношениям и борьба с корыстной преступностью в кредитно-финансовой сфере //Деньги и кредит. 1991. № 10. С. 33-38.

[3] См.: Скобликов П. Уголовно-правовое обеспечение возвратности долгов в российском законодательстве // Хозяйство и право. 1999. № 3. С. 46-53; Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 9-36.

предусмотрены в Уложении о наказаниях. Включению их в Уголовное уложение предшествовала кропотливая работа составителей, изучение новых форм экономической жизни общества. Так, тюремному заключению до шести месяцев могло быть подвергнуто лицо за открытие подписки на ценные бумаги от имени не разрешенного к открытию торгового или промышленного общества или товарищества[1].

Нормы главы 29 «Об оглашении тайн» описывали различные случаи разглашения сведений, составляющих тайну. Например, в ст. 544 говорилось об оглашении тайны спужащим в кредитном установлении, причем деяния преследовались независимо от наступления вреда, последовавшего оттакого разглашения (для справки: современное уголовное законодательство России предусматривает такого рода ответственность только при наличии крупного ущерба). Многие новые преступления в сфере банковской деятельности в той или иной степени были связаны с обманом, вследствие чего предлагалось применять в таких случаях положения статей о мошенничестве.

Помимо этого, в 1906 г. отделение главы 13 Уложения о наказаниях было дополнено блоком норм об ответственности содержателей банкирских заведений и меняльных лавок за производство запрещенных операций, совершение запрещенных законом сделок по покупке и продаже золотой валюты и тому подобных ценностей в золотой валюте.

Основным банковским актом этого периода можно с уверенностью считать Закон от 29 апреля 1902 г. об упрочении деятельности частных банков, который ограничил размер выдаваемых учреждениями долгосрочного кредитования городских ссуд 1/3 от общего числа ссуд. Немало норм Закона касалось акционерных коммерческих банков (например, членам правлений банков, управляющим делами и другим служащим этих банков было запрещено пользоваться в своем банке любым видом кредита; существенным образом упрощена процедура для возбуждения меньшинством акционеров ходатайства о

---

[1] См.: Тюнин В.И. Преступления экономические в Уложении 1903 года // Правоведение. 2000. № 2. С. 235-243.

проведении в банке правительственной ревизии, для чего теперь требовалась инициатива группы акционеров, представляющих 10% голосов на общем собрании и 5% паевого капитала).

Таким образом, история становления и развития в России кредитно-финансовой сферы в целом и банковской системы в частности свидетельствует, что сопутствующие позитивные процессы и негативные явления, детерминирующие экономическую преступность, всегда зависели от форм собственности, экономической модели государства, особенностей правового регулирования общественных отношений в сфере денежного обращения и банковской деятельности. При этом предпринятый анализ исследования кредитно-финансовой сферы показал, что многие черты современного состояния преступности здесь не являются чем-то совершенно новым для российских. Вот почему было бы непростительно не принимать во внимание уже имеющийся исторический опыт защиты от противоправных посягательств на кредитно-финансовые интересы как государства в целом, так и отдельных хозяйствующих субъектов, включая банки, примером и аналогом которому и может служить законодательство дореволюционной России.

Руководство финансового ведомства в 1910 г. отмечало невозможность осуществления контроля за деятельностью банковских учреждений. Довольно часто банки открывались исключителью с целью недобросовестного обогащения за счет клиентов[1]. В этой связи при конторах и отделениях Госбанка были введены должности инспекторов по делам мелкого кредита: инспекторы наделялись широкими полномочиями: проведение ревизий «во всякое время по своему усмотрению»; право изменять состав правлений и советов товариществ в случае обнаружения «беспорядков или злоупотреблений».

Так, о недостатках в работе Гродненской казенной палаты свидетельствует Циркуляр Департамента государственного казначейства, адресованный управляющему казенными палатами: «Имевшие место в последние годы растраты в казначействах денежных сумм и гербовых знаков обнаружили с достаточной

[1] Аминов Д.И., Ревин В.П. Преступность в кредитно-банковской сфере в вопросах и ответах. М.: Брандес, 1997. С. 33.

ясностью весьма неудовлетворительную постановку не только срочных, но и внезапных свидетельств казначейств. Проверка наличности процентных бумаг в казначействах производилась весьма неудовлетворительно... к числу причин, вследствие которых замедляется обнаружение преступлений по хищениям и растратам казенных сумм, спедует, что многие казенные палаты не проверяют должным образом полученных ими актов и ведомостей о свидетельствах казначейств»[1].

Аналогичные выводы можно было найти и в результате проверки Минского городского кредитного общества в 1904 г. Убытки, отраженные в балансе этого общества, характеризовались «чрезмерными ссудами», выданными некоторым членам общества, которые они не смогли своевременно погасить. Попытки же взыскать долг путем продажи заложенного имущества оказались безрезультатными[2]. По данным С.С. Остроумова, с 1909 по 1913 г. произошел значительный рост нарушений уставов торговых и кредитных предприятий. Нарушения выражались в основном в невыполнении обязательств по полученным кредитам, вследствие чего возросло число подлогов векселей и иных ценных бумаг[3].

Достаточно большое внимание в литературе прошлых лет уделялось проблеме совместительства государственной службы с участием в различных акционерных компаниях. Высшие чиновники Министерства финансов нередко приглашались в учредители за будущую возможность получать кредиты Госбанка. Все это приводило к массовым злоупотреблениям и растратам денежных средств, что не могло не сказаться на процессе формирования стабильной кредитно-финансовой системы государства.

Проведенное ретроспективное исследование кредитно-финансовой сферы России конца XIX и начала XX столетия позволяет выявить типичные виды и формы преступной

---

[1] НИАРБ в г. Гродно, ф. 27, оп. 1, д. 832, л. 11.

[2] Грузицкий Ю. Под чьим «смотрением» банк? // Финансы, учет, аудит. 2002. № 2. С. 80.

[3] Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 69.

деятельности в банковской системе. Вместе с тем следует признать и то обстоятельство, что специальные криминалистические исследования в данной области напрочь отсутствовали, поскольку криминалистика как научная дисциплина в данное время начинала только зарождаться.

В памятниках уголовного права XIX в. не содержалось единой группы экономических преступлений. Однако анализ уголовного законодательства позволяет утверждать, что уже тогда деяния, посягавшие на нормальный ход осуществления банковской деятельности, были криминализированы.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что нами была предпринята попытка краткого исторического анализа развития уголовной ответственности за правонарушения в банковской сфере в России. Проведенное исследование источников позволяет утверждать, что развитие экономических отношений влечет за собой неизбежное совершенствование законодательства, в определенном смысле защищающего сложившуюся на данном историческом этапе стадию развития экономики. При этом еще раз подчеркнем тот факт, что ретроспективный анализ нормативной базы может стать весьма ценным материалом для совершенствования ныне действующего законодательства.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ПРИМЕНЕНИЯ КОНФИСКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Аджиева Л.З.
доцент кафедры юридических дисциплин
филиала ДГУ в г.Избербаш

Карагишиев Ю.К.
соискатель кафедры
уголовного права и криминологии ЮФ ДГУ

В нашей стране в последние годы особую актуальность приобрела проблема борьбы с коррупцией и вывоза капитала за ру-

беж. В связи с этим большой интерес представляет опыт европейских стран в этой сфере. Примечательно, что уголовное законодательство этих государств не использует термин «коррупция» при конструировании составов должностных преступлений, не содержит, как правило, никаких «особых» норм, направленных на борьбу со взяточничеством, а санкции, предусмотренные за получение взятки публичными должностными лицами, являются довольно мягкими: штраф или тюремное заключение на срок до двух лет — в Швеции или четырех лет (при отягчающих обстоятельствах) — в Финляндии. В североевропейских странах отсутствуют специальные органы по борьбе с коррупцией, однако, по данным влиятельной неправительственной организации «Трансперенсу Интернешнл» (*Transparency International*), все пять скандинавских стран на протяжении нескольких последних лет входят в десятку наименее коррумпированных государств мира. Согласно так называемому индексу восприятия коррупции первые два места в списке наименее коррумпированных стран занимают Дания и Швеция[1].

В то же время некоторые уголовно-правовые меры, предпринимаемые в скандинавских странах в целях борьбы с коррупционной преступностью, заслуживают отдельного внимания.

Так, уголовное законодательство скандинавских стран предусматривает использование такой меры уголовно-правового воздействия, как конфискация доходов, полученных преступным путем. Например, в Норвегии Общегражданский уголовный кодекс (в этой стране существует еще и Военный уголовный кодекс) относит изъятие имущества преступника к «другим правовым последствиям преступления» (гл. 2). Особенностью уголовного законодательства Норвегии является, во-первых, применение данной меры ко всем видам преступлений, связанным с получением преступных доходов. Согласно § 34 Уголовного кодекса Норвегии: «Любой доход, полученный в результате уголовно наказуемого деяния, должен быть изъят». Во-вторых, «изъятие осуществляется, даже если нарушитель закона не может быть

---

[1] Сохраняющийся уровень коррупции в странах с низкими доходами требует действий со стороны международного сообщества, http://www.lransparency.org.ru/ doc/1 RUS

наказан, поскольку был невменяем, или вина не доказана». Кроме того, закон прямо указывает, что в основе изъятия незаконных доходов «должно лежать то, что доход достался нарушителю закона, если он не докажет, что он достался кому-то иному». Таким образом, Уголовный кодекс Норвегии переносит бремя доказывания законности получения дохода на обвиняемого.

Последнее положение особенно актуально для нашей страны, где камнем преткновения в вопросе о конфискации имущества является вопрос о том, кто должен доказывать законность происхождения данного имущества — обвиняемый или государственные органы? Чаще всего в нашей стране противники широкого применения конфискации ссылаются на презумпцию невиновности и невозможность доказать преступный характер доходов, особенно в тех случаях, когда имущество было преобразовано или оформлено на других лиц. Как видно, в Норвегии подходят к этому вопросу с иных позиций. В данной стране в случае совершения преступления, которое может принести значительный доход и наказуемо лишением свободы на срок от шести и более лет, применяется расширенное изъятие имущества, при котором может быть изъято все имущество, принадлежащее виновному, если он не докажет, что имущество было добыто законным путем (§ 34 а). При расширенном изъятии может также изыматься стоимость всего имущества нынешней или бывшей супруги преступника, если он не докажет, что это имущество получено законным путем[1].

Согласно результатам международных исследований показатели ВВП в Норвегии в четыре раза выше, чем в России (11 861 долл.); между тем здесь считают необходимым применять конфискацию преступных доходов, хотя в этом нет экономической необходимости. Думается, что для нашей страны расширение пределов применения конфискации преступных доходов тем более необходимо, поскольку данная мера дает реальную возможность подорвать корни экономической преступности и поднять жизненный уровень населения, в том числе за счет средств, находящихся в незаконном пользовании лиц, наживших свои капита-

---

[1] Уголовное законодательство Норвегии / науч. ред. Ю. В. Голик : пер. с норв. — СПб., 2003. – С. 48-59.

лы преступным путем. Кроме того, следует учитывать, что во всех скандинавских странах установлена уголовная ответственность юридических лиц, чье имущество также может быть конфисковано по приговору суда.

Данный Закон предусматривает также, что лица, имеющие отношение к финансовой деятельности, например сотрудники банков, кредитных организаций, адвокатских и бухгалтерских контор, обязаны доносить о подозрительных финансовых операциях, если они имели «разумные основания» полагать, что клиент отмывает деньги. Недоносительство карается лишением свободы на срок до пяти лет. Кроме того, Закон учредил специальное Агентство по розыску преступных доходов (*Assets Recovery Agency),* имеющее статус независимого органа *(Non-Ministerial Department),* что означает отсутствие формального подчинения кабинету министров и финансирование напрямую из бюджета парламента. В составе агентства учреждены должности финансовых следователей, которые должны разыскивать преступные доходы и добиваться их конфискации.

Закон 2002 г. ввел ряд новых понятий и оснований для привлечения к уголовной ответственности за отмывание преступных доходов. Так, согласно закону основанием для привлечения к уголовной ответственности может быть получение преступных доходов в результате конкретной преступной деятельности либо «преступною образа жизни» *(criminal lifestile),* в результате которого доходы, полученные преступным путем, являются основным источником средств существования обвиняемого (ст. 6).

Закон 2002 г. подробно урегулировал процедуру конфискации. Согласно закону конфискация преступных доходов осуществляется в результате особого судебного разбирательства — судопроизводства по делам о конфискации *(confiscation proceedings).* Особенностью этого разбирательства является тот факт, что оно осуществляется по правилам гражданского судопроизводства, т.е. на основе состязательности и равноправия сторон, предполагающего, что бремя доказывания лежит на сторонах, каждая из которых должна доказать фактические обстоятельства, на которые она ссылается как основание своих требований и возражений. Сторонами в таком процессе выступают, с одной стороны, прокурор или представитель Агентства по розыску преступных

доходов, а с другой — осужденный преступник либо лицо, получившее преступные доходы вследствие «преступного образа жизни». Несмотря на то что судопроизводство по делам о конфискации осуществляется по правилам гражданского процесса, это судебное разбирательство тем не менее происходит в Судах Короны, обладающих юрисдикцией по уголовным делам.

Оценивая перспективы использования английского опыта в условиях нашей страны, следует иметь в виду, что российский уголовный процесс предоставляет схожие правовые возможности для решения вопроса о конфискации в результате применения такого института, как гражданский иск в уголовном деле. Отечественный УПК предоставляет обширные права гражданскому истцу (ст. 44) и гражданскому ответчику (ст. 54) для участия в рассмотрении гражданского иска, вытекающего из уголовного дела. Возможно, именно эту процедуру имел в виду отечественный законодатель, когда в результате поправок в УК РФ, внесенных в 2006 г., предусмотрел конфискацию *по решению* суда, а не на основании приговора. В таком случае нам остается только создать свое независимое Агентство по розыску преступных доходов, институт финансовых следователей и предоставить им, а также представителям прокуратуры право обращаться в суд с соответствующими исками.

Согласно пресс-релизу, выпущенному МВД Великобритании 2 января 2008 г., с тех пор как закон «О преступных доходах» вступил в силу в 2003 г., всего было конфисковано 360 млн фунтов стерлингов преступных доходов, причем этот процесс постепенно набирает темп. Так, в 2003/2004 финансовом году было конфисковано 54,5 млн; в 2004/2005 г. — 84 млн; в 2005/2006 г. — 96 млн; в 2006/2007 г. — 125 млн фунтов стерлингов. После введения в 2007 г. новой интенсивной схемы конфискации, согласно которой половина всех конфискуемых сумм остается в распоряжении полиции, прокуратуры, таможни, Агентства по розыску преступных доходов и других ведомств, участвующих в поиске таких доходов, этот процесс принял новый размах. Так, только за три месяца 2007 г. — с июля по сентябрь — было конфисковано преступных доходов на сумму 30 млн фунтов стерлингов, из них 4,4 млн достались полиции Англии и Уэльса. Как считают в руководстве министерства внутренних дел, конфиска-

ция приносит двойную пользу: лишает преступников незаконных доходов и позволяет полиции использовать дополнительные средства для осуществления программ борьбы с преступностью на местах[1].

Если обратится к опыту Италии, то там конфискация незаконно полученного мафией имущества была предусмотрена еще в Уголовном кодексе 1931 г., однако в то время существовал ряд ограничений по его применению, главное из которых заключалось в том, что правоохранительным органам необходимо было доказать, что данное имущество получено в результате преступной деятельности. В результате, как считают сами итальянские исследователи, «институт конфискации продемонстрировал свою беспомощность по отношению к собственности мафии», поскольку было почти невозможно доказать преступное происхождение той или иной собственности. В этой связи в 1980-е гг. в итальянское законодательство внесены новые положения, позволившие государству вести наступление на имущество мафии. Прежде всего была законодательно закреплена возможность принятия решения о конфискации на самых ранних стадиях уголовного судопроизводства в качестве превентивной меры, которая может применяться к подозреваемым в принадлежности к мафии.

Кроме того, установлено, что конфискации подлежит все имущество (недвижимое, движимое, денежные средства, акции и кредитные обязательства), которым преступник «может обладать, прямо или косвенно, когда его стоимость находится в диспропорции с заявленными доходами или осуществляемой экономической деятельностью или когда на основании достаточных улик имеются мотивы считать, что оно является следствием противозаконной деятельности». При этом было установлено, что для принятия решения о конфискации достаточно косвенных улик, а не прямых доказательств. Бремя доказывания необоснованности судебного решения о конфискации возложено на самого подозреваемого, который может оспорить это решение в судебном по-

---

[1] 4,4 Million Seized From Criminals To Boost Policing. http://press.homeofliee. l<ov.uk/press-releases/Criminals-Money-Boos-Policing? versi...

рядке. Если апелляция не подается или отклоняется судом, конфискованное имущество передается государству.

В 1996 г. в Италии специальным законом введено в действие положение, согласно которому некоторые виды конфискованного имущества могут быть переданы коммунам и использованы на социальные цели: под офисы, школы, игровые площадки, парки развлечений, информационные центры и другие объекты, управляемые непосредственно администрацией коммуны. К таким объектам относятся, в частности, организации, занимающиеся вопросами социальной помощи и профилактики, лечения недееспособных или наркозависимых лиц. В стране были созданы специальные консорциумы для решения вопросов использования конфискованных у мафии земельных участков. Данные участки передаются в пользование сельскохозяйственным кооперативам, где производят экологически чистую продукцию под маркой «стерилизовано законом». Итальянские исследователи считают, что изъятие имущества у криминальных кругов является сильным ударом по мафиозной организации: по их данным некоторые осужденные мафиози готовы были провести в тюрьме еще 10 лет, чем лишиться своей собственности в результате конфискации[1].

Таким образом, опыт ведущих зарубежных стран свидетельствует о том, что конфискация имущества является не только справедливой мерой ответственности за экономические преступления, но также позволяет хотя бы отчасти восполнить социальный ущерб, причиняемый данными преступлениями.

---

[1] См. подробнее: *Энцо, Ло Дато.* Итальянское антимафиозное законодательство: новшество и результаты / Дато Энцо Jlo // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние тенденции возможности и перспективы противодействия : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов, г<И>5. – С. 74-97.

СФЕРА БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ :

Муцалов Ш.Ш.,
Зав кафедрой
теории и истории государства и права
к.ю.н.,ЧГУ

Понять сущность и содержание преступлений, совершаемых в сфере банковской деятельности, можно лишь на основе постижения и уяснения закономерностей развития и функционирования данных негативных явлений в кредитно-денежной системе. В этом плане исторические публикации прошлых лет дают достаточно полное представление о деятельности банков с момента их зарождения до наших дней, об изменениях, происходивших прежде и происходящих сейчас в банковской сфере России. Изложенные мотериалы содержат сведения о формировании теоретических положений и конкретных лрактических решений, способах и опыте управления кредитно-финансовыми системоми в разные исторические периоды. Знакомство с историческим прошлым представляется исключительно важным сейчас, когда реформирование банковской системы находится в критической фазе, принимаются меры по устранению причин и ус-ловий, способствующих совершению кредитно-финансовых злоупотреблений. Поэтому было бы ошибочно утверждать, что преступления, совершаемые в кредитно-банковской сфере, – исключительно современное явление[1].

Как известно, зарождение банковского дела началось с деятельности средневековых менял Северной Италии. Слово «банк» произошло от итальянского «Banco» – скамья, так называлась лавка менялы, где осуществлялись все денежные операции. Однако сам факт появления отдельных кредитных учреждений, которые оказывают клиентуре разнообразные услуги по приему вкладов и предоставлению кредитов, не дает

[1] Басецкий И.И., Егоров Ю.А., Шиенок В.П. Преступления в банковской системе: теория и практика расследования. Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 2000. С. 8.

оснований говорить о становлении в том или ином государстве банковской системы. Банковская система – это внутренне организованная, взаимосвязанная, объединенная общими целями и задачами совокупность кредитных учреждений государства. Она складывается тогда, когда наряду с обычными (коммерческими) банками появляются центральные банки, выполняющие функции управления банковской системой.

История становления и развития системы уголовно-правового регулирования банковской сферы весьма богата и многопланова. Полагаем, что накопленный исторический опыт заслуживает того, чтобы не только органически быть воспринятым современным законодателем, но и стать ценнейшим источником преемственности традиций для отечественных предпринимателей, банковских и государственных служащих.

Первые попытки зарождения банковского дела в России можно отнести к середине XVIII в, 13 мая 1754 г. Правительствующим Сенатом в Санкт-Петербурге и Москве были учреждены сословные банки двух видов: государственные заемные банки для дворянства и Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции и купечества[1]. Однако деятельность этих первых.кредитных учреждений не оправдала ожиданий правительства. Казенные капиталы, выданные банками, были розданы в первые годы в сравнительно немногие руки, в которых деныи и продолжали оставаться; помещики не только не возвращали деньги в срок, но большей частью не платилй и процентов; предписанная законом продажа просроченных залогов на деле не применялась; правильный бухгалтерский учет отсутствовал; отчеты, представляемые императрице, составлялись только приблизительно.

В этих условиях персонал банков не удержался от злоупотреблений, которые тем не менее вскрывались, вследствие чего Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции и купечества неоднократно лишался самостоятельности и ставился в подчинение Коммерц-коллегии.

---

[1] См.: Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под общ. ред. акад. Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ, 2003. С. 266-267.

Неудовлетворительное положение дел в банках отразилось в указе императора Петра III от 26 июня 1762 г., где отмечалось, что «учрежденные для дворянства и купечества банки... имели служить для вспоможения всему обществу, но нам известно, что следствие весьма мало соответствовало намерению и банковские деньги остались по большей части в одних и тех же руках, в кои розданы с самого начала. Сего ради повелеваем: в розданных в заем деньгах отсрочек более не делать, но все оныя надлежит собрать и ожидать Нашего дальнейшего указа»[1].

Таким образом, к числу первых правонарушений, совершенных в российской банковской системе, можно отнести злоупотребления банковских чиновников, связанные с кредитными операциями, а также невозвращение заемщиками полученных кредитов в срок и неуплату по ним процентов.

Период возникновения в России собственно банковской системы можно было наблюдать во второй половине XIX в., когда в Российской империи начала формироваться кредитная система, характерная для капиталистического хозяйства. Существовавшие на протяжении целого столетия крепостнические казенные банки перестали отвечать потребностям экономического развития и к середине XIX в. превратились в серьезное препятствие для развития торгово-промышленных отношений. Постепенно центральным звеном кредитной системы становятся частные коммерческие банки. В середине 60-х гг. позапрошлого столетия происходит быстрый численный рост акционерных банков, а на смену ажиотажу на акции железных дорог приходит спекуляция банковских акций.

Нужно сказать, что первое частное кредитное учреждение в России – Санкт-Петербургское кредитное общество – открылось в 1861 г., а в 1864 г. – первый частный коммерческий банк. Как показывают многочисленные исследования, «в России на тот период существовала хорошо отлаженная система правительственного контроля над денежным обращением и банками, что в не малой степени обеспечивалось соответствующим законодательством»[2].

---

[1] См.: Печерин Я.И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904. С. 106-107; Батюшков Д.Д. Бан-ки. Их историческое развитие, значение, операции и счетоводство. Владикавказ, 1905. С. 34-35.

[2] Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. – Л., 1973. – С. 35.

Процесс развития этого вида деятельности в России происходил достаточно бурно, и к 1 января 1898 г. в России насчитывалось уже 511 учреждений краткосрочного и долгосрочного кредита с 461 отделением[1]. Все они действовали на основании утвержденных правительством уставов, определявших не только круг разрешенных видов коммерческой деятельности, но и порядок ведения отчетности. По установленным на тот период правилам учреждения банковского промысла периодически должны были публиковать в правительственных и других газетах сведения о состоянии своих балансов, включая результаты собственной годовой деятельности.

С увеличением количества банковских учреждений росло и число так называемых банковских процессов. Усложнение отношений в сфере банковской деятельности диктовало необходимость разработки адекватного уголовного законодательства с целью соответствующего регулирования противоправного экономического поведения, с одной стороны, и создания комплекса гарантий для добросовестных хозяйствующих субъектов – с другой.

Подтверждением тому служит первый банковский кризис, разразившийся в 1873 г., который был обусловлен обострившейся конкуренцией: пытаясь привлечь деньги, банки шли на увеличение процентных ставок по вкладам, но не получали для их покрытия достаточных прибылей от торгово-промышленных операций. Для сохранения прежних дивидендов увеличивались проценты по ссудам, что нередко приводило к потере постоянных клиентов. Банкам приходилось выдавать кредиты предприятиям, обещавшим большие выгоды, а это значительно усиливало их риск.

С развитием российской банковской системы, расширением круга операций, выполняемых кредитными учреждениями, и увеличением их клиентуры возрастало число различного рода противоправных деяний, связанных с нарушением порядка осуществления банковской деятельности. Среди них особо выделялись злоупотребления чиновников и должностных лиц государственных кредитных установлений, а также должностных лиц общественных и частных банков: подлоги при займе из государственных, общественных и частных кредитных учреждений, неправомерные действия при выдаче ссуд и вкладов, взятки, вымогательство. Появились новые виды

[1] См.: Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. – СПб., 1871. -С. 92.

противоправных деяний, связанные с развитием рынка ценных бумаг. Так, в частности, достаточно широкое распространение получили злоупотребления с векселями: изготовление фальшивых векселей с последующим их предъявлением к взысканию либо в уплату за товар, подделка банковской подписи на векселях. К новым видам банковских преступлений относились нарушение банковской тайны, открытие частного банка без дозволения правительства или без соблюдения установленных законом правил[1].

История развития и функционирования кредитно-финансовой системы дореволюционной России свидетельствует, что банки стремятся к получению максимальной прибыли. В конечном счете это обстоятельство неизбежно приходило в противоречие с потребностями развития производительных сил общества[2]. Больше того, в погоне за наивысшей прибылью они (банки) зачастую нарушали разумные границы кредитования и инвестирования, способствуя тем самым усилению неравномерности экономического развития и углублению хозяйственных диспропорций. Жажда наживы толкала клиентов банка на финансовые аферы и преступления, пособниками которых нередко становились и сами банкиры. Развитие кредита и акционерного дела порождало, по словам К. Маркса, «новую разновидность паразитов в образе прожекторов, учредителей и чисто номинальных директоров, воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в отношении учредительства, выпуска акций и торговли акциями»[3]. Именно такого рода прискорбную закономерность можно было обнаружить на страницах столичных газет и журналов, где главным образом отмечалось, что чем больше банков, тем больше хищений вкладчиков и так называемых банковских процессов.

Так, Санкт-Петербургско-Тульский банк выдал ссуду под дом в размере `130 тыс. рублей, а дом был продан только за 15

---

[1] См.: Данилова Н.А., Серова Е.Б., Сапожков А.А. Преступления в сфере банковской деятельности. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 529 с.

[2] Хилюта В.В. Теоретические основы и прикладные про-блемы расследования мошенничества в банковской сфере. Гродно, 2004. С. 14.

[3] Марк К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 156.

тыс. рублей. Свидетели показали, что «оценка имущества, вопреки уставу банка, производилась не всеми членами оценочной комиссии (в протоколах имеются подписи лишь двух оценщиков)». К протоколам оценки не прилагались документы, отражающие истинную (рыночную) цену недвижимости и степень ее доходности (копии контрактов и иных условий). Банковский ревизор попытался настоять на особом мнении о результатах ревизии, но тотчас был выдворен из состава ревизионной комиссии ее председателем (членом правления банка).

Наиболее способных соучастников из простых акционеров организаторы хищений в порядке поощрения переводили в члены оценочных комиссий, а из последних – в члены ревизионных комиссий или же в члены правления банка. В некоторых банках лишь 10% прибыли шло в запасной капитал, а 90% «расходовалось по рукам»: солидные платежи в пользу оценщиков, членов ревизионной комиссии и прочих. Но еще большие суммы необоснованно выплачивались директору и высшим служащим банка. Причем эти вознаграждения начислялись и тогда, когда банк работал с большими убытками[1].

В связи с поступлением многочисленных жалоб в Министерство финансов на участие банкирских домов и контор в биржевых спекуляциях, которые привели к банкротству некоторых подобных кредитных учреждений, было решено подчинить их жесткому контролю. Свидетельством тому служит крах Коммерческого ссудного банка в Москве (1875). Большой общественный резонанс также вызвало банкротство в 1889 г. банков Кана в Петербурге и Мусатова в Москве[2], занимавшихся торговлей в рассрочку билетами выигрышных займов. При этом обнаружилась не столько халатность, сколько нечистоплотность банкиров, что заставило Министерство финансов принять радикальные меры.

---

[1] См.: Экономические преступления в историческом ракурсе // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2001. № 1.

[2] Аминов Д.И., Ревин В.П. Преступность в кредитно-банковской сфере в вопросах и ответах. М.: Брандес, 1997. С. 31-32.

Но, несмотря на столь бдительный контроль со стороны правительства за банковской сферой, одно из звеньев кредитной системы – банкирские дома и конторы – фактически сумело уйти от опеки властных структур. До конца XIX в. российское законодательство не делало различий между банкирскими и торговыми заведениями. Банкиры причислялись к купцам и должны были выкупать гильдейские свидетельства. Поэтому они нередко действовали под вывеской торговых домов, обходя многие инструкции и распоряжения о банковской деятельности.

Так, наиболее распространенными преступлениями в системе банкирских заведений являлись: участие банкирских домов и контор в биржевых спекуляциях за счет вкладов клиентов; привлечение денежных средств населения путем введения в заблуждение относительно будущих доходов; злоупотребления в сфере кредитования и вексельного обращения; злоупотребления, обусловленные совмещением государственной службы с участием в акционерных компаниях.

Прослеживая эволюцию отечественного уголовно-правового законодательства. касающегося данной экономической сферы, среди особо значимых, с нашей точки зрения, нормативных актов хотелось бы отметить Уложение о наказаниях уголовных и исправительных Российской Империи[1]. Его разделы «О нарушениях уставов торговых», «О преступлениях и проступках против собственности», «О преступлениях против имущества и доходов казны» включали нормы, направленные на защиту банковской сферы от преступных посягательств (подлогов, принятия противозаконных подарков, взяток и вымогательства; неправильных и злонамеренных действий в производстве ссуд, выдаче вкладов; утраты бланков; нарушения тайны вкладов). Следует подчеркнуть, что именно здесь были заложены основные законодательные конструкции об ответственности за преступления в сфере банковских отношений, существующие и ныне в Уголовном кодексе РФ. Для их осмысления и проведения параллели с современным законодательством считаем целесообразным более подробно рассмотреть некоторые нормы, содержащиеся в указанном документе.

Представляется весьма примечательным тот факт, что в рассматриваемом Уложении (в редакции 1866 г.) уже была предусмотрена уголовная ответственность за злоупотребления управленческого персонала, признавалось преступлением банкротство. В ст. 1665 речь шла об обмане и мошенничестве.

---

[1] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных Российской Империи 1845 г. – СПб., 1882. – С. 492-493.

Так, к числу противоправных законодатель относил действия, связанные с преднамеренным банкротством[1]. Богатая судебная и законодательная практика дореволюционной России выработала весьма четкие критерии разграничения по подсудности дел о несостоятельности. Обязательным являлось рассмотрение дел в уголовном суде, если судом гражданским обнаруживались признаки злостного (умышленного) банкротства. Равно как и современный базовый закон о банкротстве, законодательство того времени, как правило, исключало возможность достижения «мировой» между должником и кредитором после возбуждения дела о несостоятельности. Отличительной же особенностью дореволюционного законодательства о несостоятельности являлось то, что суд вправе был начать дело о несостоятельности даже без какого-либо ходатайства или жалобы кредиторов, поскольку практиковался найм подставных лиц, а качестве кредиторов с целью нанесения ущерба фактическим кредиторам.

Закон делал четкое различие между банкротом по неосторожности и злостным (умышленным), что и служило отправной точкой для дифференциации ответственности. Дела по неосторожному банкротству являлись делами частного обвинения[2].

Одна из норм, выделенная законодателем в самостоятельную статью Уложения, предусматривала ответственность за извлечение противозаконной выгоды путем хищения или уничтожения каких-либо документов, подчеркивая тем самым различие природы между данным видом преступления и хищением[3].

В циркулярах министра юстиции достаточно много внимания уделялось квалифицирующим признакам упомянутой нормы. К наиболее интересным, на наш взгляд, можно отнести следующие[4]:

• должно приниматься во внимание похищение или уничтожение документа не любого, а служащего доказательством каких-либо имущественных прав;

• факту уничтожения или похищения документа принимается во внимание, если субъект преступления руководствовался корыстной целью;

• при противоправном завладении документом судебный орган должен руководствоваться не гражданскими обстоятельства-

---

[1] Особенность того времени – коммерческие суды, рассматривая материалы о несостоятельности, выносили свои решения по нормам Уложения и правилам Торгового устава.

[2] Неосторожные банкроты, подвергшиеся по желанию кредиторов тюремному заключению, содержались за счет самих же кредиторов. Если средства от последних не поступали, банкроты освобождались из заключения.

[3] Как показывает современная практика, аналог отмеченных криминальных деликтов имеет место и сегодня, однако в действующем УК РФ подобная дефиниция, что имелась в Уложении, отсутствует.

[4] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Изд. Н.С. Таганцев. – Петербург, 1901. – С. 819-820.

ми сделки, в рамках которой фигурировал документ, а чисто уголовно-правовыми признаками совершенного деяния;

• хищение соответствующих документов должно различаться по способу владения так же, как для квалификации имеет значение способ завладения имуществом.

К числу наказуемых относились и случаи совершения хищений своих собственных долговых расписок у кредиторов, держащих их в обеспечение займа.

Другая норма Уложения предусматривала ответственность за действия, связанные с приобретением имущественных выгод путем мошенничества. К числу таких деяний относилось уменьшение ценности или изъятие имущества, принадлежавшего ранее банкроту, но в связи с арестом этого имущества (в целях возмещения ущерба кредитору), находившегося в его временном ведении. Иными словами, если право на данное имущество принадлежало кредитору, но оно изымается, то согласно Уложению осеченное деяние должно было квалифицироваться как мошенничество. В тех же случаях, когда имущество должника официально еще судом не было подвергнуто описи, такие же действия мошенничеством не признавались, однако сделка считалась недействительной.

Вместе с тем указанные случаи далеко не исчерпывали список деяний, за которые юристы того времени выносили вердикт об имевшем место мошенничестве. Самым распространенным способом мошенничества являлось изготовление из частей разных кредитных билетов одного, но более высокого достоинства с последующим его сбытом.

Все отмеченные обстоятельства свидетельствуют, что законодательная доктрина, закрепленная в Уложении 1845 г., и в настоящее время весьма актуальна. Дальнейший сравнительный анализ приводит к выводу о большом сходстве диспозиций отдельных норм Уложения и УК РФ 1996 г., например, в части установления ответственности за открытие частного банка без соответствующего на то разрешения, а также за подлог при займе из государственных, общественных или частных кредитных учреждений.

Для иллюстрации данного утверждения представляется необходимым привести ряд отличий мошенничества от присвоения

чужого имущества, отмеченных еще дореволюционными юристами.

1. Мошенничество – это похищение чужого имущества путем обмана, присвоение может быть осуществлено через удержание чужого имущества, переданного субъекту вследствие доверия владельца.

2. Присвоение денег, хотя и переданных виновному самим владельцем не вследствие какой-либо гражданской сделки, а в силу обмана или сообщения ложных сведений, составляет мошенничество, а не просто невыполнение гражданского договора.

3. Извлечение виновным для себя денежной прибыли из чужого имущества, противозаконно удерживаемого посредством обмана, для чего были сделаны соответствующие противозаконные приготовления, без которых обман был невозможен, подпадает под понятие мошенничества[1].

Особое место в Уложении было отведено ответственности за преступления, связанные с психическим или физическим насилием с целью получения прав на имущество или согласия на какую-либо невыгодную сделку по поводу этого имущества. Предметом рассмотрения здесь является чужое право на имущество или обязательство по нему, в отличие от непосредственного посягательства на само имущество. Действительно, проблемы межличностных отношений вполне могут возникать в процессе разрешения вопросов гражданского права при различного рода сделках, когда действия одной из сторон разрушают гражданский характер отношений и переводят их в область уголовно-правовую. Сущность норм Уложения заключалась в детализации ответственности за обман не только с целью непосредственной передачи имущества, но и сделок, которые должны быть облечены в письменную форму; за действия, направленные на залог одного и того же имущества в разных кредитных учреждениях.

Как можно заметить, закон того времени проводил параллель между обманными действиями в процессе осуществления залога и мошенничеством, где главным определяющим признаком являлся сам характер действий по совершению залога. К числу противоправных были отнесены также случаи залога не-

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Изд. Н.С. Таганцев. – Петербург, 1901.

движимого имущества одним из совладельцев без воли и согласия других.

Следует сказать, что в комментариях к Уложению неоднократно указывалось на максимальное обеспечение гражданско-правовым законодательством действительности всякого рода договоров, основанных на свободном соглашении сторон. Исключение составляли лишь договоры, направленные на достижение целей, запрещенных законом.

До 1893 г. ростовщичество по Уложению не преследовалось, но, начиная с указанного срока, независимо от формы и содержания договора об условиях передачи денег в рост, это деяние было криминализировано. Закон от 24 мая 1893 г. установил два рода наказуемого ростовщичества – сельское и денежное. Последнее, в свою очередь, делилось еще на два вида: общее денежное ростовщичество и ростовщичество со стороны лиц, занимающихся выдачей капитала в ссуды. Последний состав преступления предполагал условия: принадлежность виновного к числу лиц, занимающихся выдачей финансовых средств в ссуды; превышение 12% годовых за пользование кредитом; скрытый характер ростовщичества. Кроме указанного, можно отметить также и то, что закон от 24 мая 1893 г. данное деяние представлял как совокупность нескольких последовательных актов, каждый из которых образовывал самостоятельный состав наказуемого деяния и относился к продолжаемым преступлениям.

Привычным делом становились махинации в банках и акционерных обществах. Выступая государственным обвинителем по одному из уголовных дел о злоупотреблениях в Саратовском земельном банке, А. Кони сказал: «...Спокойно и бестрепетно действуют некоторые банковские и железнодорожные дельцы, разоряя, по всем правилам двойной и тройной бухгалтерии, доверчивых и задавленных послушным и чуждым делу большинством акционеров»[1]. В качестве оправдания нередко подсудимые банкиры ссылались, как правило, на то, что вся их деятельность велась «без корыстных целей, без подлогов, обманов и сговоров с залогодателями;

[1] Тюнин В.И. Преступления экономические в Уголовном уложении 1903 года // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 168.

составляет не уголовное преступление, а просто действие неосторожное, неблагоразумное».

В свою очередь защитники интересов банкирских учреждений утверждали, что строгий контроль, ведение отчетности отпугнут их клиентуру и отдадут ее в руки ростовщиков. В итоге у Министерства финансов не было даже полного перечня всех банкирских домов и контор.

В связи с недостатками в деятельности кредитных учреждений (в частности, широко распространенными злоупотреблениями со стороны их должностных лиц) 5 апреля 1883 г. был принят Закон об изменении и дополнении правил открытия акционерных коммерческих банков. Так, согласно данным изменениям сумма обя-зательств банка ограничивалась 5-кратным размером его собственного капитала (вместо ранее существовавшего 10-кратного). Кредит одному заемщику был лимитирован 10% основного капитала банка; устанавливалось, что лицо, занимающие административную должность в банке, отныне не имело права занимать подобную должность в каком-либо другом кредитном учреждении; ни одно лицо не могло располагать на Общем собрании акционеров более чем 10% всех голосов. Кроме того, был установлен правительственный банковский контроль в виде ревизий, проводимых по требованию акционеров, представляющих не менее 1/5 уставного капитала банка[1]. Новое законодательство также наделило правом министра финансов по согласованию с министром внутренних дел назначать в банках ревизии.

Однако по-прежнему большой проблемой являлись городские общественные банки: одни из них в погоне за прибылью занялись высокорискованными финансовыми операциями, другие стали карманными бонками местных влиятельных лиц, третьи по тем или иным причинам оказались на грани банкротства.

---

[1] Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. банковское право Российской Федерации. Общая часть: Учебник НИАРБ в г. Гродно, ф. 27, оп. 1, д. 537, л. 23./ Под общ. ред. акад. Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ, 2003. С. 282.

Например, о результатах деятельности учреждений ссудо-сберегательных касс можно судить по докладам инспекторов мелкого кредита. Они отмечали следующее: «Принимая во внимание, что кассам, в общем, выдано было ссуд на сумму свыше миллиона рублей, полученную кассами прибыль нельзя признать большой. Объясняется это тем, что кассы взимают по ссудам невысокие проценты: 2 кассы 10%, 1 касса 9%, 32 кассы 6%. Тогда как по вкладам платят довольно высокие (от 4 до 6) проценты. В 1913 г. в Заблудовской кассе произведена была, сбежавшим в Америку казначеем, растрата в 1900 рублей, а одна касса (Песковская, Волковысского уезда) пострадала от пожара при весьма сомнительных обстоятельствах»[1]. В другом случае в результате ревизии Московского международного торгового банка, который возглавляли Лозарь и Яков Поляковы, выяснилось, что Лазарь Поляков практически бесконтрольно принимал решения о финансировании тех или иных операций, ссуды выдавались без указания сроков возврата и обеспечения и самое главное – собственных средств у Поляковых, чтобы возместить потери акционерам и вкладчикам, нет[2].

Вообще говоря, деятельность многих банков, акционерных и страховых компаний начиналась с мнимых прибылей и, естественно, с подложных документов, отражающих ее. Нередко одно и то же лицо участвовало в управлении несколькими кредитными учреждениями. Например, председатель Лопатинского кредитного товарищества покупал для своих пайщиков очень дорогие сельхозорудия у Сергачской земельной кассы, где он тоже являлся председателем. Зачастую уголовные дела в отношении руководителей банкирский домов и кредитных учреждений прекращались по типичному для того времени основанию: по ст. 277 Устава уголовного судопроизводства «за недоказанностью признаков состава преступления, предусмотренного ст. 1154 и ст. 1155 Уложения о наказаниях, ввиду отсутствия точных указаний на злоумышленность неправильных действий».

---

[1] Белорусская деловая газета. 2004. 2 ноября. С. 11.

[2] Экономические преступления в историческом ракурсе // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2001. № 1.

Надо отметить тот факт, что и в то время учеными-правоведами велась оживленная дискуссия по проблемам регулирования вышеназванных противоправных деяний. Так, сторонники концепции злоупотребления доверием считали, что установление норм ответственности за обман и кражу в уголовно-правовой охране договорных отношений явно недостаточно. При этом они исходили из того, что при краже суть преступления состоит в тайном безвозмездном изъятии имущества другого лица, а для мошенничества характерно похищение этого имущества с помощью обмана. В случае передачи прав другому лицу по управлению и распоряжению чужим имуществом интересы владельца нуждаются в защите потому, что уполномоченное на то лицо зачастую злоупотребляет полномочиями, ему предоставленными, и это обстоятельство наносит ущерб владельцу в силу того, что злоупотребления управомоченных лиц оставались вне сферы уголовно-правового воздействия, эти ученые предлагали установить уголовную ответственность за злоупотребления подобного рода, для которых предложено было название «злоупотребление доверием».

В результате, на основании исследований, проведенных учеными того времени[1], были разработаны и внесены ряд новых норм в Уголовное Уложение 1903 г., в том числе о наказаниях за злоупотребления служебным положением[2], однако фактически в действие это Уложение не вступило. Следует отметить, что если Уложение 1845 г. содержало отдельную главу «О нарушении постановлений о кредите», направленную на защиту кредитно-финансовых отношений, то в Уголовном уложении 1903 г. все составы преступлений нашли свое отражение, но – в разных главах. Кроме того, оно содержало множество новых составов, принятых в связи с расширением и видоизменением финансовой сферы. Хотя по многим характеристикам Уголовное уложение 1903 г. имеет большое сходство с Уложением 1845 г., однако в анализируемых составах нового Уложения появляется ряд квалифицирующих признаков: повторное совершение преступления, совершение преступления в сообществе (соучастие), значительный вред, важный ущерб, сопряженное с другими злоупотреблениями. За совершение преступлений предусматривались: заключение в тюрьму, исправительный дом, каторга, арест, денежный штраф, лишение права содержать банкирское заведение.

В научной литературе прошлых лет, посвященной проблеме преступности в банковской сфере, большое внимание уделяется и

---

[1] См., напр.: Аносов. И.И. Злоупотребление доверием. – М., 1915; Северский Я.Г. Особенная часть русского уголовного права. – СПб., 1892; Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. – СПб., 1901.

[2] См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. – С. 382-383.

вопросу совместительства государственной службы с участием в различных акционерных компаниях.

Начиная с 1860 г. совместительство приняло в России угрожающий характер. Высшие чиновники Министерства финансов приглашались в учредители за возможность в будущем получать кредиты Госбанка.

Разного рода жесткие ограничения в деятельности вызывали у акционерных компаний стремление обойти закон и с помощью совместителей добиться для себя различных льгот, что привело к массовым злоупотреблениям[1].

Сложность запрета совместительства заключалась в том, что он в значительной степени ограничивал право частной собственности, т. е. право управления своим капиталом, вложенным в акционерное общество. Вместе с тем 3 декабря 1884 г. императором был подписан именной указ – «Правила о порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах, а равно в общественных и частных кредитных учреждениях»[2]. Таким образом, уже более 100 лет назад была предпринята своего рода попытка преодоления законодателем элементов коррупции в высших эшелонах власти и предусматривалась уголовная ответственность правительственных чиновников и должностных лиц за нарушения в сфере банковских отношений.

Исключительно важное значение имели положения гл. 12 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. «О нарушении постановлений о кредите». Предусматривалась ответственность за открытие частного банка без дозволения правительства или без соблюдения установленных законом правил (ст. 1152), за подлог при займе из государственных или общественных и частных кредитных установлений (ст. 1151). За банковские злоупотребления несли одинаковую ответственность как чиновники и должностные лица государственных кредитных установлений, так и должностные лица общественных и частных банков: за подлоги и неверность в сохранении вверенного им имущества, принятие противозаконных подарков, взятки и вымогательство (ст. 1154), за неправильные и злонамерные действия в производстве ссуд или выдаче вкладов с ущербом для того установления, в котором они служат (ст. 1155). При этом кассационная практика Правительствующего Сената понимала под должностными лицами всех тех, кто исполнял в общественных и частных банках служебные обязанности,

---

[1] Шепелев Л.Е. Указ. соч. – С. 73.

[2] Там же. С. 133.

относящиеся к деятельности банка по денежным его оборотам и по заведыванию принадлежащим ему имуществом.

Однако на практике ст. 1154 и 1155 применялись лишь при наличии в инкриминируемом деянии трех признаков – «отступления от устава данного кредитного учреждения, ущерба для его имущества и злонамеренности виновного». В итоге, «с одной стороны, открывался широчайший простор и полная безнаказанность для самых отчаянных спекуляций и авантюр, предпринимавшихся во имя личной корысти и с вопиющими отступлениями от устава, лишь бы только они увенчались успехом; с другой же, всякое маловажное отступление от буквы устава, оканчивающееся неудачей, должно было влечь за собой применение суровых определений ст. 1154 и ст. 1155 Уложения о наказаниях, так как всякую банковскую операцию можно было свести к злонамеренной. И если понимать это неопределенное выражение в смысле личного интереса, – то нельзя отрицать, что в любом действии руководителя банка можно было усмотреть, по крайней мере, стремление путем той или иной спекуляции доставить себе выгоду, так как от успеха дел банка зависел и его личный успех»[1].

Особо предусматривалась ответственность чиновников и должностных лиц государственных кредитных установлений, общественных и частных банков за нарушение банковской тайны (ст. 1157). В этой же главе рассматривались вопросы ответственности за подделку билетов государственных кредитных установлений (ст. 1149), общественных и частных банков (ст. 1150), подлоги и другие злоупотребления векселями (ст. 1160). Статьи 1163-1168 разрешали вопросы ответственности за различные злоупотребления, связанные с банкротством[2].

---

[1] См.: Данилова Н.А., Серова Е.Б. Банковская система России как сфера деятельности организованной преступности // Санкт-Петербургский центр по изучению организованной преступности и коррупции.

[2] См.: Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. С. 7-15; Тюнин В.И. Экономические преступления всистемедореволюционного уголовного права (эволюция научных представлений) // Государство и право. 2000. № 1 1. С. 73-80; Ларичев В.Д., Улейчик В.В. Переход к рыночным отношениям и борьба с

Уголовное уложение 1903 г. также содержало ряд норм, призванных охранять кредитно-банковские отношения. Например, глава 34 «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемости по имуществу» содержала более десяти статей, посвященных тем или иным деяниям, совершаемым должником в преддверии или во время банкротства. Блок статей с 324-й по 333-ю описывал нормы о нарушениях постоновлений о кредите[1]. Деяния, описанные в этих статьях, не были предусмотрены в Уложении о наказаниях. Включению их в Уголовное уложение предшествовала кропотливая работа составителей, изучение новых форм экономической жизни общества. Так, тюремному заключению до шести месяцев могло быть подвергнуто лицо за открытие подписки на ценные бумаги от имени не разрешенного к открытию торгового или промышленного общества или товарищества[2].

Нормы главы 29 «Об оглашении тайн» описывали различные случаи разглашения сведений, составляющих тайну. Например, в ст. 544 говорилось об оглашении тайны спужащим в кредитном установлении, причем деяния преследовались независимо от наступления вреда, последовавшего оттакого разглашения (для справки: современное уголовное законодательство России предусматривает такого рода ответственность только при наличии крупного ущерба). Многие новые преступления в сфере банковской деятельности в той или иной степени были связаны с обманом, вследствие чего предлагалось применять в таких случаях положения статей о мошенничестве.

Помимо этого, в 1906 г. отделение главы 13 Уложения о наказаниях было дополнено блоком норм об ответственности содержателей банкирских заведений и меняльных лавок за

корыстной преступностью в кредитно-финансовой сфере //Деньги и кредит. 1991. № 10. С. 33-38.

[1] См.: Скобликов П. Уголовно-правовое обеспечение возвратности долгов в российском законодательстве // Хозяйство и право. 1999. № 3. С. 46-53; Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 9-36.

[2] См.: Тюнин В.И. Преступления экономические в Уложении 1903 года // Правоведение. 2000. № 2. С. 235-243.

производство запрещенных операций, совершение запрещенных законом сделок по покупке и продаже золотой валюты и тому подобных ценностей в золотой валюте.

Основным банковским актом этого периода можно с уверенностью считать Закон от 29 апреля 1902 г. об упрочении деятельности частных банков, который ограничил размер выдаваемых учреждениями долгосрочного кредитования городских ссуд 1/3 от общего числа ссуд. Немало норм Закона касалось акционерных коммерческих банков (например, членам правлений банков, управляющим делами и другим служащим этих банков было запрещено пользоваться в своем банке любым видом кредита; существенным образом упрощена процедура для возбуждения меньшинством акционеров ходатайства о проведении в банке правительственной ревизии, для чего теперь требовалась инициатива группы акционеров, представляющих 10% голосов на общем собрании и 5% паевого капитала).

Таким образом, история становления и развития в России кредитно-финансовой сферы в целом и банковской системы в частности свидетельствует, что сопутствующие позитивные процессы и негативные явления, детерминирующие экономическую преступность, всегда зависели от форм собственности, экономической модели государства, особенностей правового регулирования общественных отношений в сфере денежного обращения и банковской деятельности. При этом предпринятый анализ исследования кредитно-финансовой сферы показал, что многие черты современного состояния преступности здесь не являются чем-то совершенно новым для российских. Вот почему было бы непростительно не принимать во внимание уже имеющийся исторический опыт защиты от противоправных посягательств на кредитно-финансовые интересы как государства в целом, так и отдельных хозяйствующих субъектов, включая банки, примером и аналогом которому и может служить законодательство дореволюционной России.

Руководство финансового ведомства в 1910 г. отмечало невозможность осуществления контроля за деятельностью банковских учреждений. Довольно часто банки открывались исключителью с целью недобросовестного обогащения за счет

клиентов[1]. В этой связи при конторах и отделениях Госбанка были введены должности инспекторов по делам мелкого кредита: инспекторы наделялись широкими полномочиями: проведение ревизий «во всякое время по своему усмотрению»; право изменять состав правлений и советов товариществ в случае обнаружения «беспорядков или злоупотреблений».

Так, о недостатках в работе Гродненской казенной палаты свидетельствует Циркуляр Департамента государственного казначейства, адресованный управляющему казенными палатами: «Имевшие место в последние годы растраты в казначействах денежных сумм и гербовых знаков обнаружили с достаточной ясностью весьма неудовлетворительную постановку не только срочных, но и внезапных свидетельств казначейств. Проверка наличности процентных бумаг в казначействах производилась весьма неудовлетворительно... к числу причин, вследствие которых замедляется обнаружение преступлений по хищениям и растратам казенных сумм, спедует, что многие казенные палаты не проверяют должным образом полученных ими актов и ведомостей о свидетельствах казначейств»[2].

Аналогичные выводы можно было найти и в результате проверки Минского городского кредитного общества в 1904 г. Убытки, отраженные в балансе этого общества, характеризовались «чрезмерными ссудами», выданными некоторым членам общества, которые они не смогли своевременно погасить. Попытки же взыскать долг путем продажи заложенного имущества оказались безрезультатными[3]. По данным С.С. Остроумова, с 1909 по 1913 г. произошел значительный рост нарушений уставов торговых и кредитных предприятий. Нарушения выражались в основном в невыполнении обязательств по полученным кредитам, вследствие чего возросло число подлогов векселей и иных ценных бумаг[4].

---

[1] Аминов Д.И., Ревин В.П. Преступность в кредитно-банковской сфере в вопросах и ответах. М.: Брандес, 1997. С. 33.

[2] НИАРБ в г. Гродно, ф. 27, оп. 1, д. 832, л. 11.

[3] Грузицкий Ю. Под чьим «смотрением» банк? // Финансы, учет, аудит. 2002. № 2. С. 80.

[4] Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 69.

Достаточно большое внимание в литературе прошлых лет уделялось проблеме совместительства государственной службы с участием в различных акционерных компаниях. Высшие чиновники Министерства финансов нередко приглашались в учредители за будущую возможность получать кредиты Госбанка. Все это приводило к массовым злоупотреблениям и растратам денежных средств, что не могло не сказаться на процессе формирования стабильной кредитно-финансовой системы государства.

Проведенное ретроспективное исследование кредитно-финансовой сферы России конца XIX и начала XX столетия позволяет выявить типичные виды и формы преступной деятельности в банковской системе. Вместе с тем следует признать и то обстоятельство, что специальные криминалистические исследования в данной области напрочь отсутствовали, поскольку криминалистика как научная дисциплина в данное время начинала только зарождаться.

В памятниках уголовного права XIX в. не содержалось единой группы экономических преступлений. Однако анализ уголовного законодательства позволяет утверждать, что уже тогда деяния, посягавшие на нормальный ход осуществления банковской деятельности, были криминализированы.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что нами была предпринята попытка краткого исторического анализа развития уголовной ответственности за правонарушения в банковской сфере в России. Проведенное исследование источников позволяет утверждать, что развитие экономических отношений влечет за собой неизбежное совершенствование законодательства, в определенном смысле защищающего сложившуюся на данном историческом этапе стадию развития экономики. При этом еще раз подчеркнем тот факт, что ретроспективный анализ нормативной базы может стать весьма ценным материалом для совершенствования ныне действующего законодательства.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ КРИМИНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО РЫНКА

Таилова А.Г.
Кюн.

Анализ современной российской практики показывает, что защита интересов потребителя от вреда, причиняемого обращением недоброкачественных и фальсифицированных лекарственных средств и биологически активных добавок, не обеспечивается должным образом. По данным опросов общественного мнения, в настоящее время более 40% россиян считают себя жертвами недоброкачественных или поддельных лекарств. При этом следует учитывать, что потребители, как правило, не могут однозначно разграничивать недоброкачественные и фальсифицированные лекарственные средства и биоактивные добавки. Несмотря на это, в течение года уполномоченными должностными лицами возбуждается не более 100-120 уголовных дел о преступлениях, связанных с обращением недоброкачественных и фальсифицированных лекарственных средств и биологически активных добавок, и ни одного уголовного дела о преступлениях, связанных с обращением фармацевтических субстанций — веществ растительного, животного или синтетического происхождения, обладающих фармакологической активностью и предназначенных для производства и изготовления лекарственных средств. К административной ответственности ежегодно привлекается не более 1200-1300 лиц. Органами внутренних дел из обращения ежегодно изымается фальсифицированной и недоброкачественной продукции на сумму не более 4-5 млн руб. Вместе с тем по усредненным оценкам экспертов на долю такой продукции приходится до 5-7% от общего объема рынка или не менее 13-18 млрд руб.

Противодействие феномену незаконного оборота лекарственных средств и фармацевтических препаратов еще не приобрело системности, а деятельность органов власти применительно к указанной проблеме носит скорее характер кампаний.

В 2008–2009 годах было проверено более 35 тысяч медицинских и фармацевтических предприятий и учреждений, а также ком-

мерческих структур, действующих в этой сфере. Выявлено около 20 тысяч различного рода правонарушений, приостановлена деятельность 279 предприятий, направлено 1 240 представлений о лишении лицензий. Ликвидирован ряд нелегальных производств фармацевтической продукции. Из оборота изъято фальсифицированных медицинских препаратов на сумму 28 млн. рублей, не пригодных к употреблению товаров медицинского назначения на общую сумму 5,7 млн. рублей, значительная часть которых представляла опасность для жизни и здоровья потребителей.

За последние пять лет число выявленных фальсификатов выросло в 15 раз, из всего оборота лекарственных средств они составляют от 4,7 до 11%. На стадии сертификации выявляется лишь половина фальсифицированных препаратов, так что до аптеки доходит значительное их количество. Поэтому важно именно в розничном звене создать надежный заслон, не допустить некачественную продукцию до потребителя.

За 2008 и 2009 годы было выявлено и официально зарегистрировано Росздравнадзором 289 фактов фальсификации лекарственных препаратов, обнаруженных в розничной торговле (очень редко – в оптовой). Подделке было подвергнуто 343 наименования лекарственных препаратов со 127 сериями[1].

Наряду с фактами фальсификаций лекарственных средств, в этой сфере наблюдается рост налоговых преступлений, случаев легализации (отмывания) преступных доходов, присвоений и растрат, а также фактов взяточничества. Таким образом, ежегодно в системе здравоохранения и медицинской промышленности вскрываются тысячи преступлений. Например, по данным ГИАЦ МВД России, за последние десять лет число выявленных преступлений в названной сфере увеличилось втрое. Например, если в 1997 году в сфере здравоохранения было выявлено 3 770 преступлений экономической направленности, то в 2009 году – 10 107 подобных преступлений. При этом, по данным проведенного исследования, наблюдается ежегодный рост масштабов причиненного материального ущерба[2].

Как недостаток в деятельности подразделений ОВД в борьбе с преступлениями в этой сфере отмечается отсутствие практики систематического сбора и анализа информации, в том числе поступающей из Росздравнадзора.

---

[1] Шиманская А. Лекарственный терроризм // Аргументы и факты. 2011. № 39

[2] Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации: общие сведения о состоянии преступности [Электронный ресурс]. URL: http://www.mvd.ru/stats/10000479/ .

Эффективность любых юридических средств, направленных на коррекцию «шероховатостей» в социальных отношениях, достигается не столько силой упомянутых средств, сколько совершенствованием самих этих отношений.

Согласно полученному за многие годы опыту борьбы с преступностью предупредительные меры для общества, даже с точки зрения жесткого прагматизма, являются более выгодными, чем уголовно-правовые. Такая выгода складывается из целого ряда обстоятельств. Во-первых, неуголовно-правовые меры чаще являются более эффективными. Во-вторых, при таком подходе существенным образом экономится административный ресурс общества и государства.

Говоря о выгодах и интересах, необходимо обратить внимание и на интересы противоположной стороны, то есть субъектов незаконного оборота лекарственных средств и их фальсифицированных аналогов. Для многих предпринимателей в сложившихся условиях хозяйствования, в условиях ослабления государственных и правовых институтов именно нелегальные законспирированные методы экономической деятельности, к сожалению, становятся более выгодными, чем легальные (за счет применения как легальных, так и криминальных методов конкуренции). Этим объясняется то, что теневую экономику не удается легализовать даже путем амнистии ее капиталов.

Неким индикатором видимо, может служить деятельность повсеместно создаваемых на подставных лиц посреднических фирм, именуемых фирмами-прилипалами, фирмами-однодневками и т. п.

Включение нормы об ответственности за обращение недоброкачественных и поддельных лекарственных средств, а также биодобавок в ст. 238 УК представляется неоправданным в юридико-техническом отношении, поскольку данная статья предусматривает ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт любых товаров и продукции, и лишь в случаях, не отвечающих требованиям безопасности. Однако спецификой лекарственных средств и биодобавок как товаров для потребителей является их объективная повышенная опасность для здоровья или жизни человека в случаях их недоброкачественности или фальсификации. Подобный подход сегодня применяется в ряде эко-

номически развитых государств. Например, в § 189 Уголовного кодекса Дании и в ст. 242 Уголовного кодекса Республики Сан-Марино предусматривается обособленная ответственность собственно за подделку лекарств и иных медицинских средств.

Введение такой ответственности представляется также целесообразным из-за криминалистических особенностей данного деяния, содержащего одновременно или альтернативно признаки подделки документа и предмета, не обладающего признаками документа, а также из-за спорности отнесения упаковки и сопроводительных документов к лекарственным средствам к официальным документам.

Учитывая изложенное, предлагается дополнить УК ст. 238.1 «Обращение недоброкачественных и фальсифицированных лекарственных средств и биологически активных добавок», а также дополнить КоАП ст. 6.15 «Обращение недоброкачественных лекарственных средств и биологически активных добавок в некрупном размере», что необходимо для правильного разграничения общественно опасных деяний и деяний, не представляющих общественной опасности, ориентации правоохранительных органов на борьбу с наиболее опасными видами обращения недоброкачественных и поддельных лекарственных средств и биодобавок. Предлагаемый законопроект учитывает недостатки ранее внесенных в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проектов федеральных законов, направленных на борьбу лишь с фальсифицированными лекарственными средствами, и создает предпосылки для существенного повышения эффективности практики борьбы с обращением недоброкачественных и фальсифицированных лекарств, в том числе фармацевтических субстанций, и биологически активных добавок на российском рынке, дополнительных гарантий защиты интересов российских потребителей лекарственных средств и биологически активных добавок.

С учетом опыта экономически развитых стран необходимо разработать общенациональные этические кодексы врача и фармацевта. Ведь здравоохранение — такая область деятельности человека, где этические нормы и правила составляют неотъемлемую часть профессии. Например, американской медицинской ассоциацией приняты общие Правила медицинской этики, ко-

торые содержат стандарты взаимоотношений врача с пациентом, коллегами и специалистами смежных профессий.

В сочетании с нормативно закрепленным правилом допуска к любым видам деятельности в сфере оборота лекарственных средств только лиц, имеющих специальное медицинское или фармацевтическое образование, этические кодексы врача и фармацевта способствовали бы повышению ответственности субъектов фармацевтического рынка за обеспечение населения подлинными и безопасными препаратами[1].

Развитие предпринимательской деятельности, составляющей основу современной сферы оборота лекарственных средств в России, предопределяет необходимость узкой специализации подразделений правоохранительных органов в борьбе с фальсификацией лекарственных средств, что в свою очередь требует овладения знаниями соответствующих правовых норм, особенностей данного вида правонарушений. В конечном итоге все это способствует формированию устойчивого ядра профессиональных сотрудников, способных повышать эффективность борьбы с фальсификацией лекарственных средств.

Необходимо разработать меры, позволяющие реально осуществить действительное повышение эффективности деятельности служб и подразделений правоохранительных органов, в основе которых лежат обязательные условия: нормативно-правовое обеспечение; современное техническое, боевое и организационное обеспечение; материальное и социальное обеспечение; специальное образовательно-информационное обеспечение. Кроме того, в связи с организацией параллельных структур, осуществляющих борьбу с фальсификацией лекарственных средств в России, возникла необходимость законодательного определения их компетенции по выявлению, предупреждению и раскрытию данных преступлений, а также их специализации при расследовании преступлений данной категории.

Значительно повысить эффективность деятельности правоохранительных органов может их взаимодействие с общественными организациями, в число уставных за-

[1] Коваленко К.Ю. К вопросу о механизме преступлений, совершаемых на фармацевтическом рынке // Российский следователь. – 2007. – № 13. – С. 24–26.

дач которых входит содействие укреплению здоровья нации и обеспечению лекарственной безопасности страны[1].

Также целесообразно создать при Президенте РФ координационный совет по противодействию обращению фальсифицированных, недоброкачественных и контрафактных лекарственных средств. В состав данного совета должны войти официальные представители Минздравсозразвития России, Генеральной прокуратуры РФ, ФСБ России, МВД России, ФСКН России, ФТС России, Росздравнадора, Роспотребнадзора, Ростехнадзора, а также всероссийских общественных организаций, в уставные задачи которых входит борьба с обращением фальсифицированных, недоброкачественных и контрафактных лекарственных средств. Аналогичные координационные структуры целесообразно также создать при администрациях субъектов РФ.

Специфические особенности оборота лекарственных средств как социально значимой сферы объективно ограничивают действие законов рынка. В связи с этим государственный механизм должен быть прозрачным и хорошо (беспробельно и непротиворечиво) регламентирован нормативными правовыми актами. Значительный удельный вес фальсифицированных, контрафактных и недоброкачественных лекарств на рынке России угрожает ее экономической и социальной безопасности[2]. В связи с этим противодействие обороту фальсифицированных лекарственных средств стало одной из самых приоритетных задач государственной политики. Существующая в России государственная система контроля качества и безопасности лекарственных средств не отвечает современным потребностям общества и граждан и должна быть реформирована.

Оптимальным инструментом решения данной проблемы, по нашему мнению, является учреждение национального проекта «Лекарственная безопасность России» и принятие федеральной целевой программы по противодействию обращению фальсифицированных, контрафактных и недоброкачественных лекарств.

---

[1] Коваленко К.Ю. Предупреждение преступлений, совершаемых на объектах фармацевтического рынка: Учебное пособие. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2007. – 33 с.

[2] Абоймов В.В. Лекарственное обеспечение в системе обязательного медицинского страхования. Проблемы. Решения: Доклад Всероссийскому конгрессу "Фармаэкономика на рубеже третьего тысячелетия" // Экономика здравоохранения. 2001. № 2.

УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ (ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА).

Вагабова Х.
Ст-ка 5 курса ОЗО

Таилова А.Г.
Науч. руков. к.ю.н.

Всякое убийство свидетельствует об известной жестокости преступника. Однако для убийства, предусмотренного п. "д" ч. 2 ст. 105 УК, требуется не всякая, а *особая ("нечеловеческая", исключительная) жестокость.*

Необходимо иметь в виду, что согласно закону особая жестокость связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости.

Содержание юридического понятия "особая жестокость" шире понятия "особая мучительность". Под особой жестокостью убийства следует понимать как особую жестокость способа убийства и его последствий (сюда включается и особо мучительный для убитого способ совершения преступления), так и особую жестокость личности убийцы (его исключительное бессердечие, безжалостность, свирепость, беспощадность), проявившуюся в совершенном преступлении.

К особой жестокости могут быть отнесены, в частности, случаи, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему умышленно применялись пытки, истязания, или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение человека заживо, длительное лишение пищи, воды и т. п.). Особая жестокость проявляется и в случаях, когда виновный после нанесения ранения потерпевшему намеренно усугубляет его страдания тем, что препятствует оказанию ему помощи.

Особая жестокость может выражаться также в совершении убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что причиняет им этим особые страдания . Особая жестокость может выражаться и в глумлении над трупом (кроме случаев его уничтожения или расчленения с целью скрыть преступление). Такое глумление нередко вызвано стремлением получить дополнительное удовлетворение низменных, изуверских наклонностей: злобы, извращенных сексуальных потребностей и т.п.

Следует иметь в виду, что не каждое убийство, совершенное путем нанесения потерпевшему большого количества ранений, может признаваться как совершенное с особой жестокостью. Большое число ранений может быть обусловлено не только особой жестокостью виновного, но и его возбужденным состоянием, стремлением довести до конца начатое преступление, активным сопротивлением жертвы и т. п.

При совершении убийства с особой жестокостью субъект *должен осознавать* особо жестокий характер избранного им способа лишения жизни и предвидеть особо жестокие последствия своего деяния, а также желать либо сознательно допускать именно такой характер лишения потерпевшего жизни. Установление особой жестокости не входит в компетенцию судебно-медицинской экспертизы, так как понятие "жестокость" не является медицинским. Этот вопрос разрешается следственными и судебными органами.

На основе проведённого нами исследования могут быть сделаны следующие выводы и предложения по совершенствованию действующего законодательства:

1. Отсутствие законодательного определения особой жестокости создает дополнительные трудности в применении п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ и привносит субъективизм в юридическую оценку деяния, что представляется неприемлемым, поскольку признак особой жестокости в составе убийства отягчает ответственность за него до высшей меры наказания.

2. Анализ истории развития отечественного законодательства об ответственности за убийство с особой жестокостью показал, что она включает в себя три периода. Первый (до 1845 г.) охватывает время, когда уголовная ответственность за дополни-

тельное причинение мучений и страданий при совершении убийства не усиливалась. Начало второго периода (с 1845 г.) обусловлено повышением ответственности за убийство с причинением жертве каких-либо жестоких мучений, а с 1922 года – со «способом, особо мучительным для убитого». На третьем этапе (с 1960 г.) законодатель применяет более широкую формулировку, идентичную современной, и усиливает наказание за совершение убийства с особой жестокостью.

3. Особая жестокость как квалифицирующий признак убийства является традиционным для романо-германской системы права. Здесь убийство с особой жестокостью признается тяжким или особо тяжким. При этом в государствах дальнего зарубежья основными видами наказания за его совершение являются пожизненное заключение или заключение на определенный срок, в то время как в государствах постсоветского пространства за данное преступление предусматривается и смертная казнь.

В англосаксонской и социалистической правовых системах ответственность за убийство с особой жестокостью, как правило, отдельно не регламентируется. Но в связи с заранее обдуманным умыслом данное деяние признается тяжким. Основным наказанием является смертная казнь, а при наличии смягчающих обстоятельств – пожизненное лишение свободы или лишение свободы на определенный срок.

4. Нами определено понятие особой жестокости. Предлагается дополнить ст. 105 УК РФ примечанием следующего содержания:

«Примечание. Под особой жестокостью в настоящем Кодексе понимается причинение потерпевшему сильных физических или психических страданий непосредственно до или в ходе совершения преступления, а также причинение психических страданий близким потерпевшему лицам».

В целях совершенствования практики применения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо изложить выявленные признаки убийства с особой жестокостью в пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

5. Непосредственным основным объектом убийства с особой жестокостью является жизнь человека. В случаях, когда по отношению к потерпевшему совершаются действия, унижающие его, то достоинство личности выступает факультативным объектом, не влияющим на квалификацию преступления, но имеющим значение для выявления мотивов его совершения и индивидуализации наказания.

Признаками объективной стороны убийства с особой жестокостью являются: 1) истязание или пытка потерпевшего непосредственно до лишения жизни; 2) мучительный способ причинения смерти либо 3) присутствие близких потерпевшему лиц в связи с тем, что они испытали от этого мучения или страдания.

6. На основании того, что особая жестокость при убийстве может быть выражена в пытке потерпевшего, а также в связи с тем, что законодательное определение пытки не отражает сущности данного деяния, предлагается изложить примечание к ст. 117 УК РФ в следующей редакции:

«Примечание. Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или психических страданий специально выбранными для этого орудиями или средствами».

7. Присутствие малолетнего при убийстве повышает общественную опасность деяния, даже когда он не является близким лицом потерпевшего. В таком случае малолетнему подается наглядный пример жестокости. Это верно и в отношении ряда других преступлений: побоев, истязания, изнасилования и т. д. Поэтому следует включить данный признак в перечень обстоятельств, отягчающих наказание. Поскольку садизм, издевательства и мучения охватываются понятием особой жестокости, предлагается изложить редакцию п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ следующим образом: «совершение преступления с особой жестокостью или в присутствии малолетнего».

8. В связи с тем, что надругательство над трупом после убийства вышло за пределы признака особой жестокости, ответственность за данное деяние неоправданно снижена, а виновный нередко избегает наказания по причине того, что истек срок давности. Исходя из того, что акты каннибализма, некрофилии и другие подобные действия, совершаемые после убийства, повы-

шают общественную опасность содеянного и личности виновного, предлагается дополнить ч. 2 ст. 105 УК РФ пунктом «о» в следующей редакции:

«о) сопряженное с надругательством над телом умершего» и включить в ст. 244 УК РФ примечание следующего содержания:

«Примечание. Под надругательством над телом умершего в настоящем Кодексе понимаются любые издевательские или оскорбительные противоправные действия с трупом, кроме действий, совершенных после убийства с целью его сокрытия».

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАТУСА БЛИЗКОГО ЛИЦА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ, ПРИЗНАННОГО ПОТЕРПЕВШИМ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Гамидов Ринат Тажирович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
СКФ РПА при МЮ РФ

Уголовный закон указывает, что потерпевшими от преступления предусмотренного статьей 318 УК РФ могут быть не только должностные лица, которые сами непосредственно выполняли служебный или общественный долг, но и близкие им лица. Поэтому, в качестве потенциальных потерпевших от анализируемого преступления закон называет лиц, которые являются близкими должностных лиц правоохранительного или контролирующего органов. Хотя близкие сотрудников вышеназванных органов не несут службу управленческого характера, тем не менее их отношение к сотрудникам, наделённым необходимыми полномочиями для поддержания стабильности социального сосуществования, позволяет влиять на последних с целью нарушения их правомерной деятельности, что и является непосредственной целью виновного.

Понятие «близкого» дано в ст. 5 УПК России. Но уголовно-правовое значение этого понятия значительно шире процессуального – оно включает в себя такие категории, как «родственник», «близкий родственник» и собственно «близкий». Близкими признаются две категории лиц: а) близкие родст-

венники сотрудника правоохранительного органа по прямой нисходящей или по прямой восходящей линии, супруги и другие лица, признаваемые близкими родственниками в соответствии с семейным законодательством; б) лица, состоящие в иных близких отношениях, в чьей судьбе они заинтересованы[1]. Однако закон делает акцент не на «родственников» потерпевшего, а на его «близких». Сам уголовный закон не конкретизирует понятие «близкие лица». И это на наш взгляд является правильным. Нельзя признать удачным отнесение к их числу только близких родственников применительно к ст. 14 СК РФ. Не раскрывает закон и содержание понятия «близкие» сотрудников правоохранительных органов. Степень близости не имеет значения, если применением насилия виновный преследует цель отомстить лицу за выполнение им служебной или общественной деятельности.

Под «близкими» потерпевшего, согласно сложившейся практике, «следует понимать близких родственников (родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабка, внуки, супруг), а также иных лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых в силу сложившихся жизненных обстоятельств дороги потерпевшему»[2].

В учебной литературе к близким практически единодушно, вслед, пожалуй, за постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)[3]», наряду с близкими родственниками относятся иные лица, состоящие с соответствующими сотрудниками в родстве или свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. К таким лицам, в частности, могут относиться друг, подруга, любовница и т.п. Виновный может достичь желаемого результата не только посредством воздействия на самого долж-

---

[1] Гамидов А.Н.. Уголовно-правовые и криминологические аспекты посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа: Автореф. дис…. канд.юрид.наук. – Махачкала, 2006. – С.66.

[2] Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник для вузов /под общ. ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина – М.: Норма, 2012. – С.731.

[3] «Российская газета». 09.02.99, №24. БВС РФ 1999, №3, С.2

ностного лица правоохранительного или контролирующего органа, но и на человека, судьба которого небезразлична выполняющему возложенные на него государством должностные обязанности. Как правильно отмечает В.В. Полухин[1], в итоге могут оказаться, по существу, два потерпевших – непосредственно сотрудник, на которого оказывается косвенное воздействие посредством воздействия на близкого ему человека, и близкий, который в данном случае выступает как необходимое средство для воздействия на сотрудника или для мести сотруднику правоохранительного органа или военнослужащему.

Близкие должностному лицу правоохранительного или контролирующего органа, несущему службу по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, выполняющему иные возложенные на него государством обязанности, выступают одновременно и как потерпевшие от преступления, и как необходимые для совершения деяния средство. Близкие сотрудников вышеназванных органов выступают в процессе рассматриваемого нами преступления вовсе не как граждане, жизнь и здоровье которых закон охраняет в специальных главах УК, но и как представители лиц, наделённых управленческими функциями. Будучи представителями лиц, наделённых соответствующими властными полномочиями, т.е. имеющими возможность принимать решения, предъявлять требования, обязательные для граждан, предприятий, учреждений, независимо от их ведомственной принадлежности и подчиненности, близкие воспринимают часть их полномочий в том смысле, что способны влиять на решение в свою очередь близких им лиц – сотрудников правоохранительных или контролирующих органов. Применение насилия, как опасного, так и не опасного для их жизни и здоровья затрагивает вовсе не жизнь человека, как основополагающую цель посягателя. Жизнь и здоровье в данном случае – необходимый, но дополнительный объект, а сам близкий, также как и его здоровье, выступают либо определяющим средством воздействия на правоохранителя либо средством мести за принятые ими реше-

[1] Полухин В.В. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа: Автореф. дис…. канд.юрид.наук. – М., 2002. – С.54.

ния. Таким образом, лицо, близкое правоохранителю, косвенным образом вовлечено в процесс принятия управленческих решений, выступает не в качестве обычного гражданина, а гражданина, имеющего возможность влиять на управленческие решения и применение насилия в отношении такого субъекта есть посягательство на порядок управления через соответствующего потерпевшего. Близкий, следовательно, является неким абстрактным воплощением управленческих возможностей и в таком качестве правомерно должен быть признан потерпевшим от посягательства на жизнь и здоровье сотрудника правоохранительного или контролирующего органа.

На наш взгляд, необходимо обратить внимание на некоторую неточность в рассматриваемой уголовно-правовой норме. Учитывая, однако, особенности лиц, близких сотрудникам правоохранительных или контролирующих органов, которые заключаются в том, что они не наделены управленческими функциями, а являются лишь абстрактными «воплотителями» таковых, близкие, естественно, не могут выполнять должностные обязанности возложенные на сотрудников вышеназванных органов. В таком естественном контексте норма статьи 318 УК РФ предстаёт в несколько некорректном виде, поскольку буквальное её толкование позволяет предположить, что и близкие также выполняют соответствующие служебные функции. Некорректность законодательной формулировки заключена в таких выражениях законодателя: применение насилия в отношении представителя власти... «или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей». Поскольку близкие не наделены управленческими полномочиями и, следовательно, не могут выполнять предписанные законом функции должностных лиц, формулировку закона в этой части, на наш взгляд, следует изменить. Учитывая изложенные соображения, считаем целесообразным изложить ст. 318 УК РФ в следующем виде:

Статья 318. Применение насилия в отношении представителя власти.

- *Применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти,*

а равно применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо угроза применения насилия в отношении его близких, – наказывается…

- *Применение насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, – наказывается…*

Литература:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2013.

2. Гамидов А.Н.. Уголовно-правовые и криминологические аспекты посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа: Автореф. дис…. канд.юрид.наук. – Махачкала, 2006.

3. Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник для вузов /под общ. ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина – М.: Норма, 2012.

4. «Российская газета». 09.02.99, №24. БВС РФ 1999, №3.

5. Полухин В.В. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа: Автореф. дис…. канд.юрид.наук. – М., 2002.

6. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник /Под ред. проф. Б.В. Здравомыслова. – М., 2010.

УБИЙСТВО ПО МОТИВУ СОСТРАДАНИЯ

Омарова А.
Студентка 5 курса ДО

Таилова А.Г.
Научный руководитель: к.ю.н., доц.

Во второй половине XX в. с развитием медицины и появлением новых способов и средств лечения возникла острая необходимость в правовом регулировании убийства по мотиву сострадания (эвтаназии). Все большую актуальность этот вопрос приобретает и для уголовного права.

В соответствии с Конституцией РФ каждому человеку принадлежит неотъемлемое право на жизнь (ст. 20), один из аспектов которого предполагает возможность самостоятельно распоряжаться ею, и решать вопрос о ее прекращении. Это позволило не-

которым авторам утверждать, что «допустить возможность реализации этого права можно лишь путем эвтаназии, т. е. удовлетворения просьбы неизлечимо больного об ускорении его смерти».[1]

Эвтаназия как общественная проблема появилась давно. Это одно из деяний, которое с позиций морали, нравственности и закона, даже в один временной период расценивалось неоднозначно.

Признавая бесспорную ценность жизни каждого человека, его свободу и достоинство как уникальные свойства личности, нельзя отрицать, что эвтаназия остается умышленным деянием по умерщвлению безнадежно больных людей и в этом качестве представляет собой не что иное, как особую форму убийства.

Проведенный анализ показывает, что большинство государств мира расценивают эвтаназию как убийство по мотиву, сострадания, относя ее, таким образом, к преступлениям против жизни.

Однако, в отличие от УК РФ, законодатели ряда стран мира включили в свои уголовные кодексы привилегированные нормы об ответственности за анализируемое деяние. В этой связи в работе делается вывод о целесообразности использования накопленного за рубежом опыта правового регулирования изучаемой проблематики.

С точки зрения российского уголовного законодательства и судебной практики в эвтаназии усматривается состав умышленного убийства. Анализ морально-нравственных и уголовно-правовых аспектов эвтаназии показывает, что совершение преступления по мотиву сострадания существенно снижает характер и степень общественной опасности деяния и личности виновного, что должно влечь за собой снижение меры наказания. Поэтому нами обосновано положение о целесообразности введения в Особенную часть УК РФ привилегированного состава убийства, совершенного по мотиву сострадания.

Статья 105-1. Убийство по мотиву сострадания

1. Убийство неизлечимо больного по его просьбе или с согласия, осуществленное врачом с целью избавления больного от

---

[1] Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов// Правоведение. 1998. № 1.

мучительных физических страданий, вызванных его неизлечимой болезнью (эвтаназия), — наказывается ограничением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового или лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового (размер санкции определен с учетом результатов опроса судей, следователей, прокуроров, российских и зарубежных ученых, а также законодательного опыта зарубежных стран, предусматривающих уголовную ответственность за убийство по мотиву сострадания.).

2. Убийство неизлечимо больного, находящегося в состоянии, при котором он лишен возможности выразить свою волю либо согласие на эвтаназию по мотиву сострадания, осуществленное врачом по своей инициативе либо по просьбе его близких или родственников, — наказывается ограничением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового или лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, осуществленные иным лицом, — наказываются ограничением свободы на срок до двух лет или лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Учитывая изложенную специфику исследуемого деяния, на наш взгляд, необходимо ввести в ст. 64 УК РФ (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление) дополнительную часть в следующей редакции: ч. 3 ст. 64 УК РФ «В исключительных случаях суд, с учетом тяжести болезни, характера и продолжительности физических страданий, испытываемых больным в результате неизлечимой болезни, его просьбы или волеизъявления об умерщвлении, может назначить более мягкое наказание, чем закреплено в санкции статьи, предусматривающей ответственность за убийство по мотиву сострадания, либо отказаться от его назначения».

Представляется, что во всех случаях согласие потерпевшего должно вести к смягчению уголовно-правовой ответственности за убийство по такому основанию, но лишь при наличии определенных условий.

Прежде всего, согласие потерпевшего должно по времени предшествовать совершенному деянию. Если же оно имело место постфактум, то признается лишь смягчающим наказание обстоятельством. Помимо этого необходимо, чтобы волеизъявление последовало от лица, способного понять значимость и последствия своего согласия.

Наконец, требуется, чтобы согласие было дано свободно. Если оно было получено обманным путем или в результате принуждения, то совершенное деяние не может быть признано эвтаназией и должно влечь ответственность на общих основаниях.

Такой подход, на наш взгляд, обеспечит решение проблемы несоответствия уголовно-правовой оценки эвтаназии объективным свойствам этого деяния. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что основной целью обновления уголовного законодательства является приведение юридических норм в соответствие с реалиями нашего времени.

А в настоящее время, с развитием медицины и появлением новых способов и средств лечения, потребность в надлежащем правовом регулировании определенных форм нетрадиционного вмешательства в организм человека (к которым относится и эвтаназия) и в их адекватной оценке представляется очевидной.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ

Сулейманова З.
Ст-ка 6 курса ОЗО

Таилова А.Г.
Научный руководитель: к.ю.н.

Смертная казнь – одно из древнейших наказаний, известных миру. Она затрагивает первое из естественных прав человека – право на жизнь и выступает в качестве необратимой меры. Такое положение, естественно, вызвало широкое обсуждение её мо-

ральных и правовых основ. Ни один вопрос уголовного права так не притягателен к его изучению, как вопрос о применении смертной казни. Каждый правосознательный гражданин, не говоря уже о специалистах в уголовно-правовой сфере, задумывается о данной мере наказания ввиду актуальности этой проблематики.

В настоящее время идет речь об отмене смертной казни и реализации взятых на себя перед Советом Европы обязательств. Постановка этой задачи обусловлена тем, что Россия подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод "относительно отмены смертной казни" от 28 апреля 1983 г., но он до сих пор не ратифицирован, хотя упомянутая Конвенция была ратифицирована Федеральным законом 1 ноября 1998 г.[1] Статья 1 Протокола гласит: "Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен"; в ст. 2 государствам-участникам разрешается введение смертной казни за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны[2]. Интересно, что в момент составления Протокола его подписали только 13 из 21 входившего тогда в Совет Европы государства (некоторые государства не подписали и не ратифицировали его до настоящего времени). Однако для государств, вновь вступающих в Совет Европы, в том числе и для России, условием вступления было: законодательная отмена смертной казни в течение ближайших трех лет, а до этого введение моратория на исполнение приговоров к смертной казни. Невыполнение названных условий чревато для России неприятностями, подобными тем, которые случились в связи с проведением антитеррористической операции в Чеченской Республике.

Первые шаги в этом направлении сделаны. 16 мая 1996 г. издан Указ Президента РФ "О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы"[3]. По сообщениям печати, в июне 1999 г. Президент РФ помиловал всех осужденных к смертной казни: этим лицам назначенная судом мера наказания была заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок 25 лет. Новые приговоры к смертной казни в России не выносятся в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г., которым назначение судами смертной казни в качестве наказания в России приостановлено.

Конституционный Суд пришел к выводу, что данная мера наказания любым судом Российской Федерации не может быть назначена до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории РФ каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого установлена смертная казнь, право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей[4].

В данный момент важно правильно оценить сложившуюся ситуацию и определить дальнейшие меры по совершенствованию российского законодательства. По существу, как уже говорилось, смертная казнь не имеет ни уголовно-правовых, ни криминологических преимуществ перед пожизненным лишением свободы. Что касается самого факта лишения жизни виновного при применении смертной казни, то нет убедительных доказательств того, что это является благом для общества. Кроме того, нельзя не учитывать и ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, в которой содержится указание на отме-

---

[1] Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

[2] Европейский суд по правам человека. Т. 2. М., 2000. С. 732.

[3] Собрание законодательства РФ. 1996. №21. Ст. 2468.

[4] Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

ну в будущем смертной казни, правда, без определения срока такой отмены. В данный момент в связи с ратификацией Протокола № 6 представляется возможность выполнить данное положение Конституции. После ратификации Протокола и вступления в силу его положения будут действовать на территории нашей страны как нормы международного договора, согласно которым смертная казнь за особо тяжкие преступления против жизни может относиться исключительно к действиям, совершенным во время войны или при неизбежной угрозе войны. Эта позиция[1] основывается не только на ч. 2 ст. 20, но и на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, которая признает общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации составной частью ее правовой системы.

Высказано и иное мнение. На Юбилейном Соборе 2000 г. Русская Православная Церковь отказалась осудить смертную казнь, сославшись на то, что смертная казнь признавалась в Ветхом Завете, и указаний на необходимость ее отмены нет ни в Священном писании Нового Завета, ни в предании и историческом наследии Православной Церкви. "Сам же вопрос об отмене или неприменении ее должен решаться обществом с учетом состояния преступности, правоохранительной и судебной систем, а наипаче соображений охраны жизни благонамеренных членов общества"[2]. Высказываясь за решение вопроса о смертной казни обществом, Русская Православная Церковь по существу предлагает провести референдум по данному вопросу. Проблема смертной казни по своей значимости действительно могла бы быть предметом референдума, который в соответствии со ст. 3 Конституции РФ является высшим и непосредственным выражением власти народа. Только надо иметь в виду, что проведение референдума, судя по результатам выборочных опросов[3], скорее всего приведет к тому, что смертная казнь как мера уголовного наказания будет сохранена. По выборочным данным ВНИИ МВД России и других исследований, более 70% населения считают возможным применение смертной казни за убийство при отягчающих обстоятельствах и выступают против ее отмены.

Вместе с тем у Президента РФ имеется неотъемлемое конституционное право помилования, которым он и воспользовался в 1999 г. Поэтому вполне реальна "вялотекущая ситуация", которая, как уже говорилось, была в России при Елизавете Петровне, запретившей исполнение приговоров к смертной казни без законодательного решения об ее отмене.

Таким образом, оба исторически сложившихся подхода к проблеме применения смертной казни – "рациональный" и "эмоциональный" – имеют свои обоснования. Но если мы намерены жить в правовом государстве, следует все же принять "рациональный", правовой подход. Именно он обеспечивает решение

---

[1] Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / Под ред. В.А. Четвернина. М., 1997. С. 142-143.

[2] Версия. 2000. № 33. С. 20.

[3] Квашис В.Е. Смертная казнь и общественное мнение // Гос. и право. 2006, № 4. С. 54.

задачи, поставленной в ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации.

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.

Джамалутдинова А.
Ст-ка 5 курса ОЗО

Таилова А.Г.
Науч. руков. к.ю.н.

В законодательстве других стран убийство также признается наиболее тяжким преступлением. Для уголовного права США, Франции и Испании характерно деление посягательств против жизни на простое и тяжкое убийство. Если в России, ФРГ, Франции и в ряде других уголовно-правовых актов стран континентального права законодатель под простым убийством понимает умышленное убийство, совершенное без квалифицирующих обстоятельств, то в Великобритании и США статутное (законодательное) и общее (прецедентное) право наряду с простым умышленным убийством признает простым убийством также случаи причинения смерти по неосторожности. Иногда и англо-американцы, подобно континентальным европейцам, причинение смерти по преступной неосторожности (небрежности) выделяют в особый состав. За незначительными исключениями в уголовном праве, как стран Европейского континента, так и стран англо-американской правовой семьи квалифицированным (тяжким) убийством является только умышленное убийство.[1]

Английское право различает три вида убийств: умышленное убийство, неосторожное убийство и детоубийство. Неумышленное, хотя бы и случайное, лишение жизни рассматривается как тяжкое убийство, если оно сопутствовало другому тяжкому преступлению. Однако неумышленное, хотя бы и случайное, лишение жизни, если оно сопутствовало противозаконному деянию, не составляющему тяжкого преступления, квалифицируется как простое убийство. Аналогично квалифицируется и умышленное убийство, совершение которого виновным спровоцировано со стороны убитого[2].

Определяющее значение для квалификации деяния как умышленного (тяжкого) убийства имеет субъективная сторона, которая при тяжком убийстве означает свободно сформировавшееся намерение предпринять действие, которое, как отдает себе в этом совершающее его лицо отчет, выразится или может выразиться в причинении смерти какому-либо лицу.

---

[1] Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть: учеб. пос. / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. М., 2004. С. 443.

[2] Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство зарубежных стран. М., 2010. С. 254.

Таким образом, само наличие умысла на совершение убийства является отягчающим обстоятельством, относящим умышленное убийство к категории тяжких. При этом способ его совершения для квалификации содеянного не имеет определяющего значения. Из этого следует, что умышленное причинение смерти, совершенное особо жестоким способом, будет соответственно квалифицироваться как тяжкое убийство.

Американскому же праву присущ ряд характерных особенностей в определении ответственности за убийство, которые неизвестны английскому праву. В частности, деление тяжкого убийства на убийство первой и второй степени. При этом признаки, определяющие отнесение тяжкого убийства к той или иной степени, в различных штатах определяются по-разному. Во французском и испанском уголовном праве такого деления нет[1].

Законодательством многих штатов признается доктрина английского общего права, если смерть наступила в течение одного года и одного дня после причинения телесного повреждения или нанесения удара, то виновный в причинении вреда признается и виновным в убийстве.

По общему определению к тяжкому убийству в американском уголовном праве относятся все случаи незаконного лишения жизни другого «живого человеческого существа» (living human being), совершенного со «злым предумышлением» (malice aforethought). Уголовный кодекс штата Калифорния относит к тяжкому убийству первой степени всякое убийство, совершенное путем взрыва, из засады, с помощью пыток или иным способом «обдуманно и преднамеренно» или же при осуществлении поджога, изнасилования, ограблений или разбоя либо тяжкого преступления, направленного против ребенка. Все признаки не требуют дополнительного анализа, помимо указания на совершение убийства «обдуманно и преднамеренно».

Составители Примерного уголовного кодекса США заявили, что они считают устаревшим представление об особо злостном характере действий, совершенных обдуманно и преднамеренно, которое современное американское право унаследовало через английское общее право от Средних веков. Они напомнили, что при такой квалификации убийство любящим мужем жены для того,

---

[1] Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство зарубежных стран. М., 2010. С. 254.

чтобы избавить ее от мучительной смерти в результате неизлечимой болезни, должно считаться более тяжким, чем любое импульсивное убийство, даже совершенное из самых что ни на есть низменных побуждений и с особой жестокостью. То есть в соответствии с Примерным уголовным кодексом США особо злостный характер действий не требует обязательного признака, такого, как обдуманность и преднамеренность.

Для вменения особой жестокости совершения убийства по американскому уголовному законодательству достаточно и спонтанного ее проявления. Тем самым американское уголовное законодательство выделяет в качестве квалифицирующего обстоятельства особо злостный характер совершения убийства, влияющего на назначаемое за убийство наказание[1].

Таким образом, в Примерном УК США некоторые статьи содержат только отдельные признаки особой жестокости как способа совершения убийства (убийство с применением пыток, особо злостный характер действий). Однако они не охватывают всего перечня особо жестоких способов совершения убийства. Примерный УК США также не содержит общего единого признака, определяющего особую жестокость. Не отраженные в Примерном УК США другие способы проявления особой жестокости автоматически относят убийство к разряду тяжких убийств первой степени[2].

Согласно ст. 221-1 французского Уголовного кодекса 1992 г. «умышленное лишение жизни другого человека образует умышленное убийство». Для ответственности по этой статье необходимо установление умысла на лишение жизни, в противном случае, как считает доктрина уголовного права, речь может идти лишь о нанесении ран или ударов либо за неосторожное убийство.

Нельзя не отметить, что французская судебная практика и уголовно-правовая доктрина считают возможным осуждение за убийство и в тех случаях, когда личность потерпевшего точно не установлена, а подтвержден лишь факт совершении убийства. Необходимо отметить, что во Франции, как и в России, умышленное убийство может быть совершено и путем действия (удар ножом), и путем бездействия (парализованного больного умышленно не кормят, чтобы он умер). Однако причинение моральных страданий, которые могут вызвать смерть, французским уголовным правом не признается достаточным основанием для осуждения за умышленное убийство, в отличие от российского законодательства, где причинение смерти путем психического воздействия может быть квалифицировано как убийство, если будет установлен умысел виновного, направленный на лишение потерпевшего жизни[3].

---

[1] Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть: учеб. пос. / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. М., 2004. С. 443.

[2] Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 8, 10.

[3] Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство зарубежных стран. М., 2010. С. 254.

В соответствии со ст. 221-3 Уголовного кодекса Франции уголовная ответственность за предумышленное убийство усиливается, если ему предшествовали или его сопровождали пытки или акты жестокости.

Необходимо отметить, что по уголовному законодательству Франции самостоятельным отягчающим обстоятельством совершения убийства является жестокость (достаточно применения просто жестокости, а не особой) по отношению к потерпевшему. В отдельное квалифицирующее обстоятельство выделяются пытки. В качестве самостоятельного вида умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах французское уголовное законодательство предусматривает отравление (ст. 221-5)[1].

Отравление образует посягательство на жизнь другого человека путем использования или назначения в отношении его таких веществ, которые могут повлечь его смерть. Следует обратить внимание и на то, что состав данного преступления сформулирован во французском Уголовном кодексе иначе, чем описаны в нем другие преступления против жизни. Отравлением признается не лишение жизни, а посягательство на жизнь человека, совершенное определенным образом. Иначе говоря, действия преступника являются оконченными уже тогда, когда он с целью отравления ввел какое-либо вещество в организм потерпевшего. Для квалификации этого преступления не имеет значения, наступила смерть или нет, и вообще какими оказались последствия действий виновного[2].

В Уголовном кодексе Испании 1995 г. весьма интересно сформулировано понятие убийства. Не давая ему прямого определения, УК говорит лишь о том, что лицо, причинившее смерть другому человеку, наказывается как виновный в убийстве (ст. 138 — «убийством является причинение смерти другому человеку»). Для признания убийства тяжким необходимо, чтобы оно было совершено при отягчающих обстоятельствах, одним из которых является особая жестокость (ст. 140 УК Испании), т.е. особая жестокость предусмотрена в УК Испании в виде самостоятельного квалифицирующего обстоятельства, отягчающего ответственность за содеянное[3].

Уголовное право ФРГ признает преступлением противоправное деяние, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы от одного года и выше. В соответствии с Уголовным кодексом ФРГ самым тяжким преступлением является убийство[4]. Понятие убийства в УК не дано, лишь в ст. 212 указано следующее: «…кто убивает другого человека при обстоятельствах, когда отсутствуют признаки тяжкого убийства, наказывается лишением свободы на срок не менее 5 лет; в особо тяжких случаях наказанием является пожизненное лишение свободы». Согласно ст. 211 УК ФРГ к признакам, характеризующим объективную сторону преступления и имеющим квалифици-

---

[1] Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 8, 10.

[2] Французский уголовный кодекс 1810 года. С изменениями и дополнениями по 1 июня 1940 г. / пер. Н. С. Лапшиной; под ред. и со вступ. ст. М. М. Исаева. М., 1977. С. 9-10.

[3] Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть: учеб. пос. / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. М., 2004. С. 443.

[4] Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 12.

рующее значение, относятся: совершение убийства коварно (из засады и т.п.); жестоко; общеопасным способом.

Для квалификации убийства как тяжкого в уголовном праве ФРГ достаточно проявления не особой жестокости, а просто жестокости по отношению к потерпевшему. Жестокость является в нем обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность и наказание виновного[1].

Уголовные кодексы Швейцарии, КНР, Швеции и Голландии ничего не говорят об особой жестокости как об обстоятельстве, отягчающем ответственность. Законодатели этих государств предполагают, что особая жестокость преступных действий как признак объективной стороны будет сразу относить убийство к категории наиболее тяжких убийств с соответствующей дифференциацией наказания[2].

Из проведенного анализа уголовного законодательства зарубежных стран можно сделать вывод, что особая жестокость как отягчающее обстоятельство имеет место только в УК Испании. По УК ФРГ достаточно проявления просто жестокости, чтобы убийство квалифицировалось как тяжкое[3]. В Примерном УК США некоторые статьи содержат отдельные признаки особой жестокости как способа совершений убийства (убийство с применением пыток, особо злостный характер действий), но эти статьи не охватывают всего перечня особо жестоких способов убийства. Примерный УК США также не содержит единого признака особой жестокости. А не отраженные в Примерном УК США другие способы проявления особой жестокости относят убийство к разряду тяжких убийств первой степени[4].

В нормативных актах указанных нами в данной работе стран в УК вообще не упоминают об особой жестокости совершения убийства. Главное значение в их законодательствах придается установлению умысла на лишение человека жизни, при этом способ же совершения данного преступления никакого значения для квалификации деяния не имеет. Так как убийство с особой жестокостью всегда совершается умышленно, то это предполагает признание такого убийства тяжким.

Может быть, отсутствие в некоторых уголовно-правовых актах иностранных государств учета при дифференциации ответственности за посягательство на жизнь и здоровье человека признака жестокости или особой жестокости совершения убийства является результатом того, что уголовное законодательство зару-

---

[1] Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 8, 10.

[2] Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть: учеб. пос. / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. М., 2004. С. 443.

[3] Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 12.

[4] Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство зарубежных стран. М., 2010. С. 254.

бежных стран не в полной мере соотнесено с такими специфическими противоправными установками личности убийцы, встречающимися на практике и находящими свое выражение в проявлении им особой жестокости, как цинизм, беспощадность, безжалостность и сильная ненависть по отношению к другому человеку, которые учтены в уголовном законодательстве нашей страны в нормах ответственности за преступления против жизни и здоровья личности.

ОХРАНА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Шабанова Аида
Студентка 3 го курса,
юридического факультета,
филиала ДГУ в г. Избербаш,

Проблема защиты прав человека в последние десятилетия становится объектом все более широкого регулирования как в международно-правовых документах, так и в национальном законодательстве отдельных государств. Принципы и положения, отраженные в общепризнанных актах международного права: Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., служат ориентирами при разработке конституций, кодексов и иных законодательных актов в государствах, идущих по пути развития демократии.

В любом демократическом государстве правовая регламентация выборов как современного института народовластия должна соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права, составляющим в совокупности международные избирательные стандарты. Российская Федерация является участницей более двадцати основных международных правовых актов в области обеспечения избирательных прав и свобод человека и гражданина, организации и проведения свободных, открытых выборов. Избирательные права и право граждан на участие в референдуме стоят в центре всех процессов формирования основных институтов государственной власти, и в законодательстве многих зарубежных стран их защите, в том числе и путем установления мер уголовно-правовой ответственности, уделяется значительное внимание. В этой связи представляет интерес сопоставление составов преступлений против избиратель-

ных прав, установленных российским уголовным законом и уголовным законодательством зарубежных стран.

Сравнительный анализ законодательного описания преступлений против избирательных прав в УК РФ и зарубежном уголовном законодательстве позволяет сделать вывод об использовании законодателями разных стран различных концептуальных подходов в определении понятия нарушения избирательных прав и о несовпадении объема содержания данного понятия. Вместе с тем можно говорить и об общих тенденциях, присущих нормам российского УК, и уголовного закона других стран, о применении сходной терминологии при законодательном описании элементов и признаков рассматриваемого состава преступления.

Система норм российского уголовного закона, посвященных охране избирательных прав граждан, включает воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ), нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, избирательного блока (ст. 141.1 УК РФ), фальсификацию избирательных документов (ст. 142 УК РФ) и фальсификацию итогов голосования (ст. 142.1 УК РФ). Как отмечает И.С. Власов, у российского законодателя есть своя традиция и были свои резоны именно так построить указанные статьи.

Во всех уголовных законах, рассматриваемых в данной статье, воспрепятствование осуществлению избирательных прав выступает в качестве общей нормы. Помимо этого в отдельных уголовных кодексах особо выделяются иные составы преступлений, связанные с процессом организации голосования. Так, ст. L.96 Избирательного кодекса Франции предусматривает ответственность за посещение лицом избирательного участка с оружием, ст. L.103 – за похищение урны, содержащей опущенные и неразобранные избирательные бюллетени. Согласно § 599 разд. 18 Свода законов США признается преступлением обещание кандидатом назначения либо использования своего влияния для назначения на должность в обмен на поддержку своей кандидатуры.

Объем криминализации деяний, нарушающих избирательные права граждан, во многом обусловлен особенностями избирательной системы и порядком голосования, установленных законодательством того или иного государства. Так, ч. 3 ст. 141 УК

РФ предусмотрена ответственность за неправомерное вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы РФ "Выборы". Указанная норма характерна лишь для российского уголовного закона, отражающего такую особенность организации национальной избирательной системы, как использование комплексов средств автоматизации.

В США установлена ответственность за принуждение федерального служащего к выступлению либо к отказу от такового на стороне определенного кандидата (§ 610 разд. 18 Свода законов США). В Российской Федерации криминализация названного деяния вряд ли может иметь смысл, поскольку в отличие от порядка, установленного избирательным законодательством США, участие в агитационной деятельности лиц, замещающих государственные должности, должности государственной службы РФ, запрещено законом.

Согласно § 107с УК ФРГ наказанию подвергается лицо, нарушающее предписание о защите тайны выборов с намерением ознакомиться самому или сообщить кому-либо, как голосовало то или иное лицо. Содержание таких предписаний раскрывается в ряде законодательных актов федерации и федеральных земель, например, в Федеральном законом о выборах. С учетом того, что избирательным законодательством ФРГ установлена возможность осуществления голосования по почте и данный вид голосования получает все большее распространение, возрастает опасность увеличения числа нарушений избирательной тайны. В РФ голосование по почте не проводится, хотя рассматривалась возможность введения этого института, призванного в перспективе заменить институт досрочного голосования, а в некоторых случаях – и институт открепительного удостоверения.

Большая часть исследуемых уголовных кодексов и иных законодательных актов, предусматривающих уголовную ответственность за нарушения в сфере выборов, относит к преступлениям незаконное участие в голосовании тех граждан, которые не наделены таким правом, а также участие в голосовании вместо другого человека (§ 266 УК Австрии; ст. 60 Закона Великобритании о народном представительстве 1983 г.; ст. L.86 Избирательного кодекса Франции и др.).

В ряде уголовных кодексов также устанавливается ответственность за воспрепятствование самой процедуре проведения выборов непосредственно в день голосования (§ 267 УК Австрии, § 116 УК Дании, § 107 УК ФРГ). Статья L.98 Избирательного кодекса Франции устанавливает ответственность за нарушение нормального функционирования избирательного округа путем

организации шумных сборищ или угрожающих демонстраций, что способно нанести ущерб осуществлению избирательного права и свободному голосованию. В УК РФ объективная сторона данного вида преступления охватывается диспозицией ст. 141 и состоит в воспрепятствовании работе избирательных комиссий.

С развитием института выборов возникают новые формы преступных посягательств, связанных с использованием "грязных" технологий и так называемого "черного пиара", в том числе с помощью средств массовой информации, требующие закрепления в нормах статей УК РФ. При проведении выборов всех уровней достаточно широко распространенным явлением стал "вброс" незадолго до дня голосования или в день голосования печатных агитационных материалов по дискредитации политических оппонентов. Уголовное законодательство Великобритании устанавливает ответственность за недобросовестные приемы ведения избирательной кампании, в том числе за ложные заявления о личности кандидата и его поступках (ст. 106 Закона о народном представительстве 1983 г.). В соответствии со статьей L.97 Избирательного кодекса Франции уголовно наказуемой является попытка дезинформации, распространения клеветнических слухов или воздействия с помощью других мошеннических средств на волеизъявление избирателей.

Характерной особенностью уголовного законодательства стран англосаксонской системы, в частности, Великобритании, является детальная регламентация финансовых нарушений в ходе выборов. Так, Закон о политических партиях, выборах и референдумах 2000 г. содержит 69 составов преступлений, предусматривающих ответственность за нарушения правил финансирования избирательных кампаний. Следует отметить учет российским законодателем зарубежного законотворческого опыта в данной сфере. Федеральным законом от 4 июля 2003 г. N 94-ФЗ в УК РФ введена ст. 141.1, посвященная нарушениям порядка финансирования избирательной кампании, имеющая казуистический характер и содержащая более десяти составов преступлений.

Детальный и даже казуистический подход к регулированию ответственности за преступления в сфере выборов характерен для уголовного законодательства США (§§ 594, 597, 598 и др. разд.

18 Свода законов США), Великобритании (ст. 115 Закона о народном представительстве 1983 г.), Голландии (ст. 125 УК), Дании (ст. 117 УК), ФРГ (§ 108 УК), Франции (L.107 Избирательного кодекса), Швейцарии (ст. 280 УК). В диспозициях соответствующих норм приводится исчерпывающий перечень способов воспрепятствования осуществлению избирательных прав.

К обязательным признакам объективной стороны воспрепятствования осуществлению избирательных прав в указанных странах относятся:

- принуждение, мошеннические ухищрения, связанные с незаконным воздействием на избирателя (угроза причинения физического или психического вреда, увольнение с работы, расторжение договора аренды и т.п.) (ст. 115 Закона Великобритании о народном представительстве 1983 г.);
- насилие или угроза насилия (ст. 125 УК Голландии);
- незаконное принуждение, лишение свободы или использование положения превосходства (§ 117 УК Дании);
- насилие, угрозы, внушающие страх потерять работу или причинить ущерб личности (ст. L.107 Избирательного кодекса Франции);
- насилие или угроза причинения ощутимого вреда, злоупотребление профессиональной или экономической зависимостью или прочим экономическим давлением (§ 108 УК ФРГ);

Субъект воспрепятствования осуществлению избирательных прав – общий, любое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. В специальных нормах, устанавливающих ответственность за нарушение тайны голосования, подлог избирательных документов, фальсификацию результатов выборов в ряде стран законодателем введены ограничения субъектного состава. Так, в качестве специального субъекта совершения указанных преступлений ст. 169 УК Болгарии называет лицо из состава избирательной комиссии, ст. L.113 Избирательного кодекса Франции – членов административной или муниципальной комиссии в избирательном бюро, особо оговаривая, что если виновный является аттестованным государственным служащим, то наказание удваивается. К специальным субъектам фальсификации избирательных документов, документов референдума УК РФ относит членов избирательной комиссии, комиссии референдума,

уполномоченного представителя избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, а также кандидата и его представителя.

Содержание субъективной стороны преступлений против избирательных прав в зарубежных странах во многом обусловлено, на наш взгляд, способом совершения указанных деяний в целом. В подавляющем большинстве, как и в УК РФ, единственным признаком субъективной стороны данных преступлений выступает умышленная вина, при этом форма вины во всех исследовавшихся уголовных законах не называется прямо, а вытекает из содержания статьи.

Там, где в качестве самостоятельного состава выделяется нарушение тайны голосования, субъективная сторона усложняется мотивом или целью. Так, в УК ФРГ обязательным признаком нарушения тайны выборов является преступная цель: "с намерением ознакомиться самому или сообщить другому лицу, как голосовало то или иное лицо". Такие же преступные цели являются альтернативно-обязательными по УК Австрии. Избирательный кодекс Франции при совершении подобного преступления указывает на иные цели: "помешать избирательным операциям или исказить их результаты" (ст. L.116).

В качестве криминообразующего признака воспрепятствования осуществлению избирательных прав законодатель Франции также указывает на наличие специальной цели – "помешать избирателям сделать свой выбор" (ст. L.99). В УК РФ наличие специальной цели – повлиять на решение избирательной комиссии, является обязательным признаком состава вмешательства в осуществление комиссией ее полномочий (ч. 3 ст. 141).

Наличие преступной цели является обязательным признаком субъективной стороны подкупа избирателей. В концентрированном виде указанная цель сформулирована в УК Дании: "привести лицо к голосованию определенным образом или воздержаться от голосования" (п. 4 § 117).

Следует отметить, что подкуп избирателей в качестве самостоятельного состава преступления предусмотрен в законодательстве Австрии, Великобритании, Дании, США, ФРГ, Франции, Швейцарии, причем в большинстве случаев одинаковая ответственность устанавливается как для подкупающего, так и для

подкупаемого. Их действия определены альтернативно: подкупающий предлагает, обещает или предоставляет вознаграждение (§ 265 УК Австрии), подарки или иные выгоды (§ 108b УК ФРГ), а подкупаемый требует, принимает или обещает принять соответствующие вознаграждение, подарки и т.д.

В УК РФ подкуп выступает лишь квалифицирующим признаком таких составов, как воспрепятствование осуществлению избирательных прав и подделка подписей избирателей. Однако, на наш взгляд, назрела необходимость выделения в отечественном уголовном законодательстве подкупа в качестве самостоятельного состава преступления.

Определенный интерес для исследования представляют не только диспозиции уголовно-правовых норм, описывающие объективную сторону преступлений в области избирательных правоотношений, но и соответствующие им санкции.

Анализ максимальных сроков лишения свободы в санкциях за преступления против избирательных прав граждан свидетельствует о том, что наиболее строгому наказанию подлежит воспрепятствование осуществлению избирательных прав, воспрепятствование проведению голосования (работе избирательных комиссий), а также фальсификация итогов голосования или результатов выборов. Учитывая взаимосвязь эффективности санкций со степенью общественной опасности конкретных преступлений, мы приходим к выводу о том, что в уголовном законодательстве разных стран именно названные три вида преступлений против избирательных прав выделены как наиболее опасные, а соответствующие им охраняемые правоотношения являются наиболее значимыми.

Максимальные сроки и размеры наказаний в санкциях, установленных за совершение указанных преступлений с применением насилия, обмана, с использованием служебного положения и др., в разных странах имеют значительный диапазон: от одного года (Австрия), до 10 лет (в особо тяжких случаях – ФРГ). Однако большинство законодателей зарубежных стран примерно одинаково оценивает общественную опасность преступлений указанного вида, о чем свидетельствуют сопоставимые сроки лишения свободы, предусмотренные санкциями статей их УК. Верхние пределы санкций за воспрепятствование осуществлению избира-

тельных прав в законодательстве большинства стран находятся в промежутке от трех до пяти лет. Менее строгие санкции установлены за незаконное участие в голосовании (максимум наказания составляет один-два года лишения свободы) и за нарушение тайны голосования (два года).

Суммируя изложенное, следует отметить, что уголовное законодательство Российской Федерации, посвященное защите избирательных прав, в основных своих элементах согласуется с уголовным законодательством зарубежных стран, однако говорить об их тождественности нельзя, они действуют в разной политико-правовой среде, в их основе лежат разные исторически сложившиеся социокультурные и правовые традиции. Круг деяний, отнесенных к уголовно наказуемым нарушениям избирательных прав граждан в рассмотренном в статье законодательстве зарубежных стран, весьма различен. Во многом это объясняется тем, что охрана избирательных и иных политических прав является сравнительно новой, динамично развивающейся областью уголовно-правового регулирования, самым непосредственным образом связанной не только с существующей в каждой стране системой уголовного, но и избирательного законодательства. Криминологически доказана значимость многовариантного правового подхода в борьбе с преступностью. Как справедливо отмечает А. Кибальник, традиционные задачи национального уголовного права достигаются не только классической реакцией государства по схеме "преступление-наказание", абсолютно очевидной является необходимость "восприятия наиболее эффективных средств решения своих собственных задач, выработанных в иностранном уголовном праве" и "заимствования наиболее эффективных уголовно-правовых институтов из зарубежного права".

Список использованной литературы:

1 Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М., 2010;

2.Уголовный кодекс Австрии / Науч. ред. С.Ф. Милюков. СПб., 2004;

3.Закон Великобритании о народном представительстве 1983 г., //Ответственность за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве зарубежных стран. М., 2005; 4.Власов И.С., Го-

лованова Н.А., Кубанцев С.П., Меньших А.А.,:Ответственность за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве зарубежных стран. М., Норма, 2005;
5.Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. Б.В. Волженкин. СПб., 2000;
6.Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. С.С. Беляев. СПб., 2001;
Свод законов США // // Ответственность за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве зарубежных стран. М., 2005;
Избирательный кодекс Франции // Ответственность за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве зарубежных стран. М., 2005;
Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. Д.А. Шестаков. СПб., 2003;
Уголовный кодекс Швейцарии / Науч. ред. Н.Ф. Кузнецова. М., 2001;
Сравнительное избирательное право / Науч. ред. В.В. Маклаков. М., 2003.
Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. Н.Г. Кадникова. М. 2006.
Кибальник А. Универсализация уголовно-правовых систем и национальный интерес // Уголовное право. 2005. N 5.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ.

Алиева Марьям
Студентка 3 го курса,
юридического факультета,
филиала ДГУ в г. Избербаш,

Право на образование – одно из наиболее существенных социальных прав человека, которое создает необходимую предпосылку для развития, как его личности, так и всего общества. От уровня образованности напрямую зависят социальное продвижение человека и в значительной мере его общественный статус. Чем лучше и больше образованно общество, тем выше его до-

стижения в экономике, социальной жизни и культуре, тем благоприятнее условия жизни каждого человека. Уровень права граждан на образование становится фактором, определяющим уровень развития общества.

В документах ЮНЕСКО зафиксировано, что «образование не может более рассматриваться как роскошь или привилегия; оно лишь представляет собой абсолютную необходимость. Без широкого охвата образованием в мире не может быть ни демократии, ни справедливости, ни прогресса. Право на образование является всего лишь правом на участие в жизни современного мира.

Не случайно в наиболее развитых странах образование относится к числу приоритетных сфер вложения государственных средств. Это, впрочем, не исключает и частных каналов образования, причем нередко по качеству образование, полученное в частных учебных заведениях, выше, чем в государственных или муниципальных. Однако государство, управляемое разумными людьми, заинтересовано в том, чтобы и государственная система образования находилась на высоком качественном уровне, ибо из среды людей с меньшими доходами также выходят выдающиеся специалисты, благодаря которым общий прогресс общества заметно ускоряется.

Как известно, существуют различные ступени образования: дошкольное, начальное, среднее и высшее. Также известно, что прохождение некоторых ступеней является обязанностью, в частности начальное и среднее.

Прежде всего, считаю необходимым рассмотреть право на образование в международно-правовом аспекте, так как большинство стран мирового сообщества являются участниками международных документов о правах и свободах, на которые я ссылаюсь, а значит их внутреннее законодательство ориентировано на стандарты, содержащиеся в них.

Самым первым, универсальным во многих отношениях международно-правовым документом в области основных прав и свобод человека, стала Всеобщая декларация прав человека 1948 г. Ст. 26 этой декларации устанавливает, что каждый человек имеет право на образование. Хотя Всеобщая декларация прав человека и гражданина была принята в форме резолюции Генераль-

ной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ГА ООН). В настоящее время в результате развития международного права и межгосударственной практики ее юридическое значение выходит далеко за рамки "мягкого права" (рекомендательное право), которое обычно признается за нормами резолюций ГА ООН. В российской международно-правовой науке становится общепризнанным положение о том, что многие важнейшие положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г. превратились и признаются государствами в качестве обычных норм международного права, имеющих характер jus cogens (обязательный характер).

Дальнейшее закрепление и развитие права на образование получило в многочисленных международно-правовых актах конвенционного и иного характера. Прежде всего, в ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. государства – участники признают право каждого человека на образование. Помимо констатации этого одного из основных прав человека. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. в общем виде формулирует задачи образования (п.1 ст. 13), практически дословно воспроизводя положение ст. 26 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Его государства-участники согласились, что образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и осознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам. Образование должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами, содействовать работе ООН по поддержанию мира. В п.1-а ст. 5 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г. с небольшими отличиями формулируются аналогичные задачи образования. Право на образование закрепляется и в других международно-правовых актах в частности в международных договорах, направленных против различных форм дискриминации, в договорах регионального характера.

Международно-правовой стандарт права на образование не ограничивается провозглашением права на образование, он стремится установить содержание данного права.

В названных документах содержание права на образование раскрывается следующим образом:

1. Важнейшей гарантией права на образование является доступность образования.

2. Образование должно быть бесплатным, по меньшей мере, в том, что касается начального и общего образования. Начальное образование должно быть обязательным. Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным, и высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого.

Обращает на себя внимание то, что международно-правовые стандарты установив, бесплатность начального и общего образование, обязательным признают только начальное образование. Это означает, что общее среднее образование может носить необязательный характер. Каким образом регулируется это право в соответствии с международными стандартами в отдельных странах?

Во многих конституциях право на образование формулируется кратко. Например, в ст. 26 Конституции Японии сказано:

«Все имеют равное право на образование в соответствии со своими способностями в порядке, предусмотренном законом.

Все должны в соответствии с законом обеспечить прохождение обязательного обучения детьми, находящимися на их попечении. Обязательное обучение осуществляется бесплатно».

Здесь, таким образом, многие принципиальные вопросы регулируются текущим законодательством.

Шестилетнее начальное обучение и первая ступень средней школы (три года) являются в Японии обязательными и бесплатными и охватывают почти 100% детей. Перевод на каждую следующую ступень обучения осуществляется только всем классом, поэтому нет таких явлений, как "перескакивание" одаренных детей через класс, отсев менее способных или второгодничество.

Вторая ступень среднего образования (три года) уже не является обязательной, но, тем не менее, охватывает около 97% соответствующей возрастной группы. В японском обществе престиж образования чрезвычайно высок. Успех в учебе равнозначен здесь успеху в жизни, это путь к повышению социального и материального статуса человека.

Девятилетнее обязательное базовое образование хорошо спланировано и обеспечивает высокое качество знаний. Средний уровень успеваемости и посещаемости в начальной и средней школе очень высок. Таким образом, среднее образование в Японии является полностью бесплатным и обязательным в большей части

Это своеобразная гарантия для малолетних или несовершеннолетних лиц от равнодушия или легкомыслия родителей, которые не заботятся об образовании и воспитании своих детей, что чревато негативными последствиями не только для них, но и для общества. Асоциальное поведение нередко связано с отсутствием или низким уровнем образованности.

Иной пример дает нам Бразильская конституция, которая установила бесплатность и обязательность начального образования. Среднее образование согласно ст. 208 конституции Бразилии не обязательно.

Дети, которые не посещают школу, это обычная проблема для Бразилии. Почему? Потому что их родители за ними не следят; много бедных родителей не могут позволить себе затраты на подготовку и отправку детей в школу; или они просто предпочитают посылать детей работать, а не учиться в школе. Ведь среднее образование, как, уже было сказано, не носит обязательный характер. Следует отметить, что ситуация с образованием в Бразилии немного улучшилась в последние несколько лет благодаря двум программам: Bolsa Escola, по которой родители, которые отправляют детей в школу и следят за их здоровьем, за это получают маленькое пособие, и FUNDEF, по которой муниципалитеты получают федеральные средства в соответствии с числом зарегистрированных детей.

Основной закон Германии предоставляет право каждому гражданину свободно развивать свою личность и выбирать школу, место учебы и профессию по своим способностям и наклонностям. При этом цель политики в области образования заключается в том, чтобы оказать оптимальную поддержку каждому человеку и дать ему возможность получить квалифицированную подготовку, отвечающую его интересам и потребностям. Каждый гражданин Германии в течение всей жизни имеет возможность получить общее, высшее и профессиональное образование.

В Германии обязательное школьное образованние распространяется на детей в возрасте от шести до девятнадцати лет, соответственно продолжительность обучения в школе рассчитана в общей сложности на 13 лет.

В отличие от российской системы образования, средние общеобразовательные школы в Германии очень многотипны. Между ними есть заметные различия. Каждый тип общеобразовательной школы предоставляет учащимся определенный круг возможностей для дальнейшего обучения по выбранной профессии. Выбор школы зависит от того, специалистом какого направления и какого уровня видит себя в будущем ребенок или его родители. Кроме того, для поступления в общеобразовательное учреждение более высокого уровня ученику требуются рекомендации учителей начальной школы. В Германии действует принцип, что чем способнее ребенок, тем больше у него возможностей получить качественное образование. Таким образом, выбор будущей профессии или хотя бы уровня образования осуществляется уже после начальной школы. Средние школы в ФРГ делятся на четыре типа: гимназия, реальная школа, основная школа, объединенная школа.

Согласно ст. 43 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на образование. Под понятием «каждый» подразумевается любой человек, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям, возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, наличия судимости.

Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования. Россия устанавливает федеральные государственные образова-

тельные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования.

Согласно п. 1 Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г., утвержденной приказом Минобразования России от 11 февраля 2002 г. № 393, роль образования на современном этапе развития России определяется задачами ее перехода к демократическому и правовому государству и рыночной экономике, необходимостью преодоления опасности отставания страны от мировых тенденций экономического и общественного развития.

Сегодня российское образование находится в стадии модернизации. Это и введение эксперимента по сдаче Единого Государственного экзамена, и экспериментальное обучение по 12-летней программе общего среднего образования, и получение дипломов о высшем образовании различной квалификации, и информатизация всех ступеней образования, главным образом общего и высшего.

И все-таки, думаю, что российская система образования способна конкурировать с системами образования передовых стран, с той же немецкой, японской. Но, чтобы сохранить эту конкурентоспособность, необходимы ответственность и активная роль государства в этой сфере, выделение необходимых для этого ресурсов и создание механизмов их эффективного использования, перенимать сильные, а не слабые стороны передовых систем образования при этом не разрушать десятилетиями накопленный опыт и наработанные методики преподавания.

1.Конституции зарубежных стран: сборник сост.Дубровин В.Н. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 447 с.

2.Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // Консультант Плюс//

3. Закон РФ от 10.07.1992 N 3266-1 (ред. от 18.07.2011) "Об образовании"

4. Международное право. Сборник документов // Составители: Н.Блатова, Г.Мелков // Изд. «РИОР», 2011г.

ОХРАНА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Проблема защиты прав человека в последние десятилетия становится объектом все более широкого регулирования как в международно-правовых документах, так и в национальном законодательстве отдельных государств. Принципы и положения, отраженные в общепризнанных актах международного права: Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., служат ориентирами при разработке конституций, кодексов и иных законодательных актов в государствах, идущих по пути развития демократии.

В любом демократическом государстве правовая регламентация выборов как современного института народовластия должна соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права, составляющим в совокупности международные избирательные стандарты. Российская Федерация является участницей более двадцати основных международных правовых актов в области обеспечения избирательных прав и свобод человека и гражданина, организации и проведения свободных, открытых выборов. Избирательные права и право граждан на участие в референдуме стоят в центре всех процессов формирования основных институтов государственной власти, и в законодательстве многих зарубежных стран их защите, в том числе и путем установления мер уголовно-правовой ответственности, уделяется значительное внимание. В этой связи представляет интерес сопоставление составов преступлений против избирательных прав, установленных российским уголовным законом и уголовным законодательством зарубежных стран.

Сравнительный анализ законодательного описания преступлений против избирательных прав в УК РФ и зарубежном уголовном законодательстве позволяет сделать вывод об использовании законодателями разных стран различных концептуальных подходов в определении понятия нарушения избирательных прав и о несовпадении объема содержания данного понятия. Вместе с

тем можно говорить и об общих тенденциях, присущих нормам российского УК, и уголовного закона других стран, о применении сходной терминологии при законодательном описании элементов и признаков рассматриваемого состава преступления.

Система норм российского уголовного закона, посвященных охране избирательных прав граждан, включает воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ), нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, избирательного блока (ст. 141.1 УК РФ), фальсификацию избирательных документов (ст. 142 УК РФ) и фальсификацию итогов голосования (ст. 142.1 УК РФ). Как отмечает И.С. Власов, у российского законодателя есть своя традиция и были свои резоны именно так построить указанные статьи.

Во всех уголовных законах, рассматриваемых в данной статье, воспрепятствование осуществлению избирательных прав выступает в качестве общей нормы. Помимо этого в отдельных уголовных кодексах особо выделяются иные составы преступлений, связанные с процессом организации голосования. Так, ст. L.96 Избирательного кодекса Франции предусматривает ответственность за посещение лицом избирательного участка с оружием, ст. L.103 – за похищение урны, содержащей опущенные и неразобранные избирательные бюллетени. Согласно § 599 разд. 18 Свода законов США признается преступлением обещание кандидатом назначения либо использования своего влияния для назначения на должность в обмен на поддержку своей кандидатуры.

Объем криминализации деяний, нарушающих избирательные права граждан, во многом обусловлен особенностями избирательной системы и порядком голосования, установленных законодательством того или иного государства. Так, ч. 3 ст. 141 УК РФ предусмотрена ответственность за неправомерное вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы РФ "Выборы". Указанная норма характерна лишь для российского уголовного закона, отражающего такую особенность организации национальной избирательной системы, как использование комплексов средств автоматизации.

В США установлена ответственность за принуждение федерального служащего к выступлению либо к отказу от такового на

стороне определенного кандидата (§ 610 разд. 18 Свода законов США). В Российской Федерации криминализация названного деяния вряд ли может иметь смысл, поскольку в отличие от порядка, установленного избирательным законодательством США, участие в агитационной деятельности лиц, замещающих государственные должности, должности государственной службы РФ, запрещено законом.

Согласно § 107с УК ФРГ наказанию подвергается лицо, нарушающее предписание о защите тайны выборов с намерением ознакомиться самому или сообщить кому-либо, как голосовало то или иное лицо. Содержание таких предписаний раскрывается в ряде законодательных актов федерации и федеральных земель, например, в Федеральном законом о выборах. С учетом того, что избирательным законодательством ФРГ установлена возможность осуществления голосования по почте и данный вид голосования получает все большее распространение, возрастает опасность увеличения числа нарушений избирательной тайны. В РФ голосование по почте не проводится, хотя рассматривалась возможность введения этого института, призванного в перспективе заменить институт досрочного голосования, а в некоторых случаях – и институт открепительного удостоверения.

Большая часть исследуемых уголовных кодексов и иных законодательных актов, предусматривающих уголовную ответственность за нарушения в сфере выборов, относит к преступлениям незаконное участие в голосовании тех граждан, которые не наделены таким правом, а также участие в голосовании вместо другого человека (§ 266 УК Австрии; ст. 60 Закона Великобритании о народном представительстве 1983 г.; ст. L.86 Избирательного кодекса Франции и др.).

В ряде уголовных кодексов также устанавливается ответственность за воспрепятствование самой процедуре проведения выборов непосредственно в день голосования (§ 267 УК Австрии, § 116 УК Дании, § 107 УК ФРГ). Статья L.98 Избирательного кодекса Франции устанавливает ответственность за нарушение нормального функционирования избирательного округа путем организации шумных сборищ или угрожающих демонстраций, что способно нанести ущерб осуществлению избирательного права и свободному голосованию. В УК РФ объективная сторона

данного вида преступления охватывается диспозицией ст. 141 и состоит в воспрепятствовании работе избирательных комиссий.

С развитием института выборов возникают новые формы преступных посягательств, связанных с использованием "грязных" технологий и так называемого "черного пиара", в том числе с помощью средств массовой информации, требующие закрепления в нормах статей УК РФ. При проведении выборов всех уровней достаточно широко распространенным явлением стал "вброс" незадолго до дня голосования или в день голосования печатных агитационных материалов по дискредитации политических оппонентов. Уголовное законодательство Великобритании устанавливает ответственность за недобросовестные приемы ведения избирательной кампании, в том числе за ложные заявления о личности кандидата и его поступках (ст. 106 Закона о народном представительстве 1983 г.). В соответствии со статьей L.97 Избирательного кодекса Франции уголовно наказуемой является попытка дезинформации, распространения клеветнических слухов или воздействия с помощью других мошеннических средств на волеизъявление избирателей.

Характерной особенностью уголовного законодательства стран англосаксонской системы, в частности, Великобритании, является детальная регламентация финансовых нарушений в ходе выборов. Так, Закон о политических партиях, выборах и референдумах 2000 г. содержит 69 составов преступлений, предусматривающих ответственность за нарушения правил финансирования избирательных кампаний. Следует отметить учет российским законодателем зарубежного законотворческого опыта в данной сфере. Федеральным законом от 4 июля 2003 г. N 94-ФЗ в УК РФ введена ст. 141.1, посвященная нарушениям порядка финансирования избирательной кампании, имеющая казуистический характер и содержащая более десяти составов преступлений.

Детальный и даже казуистический подход к регулированию ответственности за преступления в сфере выборов характерен для уголовного законодательства США (§§ 594, 597, 598 и др. разд. 18 Свода законов США), Великобритании (ст. 115 Закона о народном представительстве 1983 г.), Голландии (ст. 125 УК), Дании (ст. 117 УК), ФРГ (§ 108 УК), Франции (L.107 Избира-

тельного кодекса), Швейцарии (ст. 280 УК). В диспозициях соответствующих норм приводится исчерпывающий перечень способов воспрепятствования осуществлению избирательных прав.

К обязательным признакам объективной стороны воспрепятствования осуществлению избирательных прав в указанных странах относятся:

- принуждение, мошеннические ухищрения, связанные с незаконным воздействием на избирателя (угроза причинения физического или психического вреда, увольнение с работы, расторжение договора аренды и т.п.) (ст. 115 Закона Великобритании о народном представительстве 1983 г.);
- насилие или угроза насилия (ст. 125 УК Голландии);
- незаконное принуждение, лишение свободы или использование положения превосходства (§ 117 УК Дании);
- насилие, угрозы, внушающие страх потерять работу или причинить ущерб личности (ст. L.107 Избирательного кодекса Франции);
- насилие или угроза причинения ощутимого вреда, злоупотребление профессиональной или экономической зависимостью или прочим экономическим давлением (§ 108 УК ФРГ);

Субъект воспрепятствования осуществлению избирательных прав – общий, любое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. В специальных нормах, устанавливающих ответственность за нарушение тайны голосования, подлог избирательных документов, фальсификацию результатов выборов в ряде стран законодателем введены ограничения субъектного состава. Так, в качестве специального субъекта совершения указанных преступлений ст. 169 УК Болгарии называет лицо из состава избирательной комиссии, ст. L.113 Избирательного кодекса Франции – членов административной или муниципальной комиссии в избирательном бюро, особо оговаривая, что если виновный является аттестованным государственным служащим, то наказание удваивается. К специальным субъектам фальсификации избирательных документов, документов референдума УК РФ относит членов избирательной комиссии, комиссии референдума, уполномоченного представителя избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, а также кандидата и его представителя.

Содержание субъективной стороны преступлений против избирательных прав в зарубежных странах во многом обусловлено, на наш взгляд, способом совершения указанных деяний в целом. В подавляющем большинстве, как и в УК РФ, единственным признаком субъективной стороны данных преступлений выступает умышленная вина, при этом форма вины во всех исследовавшихся уголовных законах не называется прямо, а вытекает из содержания статьи.

Там, где в качестве самостоятельного состава выделяется нарушение тайны голосования, субъективная сторона усложняется мотивом или целью. Так, в УК ФРГ обязательным признаком нарушения тайны выборов является преступная цель: "с намерением ознакомиться самому или сообщить другому лицу, как голосовало то или иное лицо". Такие же преступные цели являются альтернативно-обязательными по УК Австрии. Избирательный кодекс Франции при совершении подобного преступления указывает на иные цели: "помешать избирательным операциям или исказить их результаты" (ст. L.116).

В качестве криминообразующего признака воспрепятствования осуществлению избирательных прав законодатель Франции также указывает на наличие специальной цели – "помешать избирателям сделать свой выбор" (ст. L.99). В УК РФ наличие специальной цели – повлиять на решение избирательной комиссии, является обязательным признаком состава вмешательства в осуществление комиссией ее полномочий (ч. 3 ст. 141).

Наличие преступной цели является обязательным признаком субъективной стороны подкупа избирателей. В концентрированном виде указанная цель сформулирована в УК Дании: "привести лицо к голосованию определенным образом или воздержаться от голосования" (п. 4 § 117).

Следует отметить, что подкуп избирателей в качестве самостоятельного состава преступления предусмотрен в законодательстве Австрии, Великобритании, Дании, США, ФРГ, Франции, Швейцарии, причем в большинстве случаев одинаковая ответственность устанавливается как для подкупающего, так и для подкупаемого. Их действия определены альтернативно: подкупающий предлагает, обещает или предоставляет вознаграждение (§ 265 УК Австрии), подарки или иные выгоды (§ 108b УК ФРГ),

а подкупаемый требует, принимает или обещает принять соответствующие вознаграждение, подарки и т.д.
В УК РФ подкуп выступает лишь квалифицирующим признаком таких составов, как воспрепятствование осуществлению избирательных прав и подделка подписей избирателей. Однако, на наш взгляд, назрела необходимость выделения в отечественном уголовном законодательстве подкупа в качестве самостоятельного состава преступления.

Определенный интерес для исследования представляют не только диспозиции уголовно-правовых норм, описывающие объективную сторону преступлений в области избирательных правоотношений, но и соответствующие им санкции.
Анализ максимальных сроков лишения свободы в санкциях за преступления против избирательных прав граждан свидетельствует о том, что наиболее строгому наказанию подлежит воспрепятствование осуществлению избирательных прав, воспрепятствование проведению голосования (работе избирательных комиссий), а также фальсификация итогов голосования или результатов выборов. Учитывая взаимосвязь эффективности санкций со степенью общественной опасности конкретных преступлений, мы приходим к выводу о том, что в уголовном законодательстве разных стран именно названные три вида преступлений против избирательных прав выделены как наиболее опасные, а соответствующие им охраняемые правоотношения являются наиболее значимыми.
Максимальные сроки и размеры наказаний в санкциях, установленных за совершение указанных преступлений с применением насилия, обмана, с использованием служебного положения и др., в разных странах имеют значительный диапазон: от одного года (Австрия), до 10 лет (в особо тяжких случаях – ФРГ). Однако большинство законодателей зарубежных стран примерно одинаково оценивает общественную опасность преступлений указанного вида, о чем свидетельствуют сопоставимые сроки лишения свободы, предусмотренные санкциями статей их УК. Верхние пределы санкций за воспрепятствование осуществлению избирательных прав в законодательстве большинства стран находятся в промежутке от трех до пяти лет. Менее строгие санкции установлены за незаконное участие в голосовании (максимум наказания

составляет один-два года лишения свободы) и за нарушение тайны голосования (два года).

Суммируя изложенное, следует отметить, что уголовное законодательство Российской Федерации, посвященное защите избирательных прав, в основных своих элементах согласуется с уголовным законодательством зарубежных стран, однако говорить об их тождественности нельзя, они действуют в разной политико-правовой среде, в их основе лежат разные исторически сложившиеся социокультурные и правовые традиции. Круг деяний, отнесенных к уголовно наказуемым нарушениям избирательных прав граждан в рассмотренном в статье законодательстве зарубежных стран, весьма различен. Во многом это объясняется тем, что охрана избирательных и иных политических прав является сравнительно новой, динамично развивающейся областью уголовно-правового регулирования, самым непосредственным образом связанной не только с существующей в каждой стране системой уголовного, но и избирательного законодательства. Криминологически доказана значимость многовариантного правового подхода в борьбе с преступностью. Как справедливо отмечает А. Кибальник, традиционные задачи национального уголовного права достигаются не только классической реакцией государства по схеме "преступление-наказание", абсолютно очевидной является необходимость "восприятия наиболее эффективных средств решения своих собственных задач, выработанных в иностранном уголовном праве" и "заимствования наиболее эффективных уголовно-правовых институтов из зарубежного права".

Список использованной литературы:

1 Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М., 2010;

2.Уголовный кодекс Австрии / Науч. ред. С.Ф. Милюков. СПб., 2004;

3.Закон Великобритании о народном представительстве 1983 г., //Ответственность за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве зарубежных стран. М., 2005;

4.Власов И.С., Голованова Н.А., Кубанцев С.П., Меньших **А.А.,**:Ответственность за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве зарубежных стран. М., Норма, 2005;

5.Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. Б.В. Волженкин. СПб., 2000;

6.Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. С.С. Беляев. СПб., 2001;

Свод законов США // // Ответственность за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве зарубежных стран. М., 2005;

Избирательный кодекс Франции // Ответственность за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве зарубежных стран. М., 2005;

Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. Д.А. Шестаков. СПб., 2003;

Уголовный кодекс Швейцарии / Науч. ред. Н.Ф. Кузнецова. М., 2001;

Сравнительное избирательное право / Науч. ред. В.В. Маклаков. М., 2003.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. Н.Г. Кадникова. М. 2006.

Кибальник А. Универсализация уголовно-правовых систем и национальный интерес // Уголовное право. 2005. N 5.

ПРАВОВЫЕ ЧЕРТЫ СМЕРТНОЙ КАЗНИ КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ.

Алиева Диана.
Студентка 3 го курса,
юридического факультета,
филиала ДГУ в г. Избербаш,

Регулирование в международном праве.

Закрепляя комплекс прав человека, Конституция России в статье 55 (часть 3) допускает в определенных целях их ограничение федеральным законом. Поскольку статья 55 имеет отношение ко всем правам человека, то возникает вопрос, имеет ли она отношение к праву на жизнь. Не является ли право на жизнь абсолютным правом, то есть не подлежащим ограничению ни при каких обстоятельствах? Следует сразу отметить, что многие зару-

бежные конституции, закрепляя данное субъективное право, в одной статье содержат исключения: перечисляют действия, которые не могут трактоваться как нарушение нормы конституции. Обращает внимание, что исключения из общего правила необходимости обеспечения права каждого на жизнь связаны с полным отрицанием жизни. Нельзя ограничить право на жизнь частично, не причинив смерть человеку. Если жизнь человека сохранена, нельзя говорить об ограничении права на жизнь. В этом случае «включается» целый комплекс других прав: право на личную неприкосновенность, право на достоинство, защиту от пыток, право на охрану здоровья и т.д. Отталкиваясь от данного вывода, нельзя не указать на то, что невозможность ограничения права на жизнь охватывается его полным умалением. Если человек умирает, то право на жизнь ему уже не нужно. Смерть субъекта порождает «смерть» его права на жизнь.

Смертную казнь следует рассматривать как разновидность лишения человека жизни на основании закона. Смертная казнь уже в начале своих истоков отграничивалась от схожих явлений (принудительная эвтаназия, предписываемое самоубийство) тем, что она являлась разновидностью наказания. Причиной её применения было всегда противоправное деяние человека, вымышленное или действительное, осознаваемое или объективно вменяемое. Общим же для всех явлений выступают следующие признаки:

1. Причинение смерти предусмотрено действующими правовыми нормами. Закреплены его основания.
2. Причинение смерти исходит от имени государства. Присутствует формальная процедура вынесения решения.
3. Умерщвление осуществляется специальным служителем под контролем государственных служб.

Увеличение количества признаков смертной казни как уголовного наказания говорит о том, что вся её история сводится к тому, что общество постепенно вырабатывало механизм, приводящий не просто к сокращению вынесения смертных приговоров, а к их искоренению. Смертная казнь в современности лишилась также многих признаков, характерных для других времён: публичности, мучительности, истязаний приговорённого.

Мировое сообщество, закрепляя право на жизнь, не могло не выработать согласованную позицию по смертной казни. Политика, направленная на отмену смертной казни, преодолев национальные границы, вышла на иной уровень, найдя своё закрепление в международно-правовых актах. Статья 17 Конституции РФ указывает, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. При решении вопроса о вступлении России в Совет Европы одним из основополагающих условий было требование о соблюдении европейских правил о запрещении смертной казни. Все это предполагает актуальность изучения проблематики смертной казни в международном и европейском праве.

Первые попытки установления запрета смертной казни присутствовали ещё в основополагающих международных Пактах. Однако в них подчёркивалась исключительность меры ответственности, хотя сама отмена не фиксировалась. Документы второго поколения более категоричны. Причём особенностью этих правовых актов является то, что в конвенциональных правилах не допускается объявление оговорок и отступлений. Это подчёркивает, что требование об искоренении практики убиения от имени государства, исходит от всего мирового сообщества. Государство, ратифицируя такое соглашение, берёт на себя соответствующие обязательства по отказу от применения смертной казни. Из международных документов второго поколения следует отметить Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, Протоколы № 6 и № 13 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Международно-правовые акты, посвящённые вопросу смертной казни, содержат две группы норм. В первую входят положения, побуждающие государства к ограничению применения смертной казни, фиксирующие гарантии для лиц, приговорённых к казни. Ни один из международных документов не направлен на поощрение применения смертной казни.

Однако общественное мнение не довольствуется только закреплением гарантий прав приговорённого к смертной казни. По-видимому, стремление к её полной отмене подсказывает новые

пути достижения указанной цели. В большинстве конституций государств, как и во всех универсальных (так и региональных) актах, определяющих общий перечень прав и свобод человека и гражданина, есть норма, запрещающая причинение пыток и излишних страданий при отправлении наказания. Соответственно многие учёные и практики рассматривают смертную казнь как жестокое и бесчеловечное наказание.

В контексте толкования смертной казни как бесчеловечного, жестокого наказания интересен опыт Европейского сообщества. Следует отметить, что содержание, которое вкладывается Европейским Судом по правам человека в понятие права на жизнь, соответствует общей доктрине Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Европейская конвенция не является средством обеспечения защиты жизни человека от преднамеренных убийств, как уголовных преступлений. Однако наибольшую значимость толкование статьи 2 ЕКПЧ приобрело с введением Протокола № 6, направленного на отмену смертной казни. В диссертации особо исследуется решение Европейского Суда по правам человека по жалобе Сёринг против Соединённого Королевства, в котором выражен принцип «синдрома камеры смертников».

Российская Федерация принадлежит к числу тех стран, которые не признали полную отмену смертной казни. Закрепив положение «впредь до её отмены» в статью, посвящённую праву на жизнь, государство взяло на себя лишь обязательство в будущем стремиться к отказу от практики вынесения смертных приговоров. Однако при вступлении России в Совет Европы одним из условий, представленных европейским сообществом, была корреспондирующая обязанность о ратификации Протокола № 6. Тем самым Россия связала бы себя международным обязательством не применять убийство от имени государства в мирное время. В то же время, выразив принципиальное согласие на соблюдение Протокола № 6, Российская Федерация, если откажется от моратория на смертную казнь, санкционирует нарушение Конституции РФ. Если фактическая отмена данного вида уголовного наказания состоялась, то возврат к нему будет нарушением конституционных целей, закрепленных в статье 20. Конституция РФ обязала российского законодателя и правоприменителя последо-

вательно стремиться к отмене смертной казни, а не совершать действия, носящие обратный характер.

Важной вехой в деле отмены смертной казни следует считать Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 года, в соответствии с которым был объявлен мораторий на вынесение смертных приговоров, хотя сама отмена смертной казни так пока и не состоялась.

Конституционная практика развитых демократических стран направлена на укрепление основ гуманизма, одним из ярких примеров которой является

полный отказ от смертной казни. Российская конституция, закрепив данное

стремление, тем самым предусмотрела закрепление четкого юридического обязательства по отказу от смертной казни.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК РФ) от 08.01.1997 N 1-ФЗ

2. История государства и права зарубежных стран. Часть 1 / Под ред. проф. Крашенинниковой Н.А. и проф. Жидкова О.А . – М., 1997.

3. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории отечественного права (V – середина VII века): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1997.

4. Михлин А.С. Способы применения смертной казни: история и современность // Государство и право. – 1997. – №1.

5. Романовский Г.Б. К вопросу о понятии естественных прав человека // Право. Свобода. Личность: Сборник статей / Отв. редактор Г.Б. Романовский. Архангельск: Поморский государственный университет, 2001.

6. Романовский Г.Б. Момент смерти как юридическая фикция // Юрист. 2002. № 1.

7. Романовский Г.Б. Право на жизнь (Монография). Архангельск: Поморский государственный университет, 2002.

8. Российская газета. 1997. N 43/44.

9. Смертная казнь в истории отечественного права: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Специальность 10.00.01 – Теория и история права и

государства ; История правовых учений /С. В. Жильцов. - Саратов,2002.

10. Смертная казнь: за и против / Под ред. С.Г. Келиной. – М.,1989.

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ.

Даудова П.
Ст-ка 3 курса ДО

Таилова А.Г.
Научный руководитель: к.ю.н.

Изучение обстоятельств нанесения тяжких телесных повреждений показало, что они — результат определенных ситуативных конфликтов, возникающих по различным мотивам в сфере межличностных отношений. Все они представляют собой агрессивные проявления, сущность которых заключается в незаконном применении силы одним человеком против другого, что приводит к травмированию или гибели потерпевшего.

Вред, который причинен здоровью потерпевших, находится в прямой зависимости от способа и вида насилия, применявшегося в конфликтах. Для этих преступлений характерно использование колюще-режущих предметов, избиение пострадавших. Виновные нередко используют в качестве орудий преступления подручные предметы: палку, прут, камни, молоток, лом и др. Определенная доля среди способов насилия приходится на применение огнестрельного оружия, что особенно характерно для последнего времени. Встречается и такой способ насилия, как удушение.

Данные в последнее время несколько видоизменяются, отражая уровень общественной опасности отдельных видов противоправных деяний, указывая тем самым на вероятность наступления менее или более значительного вреда.

При нанесении тяжких телесных повреждений наиболее характерным является избиение (свыше половины изученных случаев) и травмирование бытовыми предметами (треть криминаль-

ных ситуаций). Огнестрельное оружие практически не применяется. На долю холодного оружия и различных колюще-режущих предметов приходится свыше десятой части изученных случаев.

Что касается тяжких телесных повреждений, наиболее характерным здесь является применение холодного оружия и колюще-режущих предметов (свыше половины случаев). При использовании в оставшихся случаях избиения (четверть случаев) применялись предметы быта (17,7%). Достаточно часто используется огнестрельное оружие (каждый двадцатый случай).

Характеристика способов, применяемых при разрешении конфликтов межличностного общения путем гетероагрессии, указывает на аффективный, непредумышленный характер большинства этих преступлений, что проявляется в использовании виновными, обычно мужчинами, своего превосходства в физической силе, с применением находящихся под рукой различных предметов. При этом интенсивность преступных действий обусловливает и различный характер наступающего вреда.

Одним из наиболее опасных насильственных посягательств против здоровья является умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

В литературе замена понятия «телесные повреждения» на понятие «причинение вреда здоровью» оценивается положительно, поскольку последнее охватывает помимо телесных повреждений и тот причиняемый здоровью вред, который не связан с нарушением анатомической целостности организма и физиологических функций органов и тканей. Например, психические расстройства, реактивные психические и невротические состояния, заболевания наркоманией или токсикоманией и т. п.[1] С этим нельзя не согласиться. Однако надо иметь в виду, что значительную часть рассматриваемых преступлений составляют все же телесные повреждения, причиняющие тяжкий, средней тяжести и легкий вред здоровью.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК). Данное преступление является наиболее тяжким и распространенным преступлением против здоровья. По статистике, имеющейся в Верховном Суде, в 2007г. по ст. 111 УК было осуждено 31 731 человек, в том числе 8924 человека за причинение здоровью тяжкого вреда, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.[2]

Регулирование ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в УК РФ 1996 г. претерпело существенные изменения. Во-первых, в соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 111 УК расширено понятие причинения тяжкого вреда здоровью

---

[1] Уголовное право России. Особенная часть. М., 2007. С. 68.

[2] БВС РФ. 2007г. №12. с. 7.

путем включения в него в качестве конститутивных признаков таких последствий, как заведомо для виновного полная утрата профессиональной трудоспособности и заболевание наркоманией или токсикоманией. Во-вторых, в ст. 108 УК РСФСР было две части, а в ст. 111 УК РФ – четыре. В-третьих, в ст. 111 УК предусмотрены дополнительно новые квалифицирующие признаки, а также особо квалифицирующие признаки, причем двух уровней. К новым квалифицирующим признакам относятся такие, как совершение преступления с особой жестокостью, издевательством, а равно в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «б» ч. 2), общеопасным способом (п. «в»), по найму (п. «г»), из хулиганских побуждений (п. «д»), по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды (п. «е»), в целях использования органов иди тканей для трансплантации (п. «ж» ч. 2). К особо квалифицирующим признакам первого уровня относится совершение деяния группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 3), в отношении двух или более лиц (п. «б»), неоднократно или лицом, ранее совершившим убийство, предусмотренное ст. 105 УК (п. «в» ч. 3). По-новому ранжирован как особо квалифицирующий второго уровня – признак, состоящий в причинении по неосторожности смерти потерпевшему (ч. 4), который ранее расценивался лишь в качестве квалифицирующего. В-четвертых, среди квалифицирующих и особо квалифицирующих отсутствует такой признак, как совершение преступления особо опасным рецидивистом, прежде предусматривавшийся ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, что обусловлено исключением из действующего уголовного законодательства фигуры особо опасного рецидивиста.

Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 25 июня 1998 г.[1] (п. 4 ст. 1) в ч. 1 ст. 111 УК внесены редакционные изменения, состоящие в перечислении конститутивных признаков умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в иной последовательности

Правильное понимание сущности видового (частного) предмета доказывания дает ключ к разрешению дискуссионного вопроса о соотношении предмета доказывания и криминалистической характеристики преступления. Одни авторы полагают, что видовая криминалистическая характеристика преступления поглощает предмет дока-

[1] Российская газета. 1998. 27 июня.

зывания и последний является ее ядром[1], а другие — что эти понятия — разнопорядковые и имеют самостоятельное значение[2]. На наш взгляд, правы те авторы, которые считают, что, несмотря на разноплановый характер указанных понятий, криминалистическая характеристика преступления определенного вида должна содержать сведения именно относительно элементов видового предмета доказывания[3].

С учетом признания разноплановости криминалистических характеристик преступлений и частных (видовых) предметов доказывания возникает вопрос об их месте в структуре частных криминалистических методик. Одни авторы рекомендуют при изложении содержания конкретных частных методик сохранить обособленность криминалистических характеристик и предмета доказывания[4], а другие полагают, что нужно «одно из двух: либо признание необходимости криминалистической характеристики преступления и тогда исключение перечня указанных обстоятельств из числа элементов конкретной частной методики, либо отражение такой необходимости и тогда сохранение перечня»[5]. При этом предпочтение отдано первому решению проблемы на том основании, «что правильное понимание содержания криминалистической характеристики преступления делает ненужным приведение в качестве самостоятельного структурного элемента конкретной частной методики перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию (установлению) по данной категории уголовных дел. Иное решение вопроса неизбежно приводит либо к неполноте криминалистической характеристики, в которой не отражаются какие-то элементы предмета доказывания, характеризующие преступление именно в криминалистическом аспекте, либо к дублированию содержания этих двух структурных элементов методики»[6].

Разрешение данного спора имеет непосредственное отношение к проблеме дальнейшего совершенствования существующих частных методик расследования, в том числе методики расследования умышленного причинения вреда здоровью.

Представляется, что правильную позицию по этому вопросу занимает С.Н. Чурилов, посвятивший его исследованию несколько работ[7]. По его мнению, криминалистическая характеристика не поглощает предмета расследования: ни его первой структурной части — видового предмета доказывания (т.е. перечня обстоятельств, подлежа-

---

[1] Белкин Р., Быковский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке? // Социалистическая законность. 1987. № 9. С. 56.

[2] Селиванов Н.А. Комментарий к статье «Модное увлечение или новое слово в науке?» // Социалистическая законность. 1987. № 9. С. 58.

[3] Чурилов С.Н. Указ. соч. С. 26.

[4] Герасимов И.Ф. Криминалистика / Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М., 1994. С. 328; Яблоков Н.П. Криминалистика / Под ред. Н.П. Яблокова. М., 1995. С. 495.

[5] Белкин Р.С. Указ. соч. С. 331.

[6] Там же.

[7] Чурилов С.Н. Указ, соч.; Его же. Шаг вперед или два шага назад? (О путях развития российской криминалистической науки) // Право и жизнь. 2000. № 25. С. 97—106.

щих доказыванию в конечном счете по данной категории уголовных дел), ни его второй структурной части — перечня доказательственных фактов (средства доказывания уголовно-релевантных обстоятельств), представленных в типизированном виде, так как «содержание криминалистической характеристики составляют не обстоятельства, подлежащие доказыванию, а обобщенные данные о них и корреляционные связи между отдельными совокупностями этих данных, не доказательственные факты, а типизированные следы-отражения механизма преступления в окружающей обстановке. Первые относятся к сфере доказывания, вторые — к ее антиподу — к сфере преступной деятельности»[1].

Далее изложим перечень обстоятельств, который является общим для расследования различных преступлений, связанных с умышленным причинением вреда здоровью. При этом будем исходить из двух оснований: ст. 73 УПК РФ и уголовно-правовых признаков умышленного причинения вреда здоровью.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию, можно в общем виде структурировать следующим образом:

1. Обстоятельства, относящиеся к событию преступления.

2. Обстоятельства, относящиеся к виновности обвиняемого и мотиву преступления.

3. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие наказание.

4. Обстоятельства, относящиеся к личности потерпевшего.

5. Обстоятельства, относящиеся к характеру и размеру умышленного причинения вреда здоровью.

6. Обстоятельства, способствовавшие умышленному причинению вреда здоровью.

Если говорить об обстоятельствах, относящихся к отдельным элементам предмета доказывания, то, например, к событию преступления относятся следующие:

1. Факт умышленного причинения вреда здоровью.

2. Место совершения преступления.

3. Время совершения преступления.

4. Способ умышленного причинения вреда здоровью.

5. Характер причиненного вреда здоровью.

6. Локализация повреждений, возникших в результате умышленного причинения вреда здоровью.

---

[1] Чурилов С.Н. Предмет расследования преступления... С. 63.

7. Имело ли место систематическое умышленное причинение вреда здоровью, носящее характер мучений или истязаний, не были ли они опасными для жизни в момент причинения.

8. Данные о личности преступника и потерпевшего.

Необходимость установления события преступления возникает и тогда, когда внешне вред здоровью явился результатом самоповреждения или несчастного случая, а также в случаях отграничения телесных повреждений от покушения на убийство.

В процессе расследования важно установить конкретное место совершения преступления: населенный пункт, улицу, номер дома, этаж, комнату, двор, парк, дорогу и т.д. При этом необходимо точно определить координаты этого места по отношению к постоянным ориентирам. Установление места совершения преступления, в первую очередь, дает возможность органам предварительного расследования более детально уяснить обстановку (в широком смысле этого слова), где произошло преступное деяние. Однако самое главное — обнаружение вещественных доказательств в процессе осмотра, следов преступления, выявление свидетелей, очевидцев и т.д. При этом если в осмотре места происшествия принимает участие потерпевший, то он может помочь следователю уяснить обстановку происшедшего, указать конкретное место нахождения участников события, что, естественно, облегчает поиск следов преступления и вещественных доказательств.

Если преступник неизвестен потерпевшему, то установление точного места совершения преступления помогает следователю в выявлении свидетелей с учетом анализа обстановки места происшествия и прилегающего района,

Не менее важным моментом является определение времени совершения преступления. И сделать это надо как можно точнее, что позволит выяснить обстоятельства, которые предшествовали совершению преступления, продолжительность (ход) общественно опасного деяния, а также события, последовавшие после преступления. Установить время можно путем допросов свидетелей, в процессе осмотра места происшествия, по результатам освидетельствования или заключения судебно-медицинской экспертизы.

Фактор времени, пишет Л.Н. Викторова, относится к сопутствующим обстоятельствам, но ввиду его взаимосвязи с другими обстоятельствами совершения преступления приобретает важное криминалистическое значение[1].

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ОРУЖИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Муртузалиев М.
Студент 4 курса ДО

Таилова А.Г.
Науч. руков. к.ю.н.

Предупреждение преступности является одной из важнейших задач в области борьбы с преступностью, отмечается в Концепции национальной безопасности Российской Федерации[2].

Борьба с преступностью на волне мощной криминализации общества требует не только знаний и опыта, но и всемерной поддержки со стороны общества и государства. Результативность достижения целей предупреждения незаконного оборота оружия во многом зависит от обоснованности превентивных мер с учетом реальных возможностей органов государственной власти и управления (в первую очередь материальных), от проведения необходимых общегосударственных мероприятий политического, социально-экономического, правового и воспитательного характера, направленных на искоренение причин и условий, способствующих совершению указанных преступлений. В связи с этим заслуживает серьезного внимания предложение о заключении Россией межгосударственных соглашений со странами-участницами СНГ и странами Прибалтики по выработке законодательной базы, устанавливающей единый порядок оборота оружия и тесное взаимодействие правоохранительных органов этих стран в борьбе с его незаконным оборотом. С целью осуществления действенного контроля за незаконным оборотом оружия возможно также создание единого компьютерного банка данных, включающего в

---

[1] Викторова Л.Н. Фактор времени в методике расследования. Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976. С. 116-120.

[2] Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24) / Российская газета, 2000, 18 января.

себя сведения: об оружии, находящемся в розыске (с подробным описанием его криминалистических характеристик); об изъятом оружии (с результатами его криминалистического исследования); о лицах, у которых изъято оружие, в том числе и о лицах, освобожденных от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Возможно также создание специальной базы данных с внесением характерных признаков лиц, у которых виновные приобрели оружие. Наличие такого рода информации позволит осуществлять оперативный контроль как за перемещением оружия, так и за лицами, занимающимися его незаконным оборотом, причастными к подобного рода преступлениям. Тем самым значительно облегчилось бы решение задачи установления и устранения источников поступления оружия в незаконный оборот. Поскольку одним из таких источников являются "горячие точки", важным средством противодействия незаконному обороту оружия будет прекращение боевых действий на соответствующих территориях.

Одним из основных факторов, влияющих на рост преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, являются негативные последствия социально-экономического характера, породившие повышенный спрос на предметы вооружения и возможности его незаконного удовлетворения.

В связи с этим основной упор в общесоциальном предупреждении преступлений в сфере незаконного оборота оружия должен быть сделан на реальном улучшении социально-экономической ситуации в стране в целом. Как известно, позитивные факторы экономического характера обладают естественным профилактическим свойством. Помимо этого, важное значение имеет организация досуга населения, способная "снять криминогенность", особенно в среде молодежи.

Думается, что наиболее острым и актуальным вопросом российской науки и практики в сфере предупреждения вооруженной преступности является спор криминологов и правове-

дов о режиме владения и пользования оружием физическими и юридическими лицами[1].

Готовность к силовой защите своих законных и противоправных интересов со стороны многих людей является причиной многих вооруженных преступлений. Она рождает спрос на оружие. Более 4 млн человек имеют разрешение на право владения оружием. Количество приобретенного гражданами нарезного оружия резко увеличилось и составило 400 тыс. единиц. Согласно экспертным оценкам, граждане имеют более 180 тыс. единиц незарегистрированного оружия, из них треть – боевое[2]. Доступность оружия путем его незаконного приобретения является одним из основных условий таких деяний, «подпитывающих» криминальную ситуацию. Указанные факторы идут навстречу друг другу, создавая дополнительный импульс развития вооруженной преступности и незаконного оборота оружия как одного из самых доходных видов криминального бизнеса[3]. В такой ситуации расширение легальных возможностей владения оружием населения, как это предлагается некоторыми криминологами, будет лишь дополнительным каналом вооруженности преступников.

Что же касается мер предупреждения преступлений, совершение которых сопряжено с незаконным распространением оружия и предметов вооружения, то создание соответствующих средств борьбы с этими посягательствами предполагает еще и обнаружение в криминогенном комплексе такого объекта, который ранее не испытывал воздействия со стороны институциональных средств борьбы с преступностью. В настоящее время необходимы качественная перестройка всей системы профилактической работы, создание более эффективных средств воздействия как на преступность в целом, так и на преступления, связанные с незаконным оборотом оружия.

Большое значение в предупреждении преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, имеют представления прокуратуры и частные определения судов, в которых администрация соответствующих организаций уведомляется об упущениях,

---

[1] Корецкий Д.А. Уголовное законодательство об оружии: тенденции необъяснимы // Закон и право. 2004. № 5. С. 30-31.

[2] Никитина А. А. Состояние незаконного оборота оружия в России: тенденции и перспектива развития // Проблемы борьбы с преступностью в Центральном федеральном округе Российской Федерации: Мат. науч.-практ. конф. (28-29 ноября 2001 г., Брянск). М. – Брянск: ЮИ МВД России, 2002. Ч. 2. С. 342.

[3] Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О практике борьбы с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», 2012.

Российская газета. 19 марта 2012 г. № 48

способствовавших совершению рассматриваемых преступлений, и соответственно предлагаются конкретные меры по их устранению.

Превентивные меры по специальной профилактике преступлений должны быть направлены на изъятие предметов вооружения у населения. Для решения этой проблемы необходимо использовать все доступные средства убеждения и принуждения.

При формулировании рекомендаций по противодействию незаконному обороту оружия на территории РД, нами были учтены мнения жителей г. Избербаш, Дербент и Махачкала и сотрудников правоохранительных органов по г. Избербаш и Махачкала. Так, подавляющее большинство населения (80,5%) основной мерой для усиления борьбы с изучаемым криминальным явлением называли ужесточение законов, а именно: законодательное ограничение на владение определенными видами оружия и усиление уголовной ответственности за подобные деяния. 7 человек предлагают все же легализовать некоторые виды оружия (в целях самообороны); 5 человек – бороться с коррупцией в органах государственной власти; 2 человека эффективными мерами борьбы считают правовое воспитание граждан[1].

Работники правоохранительных органов предлагают следующее: повышение гражданской ответственности (7,7%), ужесточение наказания за действия в сфере незаконного оборота оружия (19,8%); создание специализированных оперативных служб по выявлению преступлений в исследуемой сфере (23,9%); повышение уровня сотрудничества различных подразделений правоохранительных органов в борьбе с данными преступлениями (51,4%).

Большинство опрошенных нами граждан ссылались на свою полную незащищённость от преступного посягательства, в отличии судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов

В случае угрозы личной безопасности государство предоставляет возможность судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов, получить в пользование

[1] Опрос населения проводился с ноября 2012 г. по февраль 2013 г. по г.г. Махачкала, Избербаш и Дербент. В опросе приняли участие учащиеся школ, колледжей и студенты ДГУ.

служебное и боевое оружие. Однако такого права лишены потерпевшие, свидетели и иные участники уголовного судопроизводство.

В связи с чем, мы предлагаем статью 6 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» дополнить такой мерой безопасности, как выдача огнестрельного оружия.

В целом мы придерживаемся позиции о возможности легализации короткоствольного оружия в целях самообороны, но считаем, что реализация такого шага должна быть поэтапной и продуманной. Государство должно принять и реализовать для законопослушных граждан, желающих приобрести оружие, специальную государственную программу, которая будет включать в себя, например, следующие мероприятия: курсы по самообороне, курсы по оказанию первой медицинской помощи, курсы по использованию приобретаемого оружия, оканчивающиеся экзаменом, ежегодная проверка состояния здоровья владельцев оружия, ежегодная проверка владельца, его умений и навыков по использованию и применению оружия, систематические проверки условий хранения оружия, периодические проверки владельцев оружия по месту жительства, работы и т.д., систематические специальные проверки за соблюдением общественного порядка владельцами оружия и за их поведением, расширение рынка нелегального оружия.

Следует обратить внимание и на проблему контроля и учета наградного оружия, ряд негативных тенденций, отрицательно влияющих на состояние преступности. Небрежное хранение наградного оружия приводит к трагедиям, совершению преступлений, нередки случаи самоубийства с использованием такого оружия, а также убийство других лиц вследствие неосторожного обращения с наградным оружием.

В целях предупреждения преступлений с использованием наградного оружия, мы предлагаем принять и реализовать комплекс мер, направленных на совершенствование законодательства:

а) необходимо ограничить перечень лиц, которые могут быть награждены оружием, оставив в нем только военнослужа-

щих и сотрудников правоохранительных, государственных военизированных организаций;

б) наградное оружие надлежит вручать только за совершение воинского подвига или за участие в борьбе с преступностью. Иные основания приобретения наградного оружия надлежит исключить из законодательства;

в) следует ограничить круг руководителей, которые могут награждать своих подчиненных оружием.

Положительные результаты на наш взгляд дают профилактические мероприятия по добровольной выдаче незаконно хранящегося у граждан оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ на возмездной основе. Подобные мероприятия уже успешно проводятся в Республике Дагестан, необходимо дальнейшее совершенствование данного положительного опыт.

Огнестрельное оружие, явившееся предметом незаконных операций, должно конфисковываться во избежание его утечки, специально предусмотренные правила списания огнестрельного оружия не всегда соблюдаются.[1]

Это особенно актуально для Дагестана, где имеются серьезные недостатки в учете оружия. Так, изучение судебной практики по г.Избербаш с 2009 по 2012 г.г. показало, что хотя 25 приговоров предусматривал уничтожение оружия, лишь в шести уголовных делах имелись акты уничтожения вещественных доказательств и всего в одном уголовном деле был сделан запрос суда в органы внутренних дел об акте уничтожения вещественных доказательств. В остальных уголовных делах никаких документов, подтверждающих уничтожение вещественных доказательств, не было.

Следовательно необходимо усилить контроль со стороны судебной системы за соблюдением правил списания огнестрельного оружия.

Анализ деятельности органов внутренних дел по г. Избербаш показал, что при обнаружении и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота оружия ошибки совершают преимущественно сотрудники органов дознания. В связи с чем руководителям соответствующих подразделений предлагается

---

[1] Корецкий Д. А. Уголовно-правовой режим средств самообороны. (Спецкурс по криминальной армалогии). М.; Ростов/н/Д: ИКЦ «МарТ», 2002. С. 123.

уделить большее внимание разработке методических рекомендаций и проведению обучающих мероприятий для дознавателей по выявлению и расследованию преступлений в сфере незаконного оборота оружия

Так же необходимо более широкое использование средств массовой информации в целях предупреждения хищений, вымогательства и незаконного оборота оружия и предлагает следующие его формы:

а) пропаганда о необходимости безопасного обращения с оружием. Формами такой пропаганды могут быть беседы и лекции, сообщения, публикуемые в прессе и передаваемые по радио и телевидению и т.д.;

б) социальная реклама, создаваемая с воспитательной целью, направленная на одну из категорий граждан, например, подростков. Примером такой социальной рекламы может быть реклама о почете тех молодых людей, кто идет служить в армию.

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Гамзаева
Ст-ка 2 курса ДО

Таилова А.Г.
Науч. руков. к.ю.н.

Ответственность является одной из центральных категорий в уголовном праве. Однако, несмотря на это, вопрос о понятии уголовной ответственности в теории уголовного права до настоящего времени решается неоднозначно. Среди предлагаемых подходов к решению этой проблемы можно выделить четыре следующих направления. Первое заключается в подходе к уголовной ответственности как к реализации прав и обязанностей субъектов уголовно-правовых отношений, т. е. государства в лице соответствующих органов и лица, совершившего преступление. При этом некоторые сторонники данной позиции не включают в содержание ответственности уголовно-процессуальные отношения как формы установления уголовно-правовых отношений и уголовно-исполнительные отношения как формы реализации уголовно-правовых отношений[1]. Другие авторы, поддерживающие в целом данную позицию, суть которой состоит в постановке знака равенства между понятием уголовной ответственности и уголовно-правовым отношением, в содержание уголовной ответственности включают и все иные правовые отношения, например уголовно-процессуальные, уголовно-

[1] Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Л. Д. Гаух- мана и С. В. Максимова. М.: Эксмо, 2004. С. 83.

исполнительные и другие, относя уголовную ответственность к категории межотраслевых институтов[1].

Вторым подходом к определению понятия уголовной ответственности является отнесение к ее содержанию обязанности лица, совершившего преступление, нести ответственность, претерпеть определенные негативные последствия в соответствии с уголовным законом[2].

Согласно третьей позиции сущность уголовной ответственности состоит в отрицательной оценке, порицании виновного за совершение преступления. При этом авторы, придерживающиеся данной точки зрения, выделяют в понятии уголовной ответственности ее содержание, форму и сущность[3].

Сторонники четвертого направления рассматривают уголовную ответственность в позитивном аспекте как ответственность, лежащую в основе правомерного поведения и состоящую в осознании субъектом установленной обязанности не совершать деяний, запрещенных уголовным законом[4]. Норма права при этом выступает как основание, модель поведения, а его реализация и порождает позитивную ответственность[5]. В литературе делаются также попытки объединения нескольких позиций по вопросу о понятии и содержании ответственности в единую. К примеру, В. И. Омигов и С. А. Исимов полагают, что «уголовная ответственность — это установленная законом мера должного поведения, соответствующая охранительной стороне социальных ролей участников общественных отношений, проявляющаяся в совокупности обязанностей не совершать преступление и реализующаяся в форме добровольного соблюдения данных обязанностей, а в случае их виновного нарушения — посредством принудительного воздействия со стороны государства»[6].

Последний подход к определению содержания уголовной ответственности в последнее время приобрел достаточное число сторонников. Но он же, с нашей точки зрения, чрезмерно расширяет границы рассматриваемой категории. В связи с этим представляется абсолютно верной мысль В. А. Номоконова о том, что необходимо различать такие понятия, как «уголовная ответственность» и «ответственность в уголовном праве», соотносящиеся между собой как общее и частное[7].

---

[1] Тарбагаев А. Н. Ответственность в уголовном праве. Красноярск, 1994. С. 5.

[2] Астемиров 3. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970. С. 10.

[3] Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности: Дис ... докт. юрид. наук. М., 1995. С. 23.

[4] Елеонский В. А. Уголовная ответственность и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1977. С. 27.

[5] Носкова Е. Н. Позитивная юридическая ответственность. Тольятти, 2003. С. 49—50.

[6] Омигов В. И., Исимов С. А. Уголовное право. Т. 1. Общая часть. Курс лекций. Пермь, 2001. С. 53.

[7] Полный курс уголовного права: в 5 т. / Под ред. А. И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 519.

Вероятно, все изложенные выше позиции заслуживают внимания, поскольку в той или иной мере отражают присущие уголовной ответственности свойства. Но при этом важно, как справедливо отметил А. В. Наумов, «правильно определить целевую направленность таких подходов и сферу их практического применения»[1].

Ответственность, т. е. «необходимость, обязанность отвечать за свои действия, поступки, быть ответственным за них»[2], можно рассматривать, как это принято в философской литературе, в активном (ответственность за будущее поведение) и ретроспективном (ответственность за совершенные поступки) планах. В первом значении понятие ответственности чаще всего используется в моральном, этическом аспекте, где под ответственностью понимается внутреннее регулирование поведения человека, основанное на его воспитании, воспринятых нормах нравственности, понятии должного. Именно из этих позиций, думается, исходят сторонники позитивистского подхода к вопросам уголовной ответственности. Однако сфера применения такого подхода лежит вне совершения преступления и поэтому вряд ли может быть воспринята в полном объеме с позиций уголовного права. В соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Уголовная ответственность может возникнуть и быть реализована только в рамках уголовно-правовых отношений, которые возникают лишь с момента совершения преступления. Следовательно, до наступления необходимого для уголовно-правовых отношений юридического факта, т. е. до совершения преступления, основания ответственности и сама ответственность отсутствуют, что не позволяет отнести к уголовной ответственности осознание индивидом обязанности не совершать преступления.

Уголовная ответственность подразделяется на наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые только в рамках ее реализации.

Поскольку уголовная ответственность включает в себя две вышеуказанные составляющие, можно выделить два ее вида: с назначением наказания и без назначения наказания. Так, основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания предусмотрены разными главами (11 и 12) УК РФ. Это означает, что уголовная ответственность может иметь место и без наказания, но наказание возможно только в условиях уголовной ответственности как ее составная часть. При назначении наказания уголовная ответственность состоит в порицании со стороны государства поведения виновного, что выражается в обвинительном приговоре и назначении наказания за совершенное преступление. В случае же обвинительного приговора без назначения наказания уголовная ответственность состоит только в порицании, осужде-

---

[1] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: Изд-во БЕК, 1996. С. 244.

[2] Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984. С. 401.

нии лица (согласно п. 5 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор постановляется: 1) с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным: 2) с назначением наказания и освобождением от его отбывания; 3) без назначения наказания).

Следует также отметить, что уголовная ответственность сопряжена и с мерами уголовно-процессуального принуждения, которые могут быть преобразованы в меры государственного принуждения в материально-правовом плане. Например, в соответствии с ч. 3 ст. 72 УК РФ время содержания лица под стражей до судебного разбирательства засчитывается в сроки лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части и ареста из расчета один день за один день, ограничения свободы — один день за два дня, исправительных работ и ограничения по военной службе — один день за три дня, а в срок обязательных работ — из расчета один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ.

Частью 4 этой же статьи УК РФ установлено, что время содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу и время отбытия лишения свободы, назначенного приговором суда за преступление, совершенное вне пределов Российской Федерации, в случае выдачи лица на основании ст. 13 УК РФ засчитываются из расчета один день за один день.

В ч. 5 ст. 72 УК РФ содержится положение, согласно которому при назначении осужденному, содержавшемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

Таким образом, меры уголовно-процессуального характера, призванные обеспечить предотвращение: сокрытия обвиняемого или подозреваемого от дознания, предварительного следствия или суда; продолжения преступной деятельности; угрозы свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства; уничтожения доказательств либо иного воспрепятствования производству по уголовному делу, — а также обеспечить исполнение при-

говора, в указанных выше случаях становятся составной частью уголовной ответственности.

При решении вопроса о содержании уголовной ответственности необходимо обратить внимание и еще на одно обстоятельство. В соответствии со ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. В связи с этим можно сказать, что наступление уголовной ответственности возможно именно с момента установления вины, которая согласно ст. 49 Конституции РФ определяется судом: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Таково общее правило. Однако законодательству известны и исключения, когда факт совершения лицом преступления признается не судом, а иными органами. Например, в соответствии со ст. 75 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. На основании ст. 28 У ПК РФ уголовное преследование в этом случае может прекратить суд, прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора, что влечет за собой и прекращение уголовного дела. Таким образом, освобождение от уголовной ответственности возможно, во-первых, в отношении лица, которое привлечено к ней в связи с совершением этим лицом преступления, и, во-вторых, это освобождение может быть реализовано и на досудебной стадии. Поэтому вряд ли можно говорить о том, что уголовная ответственность начинается только с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда. Здесь необходимо отметить, что прекращение уголовного преследования и уголовного дела по нереабилитирующим основаниям возможно только с согласия подозреваемого или обвиняемого, т. е. фактически при признании ими своей вины.

Однако в чем же тогда в подобных случаях выражается уголовная ответственность? Думается, в отрицательной морально-политической оценке государством и обществом совершенного деяния и лица, которое его совершило. Такая оценка прослежива-

ется уже в самом факте возбуждения против лица уголовного дела. Правда, эта оценка может быть и ошибочной. В этих случаях следует признать, что к уголовной ответственности лицо привлекалось неосновательно, а причиненный такому лицу ущерб подлежит возмещению.

Как видно из вышеизложенного, уголовная ответственность представляет собой сложный правовой институт. С ним связаны право и обязанность государства применить меры правового воздействия к лицу, совершившему преступление, и обязанность такого лица претерпеть негативные последствия, и реальное претерпевание этих последствий. Однако, поскольку речь идет именно об ответственности лица, совершившего преступление, в содержание л понятия уголовной ответственности права и обязанности государства не включаются.

Подводя итог, понятие уголовной ответственности можно определить как отрицательную оценку деяния и лица, его совершившего, со стороны общества и государства, а также претерпевание этим лицом негативных последствий в случае применения к нему уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера при освобождении от наказания. При этом в данном контексте под освобождением от наказания понимается освобождение от наказания, освобождение от отбывания наказания и освобождение от реального отбывания наказания.

С нашей точки зрения, близкую к высказанной позицию занимает и В. В. Мальцев, считающий, что «уголовная ответственность — это основанное на уголовном законе и определяемое совершенным преступлением ухудшение правового статуса лица, заключающееся в лишении или ограничении его прав и свобод, либо другое порицание виновного, выраженные в обвинительном приговоре суда»[1].

Уголовная ответственность может быть реализована в нескольких формах. Основной формой ее реализации является наказание. Но реализация уголовной ответственности возможна и без назначения наказания. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 92 УК РФ несовершеннолетний может быть освобожден от наказания с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия. Следующей формой реализации уголовной ответственности следует признать ответственность без реального отбывания

[1] Мальцев В. В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве. Волгоград, 2003. С. 52.

наказания, например условное осуждение (ст. 73 УК РФ), которое применяется в случае, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания. Предусмотрена законом и возможность реализации уголовной ответственностипри безусловном освобождении от наказания. Так, ст. 80-1 УК РФ установлено, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными. И наконец, еще одной формой реализации ответственности является освобождение от нее при наличии условий, указанных в законе. Но при этом деяние и лицо, его совершившее, получают отрицательную оценку, а освобождение осуществляется по нереабилитирующим основаниям. К примеру, ст. 76 УК РФ основанием освобождения лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, признает примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного вреда.

Таким образом, уголовная ответственность является особой разновидностью юридической ответственности, представляет собой сложный юридический феномен, реализующийся в ряде форм, предусмотренных уголовным законом.

Вопрос об основании уголовной ответственности имеет не только уголовно-правовое, но и политическое, общегражданское звучание. Подход к решению этой проблемы во многом определяет уровень правового развития государства, гарантированность прав и свобод человека и гражданина.

ПОНЯТИЕ СОСТОЯНИЯ СИЛЬНОГО ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ (АФФЕКТА). АФФЕКТ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Гарунова З.
Ст-ка 5 курса ДО

Таилова А.Г.
Науч. руков. к.ю.н.

В словаре русского языка "аффект" определяется как состояние сильного возбуждения и потери самоконтроля.[1]

В психологии аффект (от лат. affectus – душевное волнение, страсть) понимается как сильное и относительно кратковременное состояние, связанное с резким изменением важных для субъекта жизненных обстоятельств и сопровождаемое резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в функциях внутренних органов.[2]

В отличие от физиологического (эмоционального) стресса (от англ. «Stress”- напряжение, термин введен впервые Гансом Селье в 1936 г.), аффект сопровождается таким чрезмерным нервно-психическим перевозбуждением, которое приводит к временной дезорганизации сознания и крайней активизации импульсивных действий. В стрессе проявляются максимальные адаптационные возможности индивида. Стресс – необходим для жизни, аффект – опасен для нее. Особенно показательны в этом плане опыты И.П. Павлова. Ученый в опытах на собаках вырабатывал положительный условный рефлекс на 100 ударов метранома и отрицательный на 108 ударов. Если же предъявлялось 104 удара, у собаки начиналась “аффективная” реакция с резко выраженным двигательным возбуждением, яростью, стремлением убежать из комнаты.

По словам академика И. Павлова, аффект, как агрессивная эмоциональная вспышка, охватывает всего человека. Служебная роль его состоит в том, что он мобилизует все силы человека для преодоления неприятностей и эмоциональной разрядки, чтобы

---

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Наука, 1999. – С. 38.

[2] Психологический словарь / Под ред. М.И. Зарницкого. – М.: Наука, 2005. – С. 28.

обрести оптимальное состояние. Исходя из роли аффекта, нацеленного на выполнение физиологических перегрузок, в кровь поступает значительное количество адреналина и других "горячих" материалов. Их пополнение идет за счет усиления деятельности желудочно-кишечного тракта, в который органы секреции выбрасывают дополнительные порции ферментов. Это обеспечивает прибавку в физической силе человека, который в момент переживания аффекта в состоянии сделать мощное физическое усилие, невозможное в обычном состоянии. Торможение при аффекте коры головного мозга ведет к ряду психических сдвигов – нарушается внимание. Оно приковывается лишь к тому, что вызвало аффект.[1] Другие раздражители не воспринимаются.

Так, Е. убила своего мужа ударом по голове утюгом, сорванным с горячей конфорки плиты. При этом она сильно обожгла пальцы и ладонь, но в тот момент боли не почувствовала[2]. Выключение в значительной степени коры головного мозга ведет к совершению стереотипных действий, например, к нанесению одинаковых ударов, к выкрикиванию одних и тех же слов. Орудием преступления становятся предметы, которые попадаются под "горячую руку". Виновные в момент совершения преступления не слушают слов других лиц и не замечают их действий.

Психологи, говоря о «физиологическом» аффекте, рассматривают его как разновидность эмоций. Понимание аффекта в уголовном праве несколько иное: это не внешне – эмоциональная реакция на воздействие, а внутреннее (душевное) состояние лица.

В отличие от эмоций в их обычном течении (гнева, страха, мести и т.д.), аффект характеризуется экзальтированностью, всеохватностью и подавляющим действием на психику человека, что искажает отражательные и контрольные функции.

Аффект лишает человека обычной рассудительности и воли. Он является противоположностью спокойствия духа, обозначает

---

[1] Енгалычев В.Ф., Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза. Методическое пособие. 2007.с. 89.

[2] Бюллетень Верховного суда РФ за 2007 г. № 9. С. 17. Определение № 19-007- 34 . Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2007 года по уголовным делам (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 15 января 2008 г.)

всякую вызванную чувством приостановку или затруднение в обыкновенном, нормальном течении представлений.

Считается, что аффект возникает в ответ на уже произошедшее событие, а в его основе лежит переживаемое человеком состояние внутреннего конфликта. В психологической литературе отмечается, что аффект развивается в критических условиях при неспособности субъекта найти адекватный выход из опасных, чаще всего неожиданно сложившихся ситуаций.

Поводами аффекта могут выступать самые разнообразные обстоятельства, под влиянием которых внезапно меняется психическое, душевное состояние человека. Субъект переживаемого аффекта может испытывать чувства от приятных – неприятных до ошеломляющих, оказывающих сильнейшие воздействие, причиняющих, например, паралич и даже смерть.

Особенностью состояния аффекта является то, что происходит сужение сознания. Внимание субъекта целиком поглощается породившими аффект обстоятельствами и навязанными ими действиями. "Нарушения сознания могут привести к неспособности впоследствии вспомнить отдельные эпизоды вызвавшего этот аффект события, а в случае исключительно сильного аффекта – завершиться потерей сознания и полной амнезией".[1] Аффект всегда сопровождается выраженными двигательными и вегетативными проявлениями: изменениями в движениях, речи, внешнем виде и т.д. Как правило, аффект возникает в неожиданных стрессовых ситуациях как "аварийный" способ реагирования. Главное в характеристике аффекта то, что он наступает внезапно, стремительно и быстро овладевает психикой человека.[2]

По своей природе аффект бывает физиологическим и патологическим. Патологический аффект исключает вменяемость, а значит, и уголовную ответственность, так как человек во время патологического аффекта не осознает, что он делает. При совершении деяния в состоянии физиологического аффекта сознание резко "суживается", но не "отключается" совсем[3].

---

[1] Психологический словарь / Под ред. М.И. Зарницкого. – М.: Наука, 2005. – С. 32.

[2] Кони А.Ф. На жизненном пути. СПб., 2007.с.89.

[3] Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 2004.с. 27

Поэтому уголовная ответственность в таких случаях не исключается, но физиологический аффект, если он был вызван противоправным или аморальным поведением потерпевшего, обязательно учитывается уголовным законом или как обстоятельство, смягчающее ответственность, или как обстоятельство, смягчающее наказание.

Аффект необходимо отличать от фрустрации. Фрустрация – это сложное мотивационно-эмоциональное состояние, являющееся результатом продолжительного блокирования целенаправленного поведения. Возникает она в тех случаях, когда человек в своей жизни сталкивается с препятствиями, которые воспринимаются им как непреодолимые. Иногда фрустрацию называют "аффектом неадекватности", поскольку длительное состояние фрустрации приводит к формированию и закреплению отрицательных черт характера, таких как обидчивость, подозрительность, раздражительность, склонность к негативизму и агрессивным реакциям[1].

Имеются отличия между аффектом и трансом: аффект вызывается ситуационными факторами, а транс – болезненными изменениями психики. В состоянии транса человек может совершать какие-либо действия, которые он не помнит. Кроме того, аффект – это внешне очень бурно протекающая реакция, заканчивающаяся психическим и физическим истощением. В состоянии транса человек внешне может выглядеть спокойным, но совершать неадекватные ситуации действия, вызванные психическими расстройствами. Общее между ними то, что и в состоянии аффекта, и в состоянии транса нарушается сознательный волевой контроль поведения[2].

Аффект необходимо отличать от эмоционального возбуждения, или напряжения, сопровождающегося изменениями волевой и интеллектуальной сфер. Под ним понимаются изменения сознания и воли, не достигшие состояния физиологического аффекта. Состояние аффекта не относится к состоянию невменяемости, так как действия при аффекте хотя и импульсивны, но не случайны. Будет совершено преступление в состоянии аффекта или нет,

---

[1] Кэрол Э. Изард. Психология эмоций. СПб., 2009.с. 65.

[2] Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза. М., 2009.с.23.

зависит, в конечном счете, от морально-нравственных, волевых и иных жизненно важных установок личности. В каких-то ситуациях человек готов контролировать свои импульсы, а в каких-то по собственной воле становится их "пленником"[1].

Нельзя признать состояние аффекта и психическим расстройством, не исключающим вменяемости, в смысле ст. 22 УК РФ, т. е. ограниченной, уменьшенной вменяемостью. Основаниями аффекта являются внешний раздражитель и психоэмоциональное состояние человека, в то время как ограниченная вменяемость вызывается исключительно его психическими аномалиями. Не исключено, что преступление в состоянии аффекта может совершить лицо с ограниченной вменяемостью. Однако это не повлияет на квалификацию содеянного как преступления, совершенного в состоянии аффекта. Состояние же психического расстройства будет учитываться при назначении наказания[2].

При аффекте происходят нарушения не только эмоциональной сферы, но также сознания и воли, изучение которых – прерогатива психиатрии. В силу этого аффект предлагается рассматривать не только как психологическое понятие, но и как понятие психиатрическое, так как ему присущи определенные психические аномалии, такие как неадекватность реакции, искажение оценки происходящего, необходимость использования специальных познаний для его установления. Поэтому следует в случае необходимости назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу[3].

Традиционно на протяжении нескольких десятилетий состоянию сильного душевного волнения в психологии соответствовали термины "эмоции" (в узком смысле этого слова) и "аффект".

Рассматривая аффект как родовое психологическое понятие, выделяют, кроме того, эмоциональные состояния, феноменологически не носящие характера аффекта, но тем не менее суще-

---

[1] Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. МГУ. 2000. С. 67.

[2] Конышева Л.П., Коченов М.М. Использование следователем психологических познаний по делам об изнасиловании несовершеннолетних. М., 2006.с. 78.

[3] Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. МГУ. 1999.с.54.

ственно ограничивающие "свободу воли" обвиняемого при совершении преступления[1].

В практике судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы их квалифицируют как "эмоциональные состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение". Протекание эмоционального возбуждения и напряжения характеризуется прежде всего длительной кумуляцией эмоций ввиду личностных и ситуационных особенностей. По своей интенсивности состояния эмоционального напряжения и эмоционального возбуждения не являются физиологическим аффектом. Однако практика применения ст. 107 УК РФ показывает, что убийства, совершенные в состоянии эмоционального возбуждения или напряжения, расцениваются как совершенные в состоянии аффекта (в уголовно-правовом смысле).[2]

Президиум Верховного Суда РФ, изменяя приговор по делу К., совершившей убийство с особой жестокостью Г. путем нанесения ему 78 колото-резаных ран в ответ на противоправные действия последнего, и переквалифицируя ее действия на ч. 1 ст. 107 УК РФ, обратил внимание на то, что "указание экспертов о том, что состояние К. не носило характера "физиологического аффекта" (К. находилась в состоянии эмоционального напряжения), не может в конкретном случае повлиять на объективную правовую оценку состояния осужденной в момент преступления, учитывая при этом характер поведения потерпевшего, внезапность реализации умысла на убийство"[3].

По своей психологической структуре аффект является сложным психическим процессом. Аффект – «стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характе-

---

[1] Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 2. М., 2003.с.123. Лурия А.Р. Психология в определении следов преступления. М. 2000.с.62.

[2] Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 114.

[3] Определение № 11-009-04 . по делу К. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2009 года по уголовным делам . Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. N 4. С. 11; .

ра, который может дать неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии».[1]

С точки зрения А.А. Ухтомского, физиологической основой аффекта является возникновение в коре головного мозга доминантного очага возбуждения. Обладая повышенной возбудимостью и способностью к суммированию возбуждений, доминантный очаг оказывает тормозящее влияние на другие отделы коры головного мозга, «привлекает» к себе возбуждение из других очагов, усиливаясь за их счет. Этот «главный очаг возбуждения в центральной нервной системе», являясь временно господствующей рефлекторной системой, которая направляет работу нервных центров в данный момент, определяет специфику поведения человека в этот период времени[2].

Однако в большинстве случаев неверно считать, что в состоянии аффекта человек совершенно не понимает и не сознает того, что делает. Своеобразие действий, совершенных под влиянием аффекта, заключается не в полной бессознательности их, а в том, что отсутствует достаточно ясное осознание цели действия, а также затрудняется сознательный контроль за своим поведением.

Следы каждого пережитого аффекта длительное время сохраняются в психике человека в виде «аффективных комплексов», обнаруживая две противоположные тенденции – к торможению и к навязчивости, которые можно проследить, используя классический ассоциативный эксперимент.

---

[1] Алексеева Л.П. Проблема юридически значимых эмоциональных состояний. Тюмень, 2007.с. 23. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М., 2003. С.98.

[2] Юридическая психология. Хрестоматия. Составители: В.В. Романов, Е.В. Романова. М., 2007с.123.

ПОНЯТИЕ СОСТОЯНИЯ СИЛЬНОГО ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ (АФФЕКТА). АФФЕКТ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Гарунова З.
Ст-ка 5 курса ДО

Таилова А.Г.
Науч. руков. к.ю.н.

В словаре русского языка "аффект" определяется как состояние сильного возбуждения и потери самоконтроля.[1]

В психологии аффект (от лат. affectus – душевное волнение, страсть) понимается как сильное и относительно кратковременное состояние, связанное с резким изменением важных для субъекта жизненных обстоятельств и сопровождаемое резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в функциях внутренних органов.[2]

В отличие от физиологического (эмоционального) стресса (от англ. «Stress”- напряжение, термин введен впервые Гансом Селье в 1936 г.), аффект сопровождается таким чрезмерным нервно-психическим перевозбуждением, которое приводит к временной дезорганизации сознания и крайней активизации импульсивных действий. В стрессе проявляются максимальные адаптационные возможности индивида. Стресс – необходим для жизни, аффект – опасен для нее. Особенно показательны в этом плане опыты И.П. Павлова. Ученый в опытах на собаках вырабатывал положительный условный рефлекс на 100 ударов метранома и отрицательный на 108 ударов. Если же предъявлялось 104 удара, у собаки начиналась “аффективная” реакция с резко выраженным двигательным возбуждением, яростью, стремлением убежать из комнаты.

По словам академика И. Павлова, аффект, как агрессивная эмоциональная вспышка, охватывает всего человека. Служебная роль его состоит в том, что он мобилизует все силы человека для преодоления неприятностей и эмоциональной разрядки, чтобы

---

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Наука, 1999. – С. 38.

[2] Психологический словарь / Под ред. М.И. Зарницкого. – М.: Наука, 2005. – С. 28.

обрести оптимальное состояние. Исходя из роли аффекта, нацеленного на выполнение физиологических перегрузок, в кровь поступает значительное количество адреналина и других "горячих" материалов. Их пополнение идет за счет усиления деятельности желудочно-кишечного тракта, в который органы секреции выбрасывают дополнительные порции ферментов. Это обеспечивает прибавку в физической силе человека, который в момент переживания аффекта в состоянии сделать мощное физическое усилие, невозможное в обычном состоянии. Торможение при аффекте коры головного мозга ведет к ряду психических сдвигов – нарушается внимание. Оно приковывается лишь к тому, что вызвало аффект.[1] Другие раздражители не воспринимаются.

Так, Е. убила своего мужа ударом по голове утюгом, сорванным с горячей конфорки плиты. При этом она сильно обожгла пальцы и ладонь, но в тот момент боли не почувствовала[2]. Выключение в значительной степени коры головного мозга ведет к совершению стереотипных действий, например, к нанесению одинаковых ударов, к выкрикиванию одних и тех же слов. Орудием преступления становятся предметы, которые попадаются под "горячую руку". Виновные в момент совершения преступления не слушают слов других лиц и не замечают их действий.

Психологи, говоря о «физиологическом» аффекте, рассматривают его как разновидность эмоций. Понимание аффекта в уголовном праве несколько иное: это не внешне – эмоциональная реакция на воздействие, а внутреннее (душевное) состояние лица.

В отличие от эмоций в их обычном течении (гнева, страха, мести и т.д.), аффект характеризуется экзальтированностью, всеохватностью и подавляющим действием на психику человека, что искажает отражательные и контрольные функции.

Аффект лишает человека обычной рассудительности и воли. Он является противоположностью спокойствия духа, обозначает

---

[1] Енгалычев В.Ф., Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза. Методическое пособие. 2007.с. 89.

[2] Бюллетень Верховного суда РФ за 2007 г. № 9. С. 17. Определение № 19-007- 34 . Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2007 года по уголовным делам (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 15 января 2008 г.)

всякую вызванную чувством приостановку или затруднение в обыкновенном, нормальном течении представлений.

Считается, что аффект возникает в ответ на уже произошедшее событие, а в его основе лежит переживаемое человеком состояние внутреннего конфликта. В психологической литературе отмечается, что аффект развивается в критических условиях при неспособности субъекта найти адекватный выход из опасных, чаще всего неожиданно сложившихся ситуаций.

Поводами аффекта могут выступать самые разнообразные обстоятельства, под влиянием которых внезапно меняется психическое, душевное состояние человека. Субъект переживаемого аффекта может испытывать чувства от приятных – неприятных до ошеломляющих, оказывающих сильнейшие воздействие, причиняющих, например, паралич и даже смерть.

Особенностью состояния аффекта является то, что происходит сужение сознания. Внимание субъекта целиком поглощается породившими аффект обстоятельствами и навязанными ими действиями. "Нарушения сознания могут привести к неспособности впоследствии вспомнить отдельные эпизоды вызвавшего этот аффект события, а в случае исключительно сильного аффекта – завершиться потерей сознания и полной амнезией".[1] Аффект всегда сопровождается выраженными двигательными и вегетативными проявлениями: изменениями в движениях, речи, внешнем виде и т.д. Как правило, аффект возникает в неожиданных стрессовых ситуациях как "аварийный" способ реагирования. Главное в характеристике аффекта то, что он наступает внезапно, стремительно и быстро овладевает психикой человека.[2]

По своей природе аффект бывает физиологическим и патологическим. Патологический аффект исключает вменяемость, а значит, и уголовную ответственность, так как человек во время патологического аффекта не осознает, что он делает. При совершении деяния в состоянии физиологического аффекта сознание резко "суживается", но не "отключается" совсем[3].

---

[1] Психологический словарь / Под ред. М.И. Зарницкого. – М.: Наука, 2005. – С. 32.

[2] Кони А.Ф. На жизненном пути. СПб., 2007.с.89.

[3] Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 2004.с. 27

Поэтому уголовная ответственность в таких случаях не исключается, но физиологический аффект, если он был вызван противоправным или аморальным поведением потерпевшего, обязательно учитывается уголовным законом или как обстоятельство, смягчающее ответственность, или как обстоятельство, смягчающее наказание.

Аффект необходимо отличать от фрустрации. Фрустрация – это сложное мотивационно-эмоциональное состояние, являющееся результатом продолжительного блокирования целенаправленного поведения. Возникает она в тех случаях, когда человек в своей жизни сталкивается с препятствиями, которые воспринимаются им как непреодолимые. Иногда фрустрацию называют "аффектом неадекватности", поскольку длительное состояние фрустрации приводит к формированию и закреплению отрицательных черт характера, таких как обидчивость, подозрительность, раздражительность, склонность к негативизму и агрессивным реакциям[1].

Имеются отличия между аффектом и трансом: аффект вызывается ситуационными факторами, а транс – болезненными изменениями психики. В состоянии транса человек может совершать какие-либо действия, которые он не помнит. Кроме того, аффект – это внешне очень бурно протекающая реакция, заканчивающаяся психическим и физическим истощением. В состоянии транса человек внешне может выглядеть спокойным, но совершать неадекватные ситуации действия, вызванные психическими расстройствами. Общее между ними то, что и в состоянии аффекта, и в состоянии транса нарушается сознательный волевой контроль поведения[2].

Аффект необходимо отличать от эмоционального возбуждения, или напряжения, сопровождающегося изменениями волевой и интеллектуальной сфер. Под ним понимаются изменения сознания и воли, не достигшие состояния физиологического аффекта. Состояние аффекта не относится к состоянию невменяемости, так как действия при аффекте хотя и импульсивны, но не случайны. Будет совершено преступление в состоянии аффекта или нет,

---

[1] Кэрол Э. Изард. Психология эмоций. СПб., 2009.с. 65.

[2] Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза. М., 2009.с.23.

зависит, в конечном счете, от морально-нравственных, волевых и иных жизненно важных установок личности. В каких-то ситуациях человек готов контролировать свои импульсы, а в каких-то по собственной воле становится их "пленником"[1].

Нельзя признать состояние аффекта и психическим расстройством, не исключающим вменяемости, в смысле ст. 22 УК РФ, т. е. ограниченной, уменьшенной вменяемостью. Основаниями аффекта являются внешний раздражитель и психоэмоциональное состояние человека, в то время как ограниченная вменяемость вызывается исключительно его психическими аномалиями. Не исключено, что преступление в состоянии аффекта может совершить лицо с ограниченной вменяемостью. Однако это не повлияет на квалификацию содеянного как преступления, совершенного в состоянии аффекта. Состояние же психического расстройства будет учитываться при назначении наказания[2].

При аффекте происходят нарушения не только эмоциональной сферы, но также сознания и воли, изучение которых – прерогатива психиатрии. В силу этого аффект предлагается рассматривать не только как психологическое понятие, но и как понятие психиатрическое, так как ему присущи определенные психические аномалии, такие как неадекватность реакции, искажение оценки происходящего, необходимость использования специальных познаний для его установления. Поэтому следует в случае необходимости назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу[3].

Традиционно на протяжении нескольких десятилетий состоянию сильного душевного волнения в психологии соответствовали термины "эмоции" (в узком смысле этого слова) и "аффект".

Рассматривая аффект как родовое психологическое понятие, выделяют, кроме того, эмоциональные состояния, феноменологически не носящие характера аффекта, но тем не менее суще-

---

[1] Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. МГУ. 2000. С. 67.

[2] Конышева Л.П., Коченов М.М. Использование следователем психологических познаний по делам об изнасиловании несовершеннолетних. М., 2006.с. 78.

[3] Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. МГУ. 1999.с.54.

ственно ограничивающие "свободу воли" обвиняемого при совершении преступления[1].

В практике судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы их квалифицируют как "эмоциональные состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение". Протекание эмоционального возбуждения и напряжения характеризуется прежде всего длительной кумуляцией эмоций ввиду личностных и ситуационных особенностей. По своей интенсивности состояния эмоционального напряжения и эмоционального возбуждения не являются физиологическим аффектом. Однако практика применения ст. 107 УК РФ показывает, что убийства, совершенные в состоянии эмоционального возбуждения или напряжения, расцениваются как совершенные в состоянии аффекта (в уголовно-правовом смысле).[2]

Президиум Верховного Суда РФ, изменяя приговор по делу К., совершившей убийство с особой жестокостью Г. путем нанесения ему 78 колото-резаных ран в ответ на противоправные действия последнего, и переквалифицируя ее действия на ч. 1 ст. 107 УК РФ, обратил внимание на то, что "указание экспертов о том, что состояние К. не носило характера "физиологического аффекта" (К. находилась в состоянии эмоционального напряжения), не может в конкретном случае повлиять на объективную правовую оценку состояния осужденной в момент преступления, учитывая при этом характер поведения потерпевшего, внезапность реализации умысла на убийство"[3].

По своей психологической структуре аффект является сложным психическим процессом. Аффект – «стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характе-

---

[1] Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 2. М., 2003.с.123. Лурия А.Р. Психология в определении следов преступления. М. 2000.с.62.

[2] Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 114.

[3] Определение № 11-009-04 . по делу К. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2009 года по уголовным делам . Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. N 4. С. 11; .

ра, который может дать неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии».[1]

С точки зрения А.А. Ухтомского, физиологической основой аффекта является возникновение в коре головного мозга доминантного очага возбуждения. Обладая повышенной возбудимостью и способностью к суммированию возбуждений, доминантный очаг оказывает тормозящее влияние на другие отделы коры головного мозга, «привлекает» к себе возбуждение из других очагов, усиливаясь за их счет. Этот «главный очаг возбуждения в центральной нервной системе», являясь временно господствующей рефлекторной системой, которая направляет работу нервных центров в данный момент, определяет специфику поведения человека в этот период времени[2].

Однако в большинстве случаев неверно считать, что в состоянии аффекта человек совершенно не понимает и не сознает того, что делает. Своеобразие действий, совершенных под влиянием аффекта, заключается не в полной бессознательности их, а в том, что отсутствует достаточно ясное осознание цели действия, а также затрудняется сознательный контроль за своим поведением.

Следы каждого пережитого аффекта длительное время сохраняются в психике человека в виде «аффективных комплексов», обнаруживая две противоположные тенденции – к торможению и к навязчивости, которые можно проследить, используя классический ассоциативный эксперимент.

---

[1] Алексеева Л.П. Проблема юридически значимых эмоциональных состояний. Тюмень, 2007.с. 23. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М., 2003. С.98.

[2] Юридическая психология. Хрестоматия. Составители: В.В. Романов, Е.В. Романова. М., 2007с.123.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ОБЪЕКТУ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА.

Гаджимурадова Н.
Ст. 3 курса Д.О. юридического факультета ИФ ДГУ

Таилова А.Г.
Науч. руков. к.ю.н

Еще со времен римского права считалось, что это одна из важнейших характеристик, позволяющая различать среди деяний преступления публичного и частного характера и преследовать первые в порядке уголовного, а вторые — гражданского судопроизводства. Сохранив в последующем в какой-то степени свой исходный смысл, предполагающий обособление группы преступлений, преследуемых только по жалобе потерпевшего (дела частного обвинения), данная классификация получила широкое распространение в научной литературе и в законодательстве ряда государств. Другое дело, что нередко ученые с направленностью преступных посягательств считали возможным связывать вычленение большего числа основных групп преступлений. Так, в известном труде Ч. Беккариа с учетом данного признака они объединялись не в две, а в три разновидности: некоторые преступления, считал он, разрушают само общество или вызывают гибель того, кто является его представителем, другие нарушают личную безопасность граждан, посягая на их жизнь, имущество и честь, третьи противоречат тому, что ввиду общественного спокойствия и блага закон предписывает каждому гражданину делать или не делать[1]. Сходное, трехчленное деление преступлений позднее получило широкое распространение и в отечественной литературе, в связи с чем вычленялись, например, преступления против интересов государства, преступления против интересов общества и преступления против частногражданских интересов.

Помимо указанных двух наиболее часто встречающихся подходов в истории развития уголовно-правовой мысли можно обнаружить и менее представительные по числу сторонников точки зрения на этот счет, в соответствии с которыми назывались преступления государственные, преступления общественные, преступления семейственные, преступления против прав отдельных лиц, как физических, так и юридических, заключающиеся в преступлениях против личности и имущества. Упуская из виду требование единства основания деления, иногда преступления делились на пять групп: "преступления против прав отдельных лиц", "преступления против половой нравственности и семейства", "преступления против общества", "преступления против государства", "преступления против религии и церкви"[2]. Имелись сторонники (Ж-П. Марат) и восьмиразрядной классификации, которые по целевой направленности предлагали, в частности, выделять преступление ведущие к гибели государства, наносящие вред законной власти, посягающие на личную безопасность, на нравственность, затрагивающие честь отдельного человека, подрывающие общественное спокойствие, деликты против религии и другие. Укажем также и на позицию отдельных авторов, выступающих за необходимость выделения еще большего числа видов преступных посягательств: по мнению П. П. Пусторослева, преступления и проступки против безопасности государства составляют одну группу; против неприкосновенности законного авто-

---

[1] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1990. С. 228.
[2] Бернер А. Учебник уголовного права. Т. 2. СПб., 1991. С. 4.

ритета или законного господства правительственной власти — другую; против доброкачественности исполнения государственной или общественной службы — третью; против доброкачественности денежных знаков — четвертую; против неприкосновенности веры или религии человека — пятую; против неприкосновенности правового состояния личности — шестую; против жизни — седьмую; против телесной неприкосновенности — восьмую; против половой неприкосновенности — девятую; против свободы — десятую; против чести — одиннадцатую; против имущества — двенадцатую и т.д.[1]

К сожалению, в советской юридической литературе данный период развития учения об объекте преступления всегда воспринимался и анализировался исключительно сквозь призму интересов классовой борьбы, по схеме, в – соответствии с которой вычленялись три основных этапа формирования буржуазного общества, а стало быть, и три этапа в развитии концепций объекта преступления: с первым увязывалось возникновение концепции, отражающей интересы борьбы буржуазии с феодализмом и противопоставляющей личность и общество; после прихода к власти буржуазии предполагалось начало второго этапа, характеризующегося появлением у государства потребности в создании теории объекта преступления, способной решать задачи маскировки классового содержания буржуазного уголовного закона; целью третьего этапа разработки проблемы объекта преступления объявлялось теоретическое обоснование применения насилия со стороны господствующего класса[2].

По истечении почти ста лет нет необходимости в оценке обоснованности аргументов, которые в начале XX в. приводились в пользу того или иного взгляда на решение вопроса учения об объекте преступления. Означает ли это, что все вышеизложенные представления в настоящее время уже потеряли свою актуальность? Думается, что нет. Как бы мы ни воспринимали уровень знаний об объекте преступления, имевших место в тот период, нельзя не считаться с тем, что всякая теория в своем развитии проходит какие-то этапы, каждый из которых основывается на предшествующем. Конечно, научное осмысление действительности способно развиваться как эволюционным, так и революционным путем. Но в любом случае никакая концепция не возникает вдруг. К сожалению, с некоторых пор досоциалистический период развития отечественного уголовного права для правоведов был предметом критики, осуществляемой не по научным, а исключительно по идеологическим соображениям, в силу чего создавалось обманчивое впечатление, что со сменой политических ориентиров понятие объекта можно создать с чистого листа. Между тем так ли уж существенно отличаются высказанные в со-

---

[1] Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Особенная часть. М., 1980. С. 10.

[2] Курс советского уголовного права. В 6 т. Часть Общая. Т. 2. Преступление. М., 1991. С. 126—130.

ветской и постсоветской юридической литературе воззрения на объект преступления от тех, которые были изложены выше? Нашла ли уголовно-правовая наука ответы на вопросы, которые возникли еще в начале XX в., в том числе по поводу того, какова в процессе совершения посягательства роль общественных отношений и тех, кому причиняется или создается угроза причинения вреда; должны ли сообразовываться представления об объекте с понятием преступления, либо, наоборот, понятие преступления должно основываться на такого рода представлениях; сколько — один или несколько — объектов должно выделяться в отдельном преступлении; как соотносится объект преступления с предметом преступления, с одной стороны, и объектом уголовно-правовой охраны — с другой, и т. д.?

Каждое преступление имеет ряд общих признаков с другими преступлениями. Трудности при квалификации главным образом и объясняются этим обстоятельством. Для того чтобы правильно квалифицировать преступление, необходимо очень метке представлять себе разграничительные линии между ними и смежными преступлениями. Устанавливая свойственные данному деянию признаки, отбрасывая те признаки, которые ему не присущи, постепенно углубляя анализ и правовой нормы, и фактических обстоятельств содеянного, мы приходим к единственной совокупности признаков, характеризующих данное преступление и отличающих его от других.

По сути дела, весь процесс квалификации состоит в последовательном отграничении каждого признака совершенного деяния от признаков других, смежных преступлений. Можно сказать, что разграничение преступлений есть обратная сторона квалификации.

При изучении курса Особенной части уголовного права разграничению преступлений уделяется большое внимание. Правда, при этом обычно разграничиваются два-три смежных состава, реже — преступления, входящие в одну главу Уголовного кодекса. Однако с точки зрения теории квалификации важно не столько разрешить отдельные спорные случаи разграничения преступлений, сколько установить общие правила для такого рода решений.

Необходимой для этого предпосылкой является выяснение характера внутренних взаимосвязей между нормами Особенной части УК.

Всегда ли эти нормы можно разграничивать по четким логическим основаниям? Представляют ли они собой взаимоисключающие или пересекающиеся логические классы? По какому числу признаков обычно различаются смежные составы? Ответы на все эти вопросы имеют не только теоретическое, но и практическое значение.

Анализ норм Особенной части приводит к выводу, что вся их совокупность не может рассматриваться как завершенная логическая система, построенная по одним и тем же правилам. Так как уголовное законодательство создавалось на протяжении длительного исторического периода и неоднократно изменялось, система норм Особенной части представляет собой довольно пеструю картину. Есть нормы, увязанные между собой в четкую систему. Разграничение между ними можно провести с достаточной точностью. Различие между другими нормами не является столь очевидным. Некоторые же нормы относятся к так называемым пересекающимся классам, и их признаки совпадают между собой, так что разграничение подчас становится невозможным.

Производя квалификацию по объекту преступления; мы сталкиваемся с рядом трудностей. В частности, объект преступления, как правило, недоступен для прямого восприятия. В отличие от других элементов преступления его подчас трудно установить и путем снятия показаний виновных лиц, свидетелей, потерпевших. Ведь нередко эти лица не имеют ясного представления, просто не понимают вопроса об объекте преступления обычно свидетели и другие допрашиваемые следователем, прокурором, судьей граждане дают показания других элементах преступления: каким способом, в какое время, в какой обстановке было совершено преступное посягательство, какой материальный ущерб был нанесен преступным поведением виновного лица. Определение объекта преступления в этих случаях происходит косвенно — путем установления и анализа других элементов преступления.

Процесс квалификации общественно опасного деяния по объекту предполагает выяснение следующих вопросов: какие общественные отношения пострадали или могли пострадать в ре-

зультат, совершенного деяния, какие уголовно-правовые нормы УК охраняют эти объекты. Это процесс предполагает также выбор из этих норм единственной уголовно-правовой нормы или совокупное этих норм.

Установление и определение объекта преступного посягательства — это только один из этапов уголовно-правовой квалификации. Как мы уже отмечали, квалификация означает нахождение, сопоставление и установление тождества всех элементов преступления и признаков состава преступления определенного вида.

Одним лишь решением вопроса об объекте преступления не может завершиться процесс уголовно-правовой квалификации. Объект преступления вообще не может быть единственным критерием квалификации и разграничения преступлений. Это вытекает уже из того, что любое преступление — это неразрывное единство всех его элементов и соответственно состав преступления предполагает также неразрывное единство — совокупность всех его признаков. Только учет всех этих признаков в совокупности может дать исчерпывающую правовую характеристику преступления. Нельзя согласиться с В. Н. Кудрявцевым, который допускает в отдельных случаях возможность разграничения преступлений только по объекту преступления. «В большинстве случаев, — пишет В. Н. Кудрявцев, — объект не является единственным разграничительным признаком преступления. Нередко различие в объектах двух преступлений связано с различием и других элементов»[1]. Более правильным было бы утверждение о том, что всегда, во всех случаях объект преступления не может быть единственным критерием для квалификации и разграничения преступлений.

НЕОСТОРОЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Магомедова Ш.
Ст-ка 2 курса ДО

Таилова А.Г.
Научный руководитель: к.ю.н.

Основания для самостоятельного рассмотрения неосторожной преступности содержатся не только в специфике субъективной стороны составляющих ее преступлений, но и в некоторых особенностях способа их совершения, в личностных качествах субъектов преступлений и потерпевших. Специфичны также

[1] В.Н. Кудрявцев. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. с. 159.

проблемы профилактики этих преступлений, уголовного преследования за них, и мер социализации.

Преступления, совершаемые по неосторожности, представляют собой часть общей преступности, самостоятельный элемент ее структуры. Как социально-правовое явление неосторожная преступность достаточно распространена и опасна.

В юридической литературе широко используются термины: неосторожная преступность, преступная неосторожность, неосторожные преступления. Употребление указанных терминов представляется правомерным. Закон же оперирует понятием: преступления, совершаемые но неосторожности, выдвигая тем самым указанное наименование в число приоритетных.

Содержание понятия «неосторожная преступность» зависит от состояния уголовного законодательства, от перечня предусмотренных в нем неосторожных преступлений и признаков, их характеризующих.

Преступную неосторожность составляет совокупность всех преступлений, совершаемых по неосторожности, имевших место в данном обществе (регионе) за определенный период.

В зависимости от сферы деятельности можно выделить четыре основные группы преступлений, совершаемых по неосторожности:

1) в быту (без использования технических средств);

2) в сфере взаимодействия человека с техникой;

3) в сфере профессиональной деятельности, не связанной с использованием управленческих функций или технических средств. Здесь имеются в виду преступления, связанные с ненадлежащим исполнением человеком своих профессиональных обязанностей, причиняющих вред обществу;

4) в сфере осуществления должностных (управленческих) функций.

Непрерывное и все более массовое соприкосновение людей с опасными механизмами, сложными технологиями и мощными источниками энергии увеличивает возможности неосторожного причинения смерти и телесных повреждений, нанесения ущерба материальным и духовным ценностям. В условиях научно-технической революции ежегодно растет число лиц, получающих профессии, связанные с источниками повышенной опасности

(шоферов, машинистов, составителей поездов, операторов, врачей и т.д.).

Так, например, начальник автоколонны С. разрешил водителю П. выезд на автомашине с неисправным освещением, изношенными покрышками, поврежденным кузовом и правым крылом. В пути следования П. превысил скорость, совершил неправильный обгон, не пропустив встречную машину, и столкнулся с ней на встречной полосе. В результате аварии шоферу встречной машины был причинен средней тяжести вред здоровью. Материальный ущерб составил 20 млн. руб.[1]

С другой стороны, в этих условиях небрежность и безответственность несовместимы с высокими требованиями гуманизма и нравственности, с утверждающимся демократическим образом жизни. Вот почему так актуальна вся проблематика, касающаяся распространения, характера, причин, форм проявления и мер предупреждения неосторожной преступности.

Среди всех неосторожных преступлений 84% составляют преступления, совершенные на транспорте, преимущественно автомобильном.

За 2006 г. В России произошло более 61 тыс. наездов, из них по вине пешеходов – почти 35 тыс. Это почти – 60%. В некоторых регионах пешеходы виноваты в 70% случаях. На территории РД – в 65% случаях.[2]

Официальная статистика фиксирует следующие нарушения правил пожарной безопасности, повлекших пожары в 2000-2012 гг. в стране (по удельному весу в общем числе пожаров): технологические причины — 1,2%; нарушения правил устройства и эксплуатации электрических печей и теплоустановок — 9,0; нарушение правил устройства и эксплуатации электрооборудования и бытовых электроприборов — 22,1; нарушение правил безопасности сварочных и огневых работ — 1,7: неосторожное обращение с огнем — 41,6; шалости детей с огнем — 9,3; неустановленные причины — 2,2%.[3]

Редки случаи профессиональной неосторожности, проявленной врачами и другими специалистами. В быту совершаются около 13 % преступлений (простые неосторожные убийства и телесные повреждения, поджоги, уничтожение или повреждение общественного имущества в немаловажных случаях, опасное нарушение санитарных правил). Производственные травмы составляют 0,6 %, выявленные – случаи бесхозяйственности — 0,3 % (при значительной латентности преступлений этого вида). Остальные несколько статей Уголовного кодекса, предусматри-

---

[1] Архив Избербашского городского суда. 2004г.

[2] Данные ГИАЦ МВД РД за 2000-2012 г.г. Официальный сайт МВД.

[3] Там же.

вающие ответственность при неосторожной вине, редко применяются на, практике.

Наиболее опасными по тяжести последствий и системе вероятности их наступления являются неосторожные преступления в сфере взаимодействия человека с техникой. Достаточно вспомнить трагические события на Чернобыльской АЭС, Башкирском газопроводе, катастрофы, крушения и аварии на автомобильном, железнодорожном, воздушном, морском и речном транспорте. Однако 75% преступлений, совершаемых по неосторожности, приходится на долю автомобильного транспорта; 10-15% составляют преступные нарушения правил охраны имущества, халатность; 4-6% — нарушения правил охраны труда и техники безопасности; 3-5% — неосторожные преступления против личности (убийства, телесные повреждения). Из года в год в общей структуре преступности неосторожные преступления составляют 12-13%. Причем неосторожные преступления в сфере взаимодействия человека с техникой фигурируют в статистике лишь в разделе «прочие преступления», что, безусловно, не позволяет учесть их реальную долю в общей структуре преступности. В последние годы обращает на себя внимание устойчивая тенденция к росту и распространенности преступлений, совершаемых по неосторожности.

Предупреждение неосторожных преступлений требует углубленного изучения причин и условий, порождающих эти преступления, и на этой основе разработки мер их профилактики. Следует иметь в виду, что достаточно эффективные меры предупреждения умышленных преступлений далеко не всегда могут быть действенными при профилактике неосторожной преступности вследствие ее специфики. Таким образом, хотя общие положения о причинах преступности и методологические принципы их выявления и изучения, выработанные криминологией, во многом могут быть отнесены и к неосторожной преступности, тем не менее очевидные особенности преступлений, совершаемых по неосторожности, требуют целенаправленной ориентации этих общих положений на учет специфики причин и условий именно конкретных преступлений.

В генезисе неосторожного преступления всегда лежит порожденная невнимательностью та или иная ошибка субъекта, в

результате которой наносится вред интересам общества, личности, охраняемым уголовным правом, создавшая реальную угрозу наступления вредных последствий. В данном случае речь идет, естественно, о виновных ошибках. Источником подобных ошибок являются дефекты взаимодействия субъекта с орудиями пли средствами деяния в определенной ситуации.

К сожалению, проблемы неосторожной преступности на фоне роста общеуголовной как бы отодвигаются на второй план, что чревато самыми негативными последствиями. Чем и обусловлен выбор темы дипломной работы.

Как говорилось, в самом общем виде механизм преступления представляет собой взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних процессов и состояний, направляющих и конкретизирующих исполнение этого решения. Этот механизм включает такие звенья, как возникновение мотивации к совершению преступления; планирование его; исполнение задуманного; наступление последствий. В неосторожном преступлении первых двух звеньев нет; ошибка субъекта происходит во время выполнения юридически правомерного (бытового или производственного) действия.

Обычно неосторожное причинение вреда является результатом противоречий между объективными требованиями ситуации, предъявляемыми к личности, и неадекватным субъективным восприятием личностью этой ситуации. Личность чаще всего оказывается несостоятельной по отношению к. требованиям сложной ситуации.

ВИДЫ ПРАВОВЫХ ПРИВИЛЕГИЙ В СФЕРЕ ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ.

Магомедов А.А.
– ст. преп. каф. юридических дисциплин
филиала ДГУ в г. Избербаше.

Правовая привилегия, состоящая в предоставлении субъектам права дополнительных гарантий реализации их полномочий как должностных лиц, является важной составной частью института личной неприкосновенности. Необходимость предоставле-

ния правовых привилегий в сфере личной неприкосновенности (специальной неприкосновенности) вызвана тем, что субъекты, обладающие такими привилегиями, в силу своего должностного положения подвержены большей опасности нарушения своей неприкосновенности, чем другие граждане.

Правовая привилегия в сфере личной неприкосновенности не расширяет объем этой неприкосновенности, а сокращает возможность ее ограничения, противостоит опасности ее недопустимого ограничения в связи с выполнением субъектом социально значимых функций.

Законодатель четко определяет состав субъектов и границы правовых привилегий в сфере личной неприкосновенности, поскольку они касаются одного из наиболее важных субъективных прав личности. Круг данных субъектов и состав привилегий достаточно многообразны, поэтому возникает потребность в их классификации.

В научной литературе уже предпринимались попытки проведения классификации в сфере неприкосновенности, но они, как правило, не касались классификации привилегий в данной сфере[1]. С учетом особенностей, характерных для той или иной служебной деятельности, как представляется, можно выделить следующие виды привилегий: привилегии личной неприкосновенности в дипломатической деятельности (дипломатическая неприкосновенность); привилегии личной неприкосновенности в системе органов государственной власти и местного самоуправления (неприкосновенность высших должностных лиц, депутатская неприкосновенность); привилегии личной неприкосновенности сотрудников правоохранительных органов и специальных служб

Дипломатическая неприкосновенность.

В настоящее время круг лиц, пользующихся такой неприкосновенностью (иммунитетом), определяется на основе взаимности Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г., Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г., многочисленными консульскими конвенциями с отдельными странами. В Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. дипломатические иммунитеты и привилегии подразделены на иммунитеты и привилегии дипломатического представительства и личные иммунитеты и привилегии членов дипломатического

[1] См., например: Стецовский ЮМ. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность. М., 2000; Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004.

персонала и их семей. Среди иммунитетов и привилегий второй категории особое место занимает личная неприкосновенность (ст. 29). Как общепризнано в доктрине международного права, личная неприкосновенность является самым главным иммунитетом, из которого вытекают все остальные иммунитеты и привилегии дипломата.

Статья 29 Конвенции 1961 г. устанавливает, что «личность дипломатического агента неприкосновенна. Он не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме. Государство пребывания обязано относиться к нему с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на его личность, свободу или достоинство».

Исходя из текста данной статьи, ясно, что мнения исследователей на содержание личной неприкосновенности дипломатов разделились. Одни авторы трактуют личную неприкосновенность как освобождение дипломата от любых принудительных действий (посягательство на личную свободу, принуждение, арест, задержание, выдача, выдворение) со стороны местных властей и граждан государства пребывания. Другие включают в понятие личной неприкосновенности помимо освобождения от принудительных действий специальную обязанность государства пребывания по защите дипломатов от любых посягательств со стороны государственных органов и частных лиц.

Дипломатическая неприкосновенность относится к субъектам, находящимся на территории других государств. Вместе с тем во многих государствах в той или иной мере закреплена специальная неприкосновенность определенных категорий должностных лиц, выполняющих свои функции внутри страны, что вызвано общественной значимостью этих функций. В России в соответствии с законодательством повышенной гарантированностью личной неприкосновенности обладают Президент Российской Федерации; члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы; Уполномоченный по правам человека; депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации; судьи, а также народные заседатели, присяжные заседатели и арбитражные заседатели; члены избирательных комиссий, комиссии референдума с правом решающего голоса; зарегистрированные кандидаты в депутаты.

Кроме того, рядом особенностей в сфере личной неприкосновенности обладают сотрудники правоохранительных органов.

Неприкосновенность высших должностных лиц.

Среди субъектов, наделенных специальной личной неприкосновенностью этой категории должностных лиц, следует выделить прежде всего главу государства. Экстраполируя принципы функциональной теории иммунитетов и привилегий, распространенной в международном нраве, на иммунитет главы государства, можно заявить, что личная неприкосновенность является гарантией исполнения им своих полномочий.

Конституционные законы абсолютного большинства государств наделяют своих глав личной неприкосновенностью. Неприкосновенность главы государства имеет черты должностного иммунитета, ибо действует во время исполнения им своих полномочий. Вместе с тем ряд государств, в том числе и Россия, распространяют неприкосновенность на прекратившего свои обязанности главу государства[1].

Статья 91 Конституции РФ предусматривает неприкосновенность Президента РФ. Содержание президентской неприкосновенности в Конституции не раскрывается, что, несомненно, является недостатком правового регулирования данного иммунитета. В этих условиях Президент РФ с позиций права является фигурой абсолютно «неприкасаемой» до отрешения его от должности, причем лишь за совершение тяжкого преступления. За совершение преступлений небольшой тяжести или средней тяжести, т.е. за деяния, влекущие максимальное наказание на срок не более пяти лет лишения свободы, Президент РФ является неответственным и неподсудным.

В случаях совершения тяжкого преступления, влекущего наказание более пяти лет лишения свободы, применяется процедура отрешения от должности, похожая на импичмент — особый порядок судопроизводства по делам о преступлениях высших должностных лиц государства в ряде зарубежных государств, когда нижняя палата играет роль камеры предания суду — формулирует обвинение и предъявляет его соответствующему должностному лицу. Рассмотрение дела по существу производится верхней палатой, которая преобразует себя в судебную коллегию. Палата выносит приговор, наказание не может идти дальше отрешения от должности. При этом в приговоре оговаривается, что должностное лицо, отстраненное от должности в порядке импичмента,

---

[1] См., например: Федеральный закон от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи».

в дальнейшем может быть судимо обычным судом и подвергнуто уголовному наказанию в соответствии с совершенным им деянием в общем порядке[1].

Депутатская неприкосновенность.

Особое место среди видов специальной неприкосновенности занимает депутатская неприкосновенность. Депутатская неприкосновенность не является личной привилегией депутата. Она устанавливается в интересах эффективного осуществления государственной власти, носит государственно-правовой характер. Возможность отказа от нее со стороны какого-либо депутата, если парламент с этим не согласен, исключается.

Эта гарантия депутатской деятельности направлена на то, чтобы предотвратить необоснованное привлечение к уголовной или административной ответственности гражданина, являющегося депутатом. Конечно, депутатскую неприкосновенность ни в коем случае нельзя понимать как способ вообще увести депутата от уголовного или административного наказания. Имеется в виду другое: своей принципиальной позицией депутат может оказаться препятствием на пути недобросовестных людей или должностных лиц, злоупотребляющих служебным положением и даже совершающих преступления. Такие лица могут воспользоваться своими возможностями и сделать депутата жертвой произвола. Привлечение депутата к ответственности касается не только авторитета депутата, но и бросает тень на репутацию власти как органа парламента. Поэтому, как справедливо отмечается в юридической литературе, нормы депутатской неприкосновенности являются дополнительными гарантиями законности применения к депутатам мер государственного принуждения[2].

Принцип депутатской неприкосновенности закреплен в законодательстве большинства стран. Наряду с этим есть государства, где данный принцип не получил правового признания. Так, в Великобритании нет специальной правовой защиты члена парламента от уголовного преследования. Английские юристы утверждают, что права члена парламента в достаточной мере охраняются высоким авторитетом спикера, мнение и согласие которого запрашиваются судебными органами, если они намереваются привлечь к уголовной ответственности парламентария. Лишены специальной правовой защиты от уголовного преследования и ареста члены парламентов Австрии, Индии и некоторых других стран.

В России член Совета Федерации, депутат Государственной Думы в соответствии со ст. 98 Конституции РФ обладают непри-

---

[1] См.: Агаев Ф.А., Галузо В.Н. Иммунитеты в российском уголовном процессе. М., 1998. С. 102 103.

[2] См.: Даев В.Г. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности // Правоведение. 1992. № 3. С. 48.

косновенностью в течение всего срока своих полномочий. Они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей. Положения ст. 98 Конституции РФ являются определенным исключением из общей конституционной нормы о равенстве всех перед законом и судом, что обусловлено необходимостью конституционной защиты специального статуса парламентария как члена федерального представительного и законодательного органа.

В юридической литературе, а также в правовой практике и самими депутатами давно отмечается дисбаланс между дополнительными гарантиями неприкосновенности депутатов и юридическими гарантиями нарушенных депутатом интересов других лиц, общества и государства, который влечет за собой нарушение принципа равенства всех перед законом. Причины такого положения следует искать как в правосознании депутатского корпуса, так и в несовершенстве законодательства. Что касается правосознания, то здесь многое зависит от того, насколько сами депутаты будут законопослушными. В противном случае принцип «сегодня я дам разрешение на привлечение коллеги к юридической ответственности, а завтра сам окажусь на его месте» может оказаться решающим при принятии решения. Ведь не секрет, что положение о недопустимости привлечения члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы к уголовной либо административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания дает мощный стимул лицам, совершившим противоправные деяния, любой ценой стремиться в парламент, с тем чтобы в его стенах прикрыться от уголовного преследования депутатской неприкосновенностью.

В течение последних лет Государственная Дума несколько раз рассматривала законопроекты, направленные на ограничение депутатской неприкосновенности, инициированные депутатами ряда фракций. Однако большинство депутатов не приняло участия в голосовании, вследствие чего проекты были отклонены.

Неприкосновенность сотрудников правоохранительных органов и спецслужб.

Повышенная государственная охрана личной неприкосновенности данных субъектов связана с возложением на них особых государственных функций, выполнение которых может быть сопряжено с посягательством на их безопасность. Поэтому целями предоставления специальной личной неприкосновенности для этих категорий лиц является обеспечение их безопасности, а также создание надлежащих условий для отправления правосудия, борьбы с преступлениями и другими правонарушениями.

Меры повышенной государственной охраны и защиты личной неприкосновенности названных лиц включают в себя, во-первых, меры безопасности жизни и здоровья, а также индивидуальной свободы и, во-вторых, повышенную уголовную ответственность за посягательство на эти жизненные ценности.

В Конституции Российской Федерации личная неприкосновенность работников правоохранительных органов отражена весьма скупо. Помимо ст. 122 Конституции РФ, где говорится о неприкосновенности судей, какие-либо положения о неприкосновенности работников правоохранительных органов отсутствуют. В этой связи уместно отметить, что и в конституциях большинства зарубежных государств закрепляется лишь сам принцип неприкосновенности работников правоохранительных органов с отсылкой к действующему законодательству[1], которое подробно раскрывает элементы их личной неприкосновенности[2].

Несмотря на отсутствие в Конституции РФ прямых норм, указывающих на повышенную защиту личной неприкосновенности работников правоохранительных органов, такие нормы нашли широкое и специфическое отражение в системе внутригосударственного нормативно-правового регулирования. Однако следует отметить, что в них отсутствует термин «личная неприкосновенность», который применяется только к судьям.

Наиболее существенными привилегиями в сфере личной неприкосновенности обладают должностные лица, работающие в судебной системе России. В частности, судьи, а также народные заседатели при исполнении ими обязанностей в суде не могут быть привлечены к уголовной ответственности, арестованы или подвергнуты мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке.

---

[1] См.: Конституции зарубежных стран. М., 1996. С. 303.

[2] См., например: Судьи в зарубежных странах. М., 1991. С. 21-29.

Ряд норм, закрепляющих институт личной неприкосновенности иных работников правоохранительных органов, содержится в группе законодательных актов, специально посвященных государственному обеспечению и защите прав этой категории государственных служащих. Вместе с тем анализ данных нормативных актов показывает, что размещение отдельных элементов института личной неприкосновенности в структуре законов характеризуется не всегда обоснованным, необъяснимым разнообразием, а в некоторых случаях и противоречивостью.

В Законе РФ «О милиции» различным аспектам личной неприкосновенности посвящено пять статей, охватывающих вопросы гарантий физической безопасности сотрудников милиции и возмещения ущерба в случае их гибели или увечья, в том числе ст. 15 «Применение и использование огнестрельного оружия» и ст. 16 «Гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника милиции», а также ст. 17 «Сотрудник милиции» и ст. 24 «Необходимая оборона и крайняя необходимость применительно к деятельности сотрудников милиции».

Различные аспекты института личной неприкосновенности закреплены в Таможенном кодексе Российской Федерации в ст. 415 «Применение физической силы должностными лицами таможенных органов», ст. 416 «Применение специальных средств должностными лицами таможенных органов» и ст. 417 «Применение оружия должностными лицами таможенных органов».

В соответствии с Федеральным законом «О федеральной службе безопасности» при исполнении сотрудником этих органов служебных обязанностей не допускается его привод, задержание, личный досмотр и досмотр его вещей, а также досмотр личного и используемого им транспорта без официального представителя органов федеральной службы безопасности или решения суда (п. 4 ст. 17).

Федеральный закон «О государственной охране» не допускает применения к сотруднику органов государственной охраны административных взысканий, его привод и административное задержание, а также личный досмотр, досмотр находящихся при нем вещей, досмотр используемых им транспортных средств без представителя соответствующего федерального органа государственной охраны или без решения суда (п. 1 ст. 20).

Одним из основополагающих нормативных правовых актов, предусматривающих специальную систему средств государственно-правовой защиты личной неприкосновенности работников правоохранительных органов, является Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». В Законе предпринимается попытка раскрыть социальную цель правовой защиты личной неприкосновенности работников правоохранительных органов. В его преамбуле записано, что в целях обеспечения государственной защиты сотрудников органов, осуществляющих функции, выполнение которых может быть сопряжено с посягательствами на их безопасность, а также в целях создания надлежащих условий для отправления правосудия и борьбы с правонарушениями настоящий закон устанавливает систему мер государственной защиты жизни, здоровья и имущества указанных лиц.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Гарунова З.
Ст-ка 5 курса ДО

Таилова А.Г.
Науч. руков.

Торговля людьми и рабство – вопиющие случаи несоблюдения прав человека. В настоящее время во всем мире эти преступления не только не перестают быть актуальными, но и зачастую приобретают все более массовый характер. Поэтому борьба с данными негативными тенденциями должна занимать первоочередное место в государственной политике. Введение в действующий Уголовный кодекс норм, предусматривающих ответственность за торговлю людьми и использование рабского труда, является значительным шагом вперед российского законодателя в деле усиления уголовно-правовой борьбы с посягательствами на физическую свободу человека, гарантированную гражданам Конституцией.

Как показывает практика, похищение людей на современном этапе развития нашего общества характеризуется значительным приростом, преобладанием корыстного мотива, существенным увеличением доли данного преступления в общей структуре преступлений против свободы, повышением уровня организованности преступников и масштабов распространения.

В мире ежегодно продается и покупается не менее 600-800 тыс. человек, из которых примерно 80% составляют женщины и девочки; около половины продаваемых лиц являются несовершеннолетними. По оценкам ООН, ныне в мире насчитывается до 27 млн человек, находящихся в рабстве. В США Федеральное бюро расследований пришло к выводу, что рабы есть практически во всех странах, а международная работорговля ежегодно приносит преступникам прибыль в размере до 10 млрд долл. По данным Международной организации по миграции (МОМ), в западноевропейские страны ежегодно направляется для продажи от 200 до 500 тыс. человек, из которых значительную часть составляют женщины из постсоветских государств. Эксперты МОМ утверждают, что только в 2000 г. из этих государств было продано для последующей сексуальной эксплуатации около 120 тыс. человек[1].

Приобретение подобных рабынь выгодно для покупателей. Так, по результатам исследования ООН в Бельгии и Германии, проститутка из России ежемесячно приносит своему хозяину до 7,5 тыс. долл. США, в то время как ей самой достается не более 500 долл.

Согласно «Обзору о положении в области торговли людьми», подготовленному Федеральным ведомством криминальной полиции Германии, на территории этой страны в 2012 г. было выявлено 1235 потерпевших от торговли людьми, причем 988 человек приехали из стран Центральной и Восточной Европы. Из них граждан России было 317 человек (в 2011 г. — 143), в том числе 192 женщины в возрасте от 15 до 30 лет, граждан Украины — 103 (в 2011 г. – 86), Литвы – 62 (в 2011 г. – 119), Латвии – 64 (в 2011 г. — 24), Польши — 91 (в 2011 г. — 82), Румынии — 143 (в 2011 г. – 47).[2]

Безусловно, реальные масштабы преступлений, связанных с различными формами торговли людьми и подневольной эксплуатации человека в России, намного больше. Об этом свидетельствуют материалы СМИ, мнения экспертов, ученых, представителей неправительственных организаций, занимающихся проблемами социальной адаптации жертв торговли людьми. Есть все

---

[1] Ерохина Л.Д. Сексуальная эксплуатация женщин и детей на Дальнем Востоке России. Противодействие торговле людьми. Тренерский портфель. М., 2004. С. 167.

[2] Обзор положения в области торговли людьми. Федеральное ведомство криминальной полиции Германии (ВКА). 2012 г.

основания говорить о высокой латентности рассматриваемых преступлений.

Хотя статистические данные, отражающие практику борьбы с торговлей людьми и динамику количества преступлений рассматриваемого вида, имеют тенденцию роста, тем не менее количество посягательств, квалифицируемых как торговля людьми (ст. 127[1] УК РФ), статистически выглядит весьма скромно: По данным ГИАЦ МВД России, в 2010 г. зарегистрировано 78 таких преступлений, в 2011 г. — 87, 2012-94. Преступлений, предусмотренных ст. 127.2 УК РФ (использование рабского труда), в 2012 г.- выявлено 32[1].

По г. Избербаш за последние 5 лет было возбужденно всего 2 уголовных дела по ст. 127.1, до судебного разбирательства дошло 1 уголовное дело, по которому было указано на отсутствие состава преступления.

Для обеспечения процесса торговли людьми преступникам необходимо постоянно искать лиц, которые могут стать жертвами. В связи с этим представляет интерес характеристика процесса приобретения человека, который может быть упрощенным или усложненным, состоящим из нескольких этапов.

Упрощенный процесс приобретения может осуществляться без насилия (по обоюдному согласию, достигнутому между торговцем и лицом, намеченным к продаже) или сопровождаться насилием над жертвой, вынуждающим ее согласиться на занятие проституцией, доходы от которой в большей мере или полностью достаются преступнику.

Как установлено, достижение обоюдного согласия между торговцем и лицами, намеченными к продаже без какого-либо насилия со стороны преступника, реально имеет место на практике.

Так, в г. Прохладном Кабардино-Балкарской Республики летом 2005 г. гражданин С., заведомо зная, что его знакомая гражданка З. не достигла совершеннолетия, с ее согласия привез ее в г. Нальчик, где на рынке продал для занятия проституцией случайному лицу за 3000 руб.[2]

В отдельных случаях преступники вообще не предпринимают особых усилий для того, чтобы стать «собственником» человека, что бывает тогда, когда им достаточно просто прийти на

---

[1] Данные ГИАЦ МВД РФ за 2010-2012 г.г. Официальный сайт МВД РФ. http://www.mvd.ru/

[2] *СПС «Консультант плюс». Судебная практика по уголовным делам.*

рынок и купить его. Такой способ приобретения людей практикуется на Северном Кавказе.

Жительница г. Баксана Кабардино-Балкарской Республики попросила свою знакомую, работавшую на городском рынке, известить ее о привозе для продажи девушки, которую она хотела приобрести для последующей эксплуатации в форме занятия проституцией. В декабре 2008 г., узнав, что водитель автомашины привез на рынок для продажи женщину, она купила ее за 30 000 руб. В дальнейшем в силу различных причин (в первую очередь из-за категорического отказа купленной женщины заниматься проституцией) потерпевшую за ту же самую цену неоднократно перепродавали друг другу жители этого города.[1]

Насилие применяется преступниками в процессе приобретения жертвы тогда, когда им необходимо сломить ее волю к сопротивлению. Такие действия сопровождаются похищением женщины, незаконным лишением ее свободы, избиениями, а также сексуальным и психическим насилием. Для удержания жертвы, в зависимости от конкретной ситуации, у нее отбирают документы, удостоверяющие личность.

В г. Ижевске в 2009 г. обвиняемые М., Ч. и др., действуя по предварительному сговору, заставляли заниматься проституцией случайно встреченных ими в общественных местах женщин, которых под благовидным предлогом заманивали к себе домой, где лишали свободы, требуя согласия на занятие проституцией. Получая отказы, их избивали и вынуждали согласиться, после чего заставляли работать проститутками, не выплачивая им за это денег. Для пресечения попыток побега преступники двум из девяти похищенных женщин после очередного избиения полностью выстригли волосы на голове. В г. Улан-Удэ весной 2009 г. группа обвиняемых на протяжении нескольких дней избивала и насиловала гражданку К., причинив вред ее здоровью средней тяжести. В результате К. была вынуждена дать согласие заняться проституцией.[2]

Как показало исследование, приобретение человека, сопряженное с незаконным лишением свободы (ст. 127 УК РФ), имело место в каждом четвертом случае (25,7%).

Необходимо подчеркнуть, что каждый пятый из привлеченных к уголовной ответственности в качестве обвиняемого значился как совершивший преступление в одиночку, т.е. действовал самостоятельно. В этой связи следует признать, что в совре-

---

[1] *Определение № 2-011- 94 по делу Ш. .Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2011 года по уголовным делам (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 18 января 2012 г.) http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100418/*

[2] Определение № 54-009- 14 по делу М.,Ч.,и др.Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2009 года по уголовным делам (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 16 марта 2010 г.) БВС РФ за 2010 год, № 3, стр.15.

менных условиях с учетом специфики механизма купли- продажи, когда кроме продавца обязательно должен присутствовать покупатель «живого товара», наличие только одного продавца в качестве обвиняемого по материалам уголовного дела следует рассматривать как недоработку следствия.

Продолжительность преступной деятельности — существенно важный криминологический признак, характеризующий степень общественной опасности преступных групп, осуществляющих торговлю людьми в целях их последующей эксплуатации. Исследование выявило интересную закономерность: в интервале от одного месяца до полугода продолжительность преступной деятельности имеет тенденцию к сокращению, после чего доля преступников, осуществлявших преступную деятельность свыше полугода, начинает устойчиво увеличиваться. В частности, если у 40% выявленных преступников их деятельность по времени не превышала одного месяца, то продолжительность до трех месяцев зафиксирована уже у 20%, а до шести месяцев — только у 5% преступников. Однако затем, с ростом преступного опыта и появлением коррупционных связей доля преступников (по мере увеличения времени их действий), начинает устойчиво расти (до 12 месяцев — их уже 15%, а свыше 12 месяцев — 20%).

Таким образом, на долю преступников, чья преступная деятельность не превышает шести месяцев, приходится две трети общего числа таких лиц (65%), в то время как 35% — на тех, кто занимался торговлей людьми более полугода. Особое беспокойство вызывает то, что на долю тех, кто более года безнаказанно торговал «живым товаром», приходится 20% (или каждый пятый преступник).

Количество эпизодов преступной деятельности — также выступает в качестве важной характеристики степени опасности торговли людьми с целью их эксплуатации. Более половины всех выявленных преступников (55,6%) до привлечения к уголовной ответственности успели совершить только одно преступление рассматриваемого вида, до трех преступлений — 5,6%, до пяти —16,7%, до десяти и выше — 11,1%.

То, что более чем половине выявленных преступников было предъявлено обвинение в совершении только одного преступления рассматриваемого вида с учетом их латентности, следует рас-

сматривать как недоработку следователей и оперативных работников, мало уделяющих внимания вскрытию всей преступной деятельности в полном объеме и выявлению всех соучастников.

В последнее время преступники стали маскировать свою преступную деятельность для обеспечения собственной безопасности, тем самым увеличивая продолжительности противоправной деятельности. Чаще всего в этих целях они использовали видимость осуществления коммерческой деятельности.

И здесь следует отметить, что в России существует множество самых разнообразных внешне добропорядочных коммерческих предприятий, соприкосновение с которыми для законопослушных граждан представляет угрозу стать потенциальной жертвой торговли людьми. В их числе туристические фирмы, брачные агентства и др., обещающие доверчивым гражданам найти работу за рубежом в интересах культурного, международного обмена и т.п. В качестве маскировки преступной деятельности следует указать следующие способы организации выезда за границу: с туристической целью (25,0%), для занятия шоу-бизнесом (30,0%), для трудоустройства (8,3%).

Вместе с тем в 36,7% случаев общего числа фактов продажи людей с целью их последующей эксплуатации преступники вообще никак не маскировали свою деятельность[1].

Характерно, что согласно исследованию преступники ни разу не использовали в качестве прикрытия для продажи людей организацию выезда за границу для учебы. Непопулярность этой версии у преступников объясняется просто: среди тех, кто намерен выехать с подобной целью за границу, вряд ли найдутся такие, которые позволили бы себя продавать без последующих осложнений для преступников.[2]

Как утверждают социологи, исследовавшие проблему торговли людьми около 20% проданных женщин вербуются при помощи рекламных объявлений о различных конкурсах[3], несмотря на то, что обман под видом конкурса достаточно трудоемок и растянут по срокам осуществления, поскольку связан с размещением объявлений, сбором фотографий «участниц», а также их просмотром. Однако такая методика оправдывает себя, поскольку позволяет отбирать наиболее привлекательных женщин, предварительно передав заказчикам живого товара их фотографии, и тем самым выручать намного большие суммы за предоставленную заказчикам возможность осуществить выбор.

---

[1] *СПС «Консультант плюс». Судебная практика по уголовным делам по торговле людьми за 2010-2012 г.г.*

[2] Корнелюк О.В. К проблеме применения норм международного права в национальном законодательстве// Следователь,-2004,-№1

[3] Ерохина Л Д. Указ. соч. С 168.

Действия преступников при проведении разнообразных конкурсов (фотографий, красоты, танцев и др.) основаны на детально разработанном механизме обмана, рассчитанном на то, что стремление к победе и признание лучшей среди других притупит бдительность и подтолкнет будущие жертвы к совершению неординарных поступков.

Так, по уголовному делу, расследованному в 2009 г. в г. Махачкала, потерпевшей У. объявили о ее «победе» в конкурсе и сообщили, что за рубежом необходимо будет работать в сфере интимных услуг и этим зарабатывать деньги, причем заработная плата будет составлять 40 долл. США в день. И все же после такого уточнения она и еще две победительницы кастинга подписали чистые бланки контрактов.[1]

Преступники при совершении преступлений используют разные помещения, чаще всего, собственные жилые (47,4%), арендуемые (26,3%), а также нежилые помещения (26,3%) — сараи, подвалы и др.[2]

Как свидетельствуют разнообразные источники, доходы от каждой женщины, купленной в качестве проститутки, приносят ее хозяину чистую прибыль на территории Российской Федерации в размере 6—7 тыс. долл. США в месяц. За рубежом такой доход у владельца проститутки выше в 2—3 раза[3].

Представляет интерес и цена за одно продаваемое лицо, назначаемая теми, кто на территории России занимается предварительным поиском потенциальных жертв и их торговлей. Размер платы зависит от того, предназначается ли лицо для продажи за рубеж или оно сбывается для эксплуатации на территории Российской Федерации.[4]

Так, в г. Саратове в период с ноября 2001 г. до середины 2010 г. обвиняемый С. продал в Германию для занятия проституцией 11 женщин, получив за каждую из них от 600 до 4500 евро. В одном из городов Хабаровского края обвиняемая П. создала организованную преступную группу, в которую помимо россиян вошли граждане КНР, являвшиеся заказчиками и покупателями женщин для последующего их использования в качестве проституток. За каждую из семи проданных женщин китайские соучастники выплачивали П. от 1300 до 1800 долл. США.

В том же городе Р. и Т., согласно материалам обвинительного заключения, за каждую проданную женщину получали по 400 долларов. В то же время их соучастники

---

[1] «Лжеконкурсы и их жертвы» Новое дело № 52 от 30 декабря 2012 года стр. 20.

[2] *СПС «Консультант плюс». Судебная практика по уголовным делам по торговле людьми за 2010-2012 г.г.*

[3] Ерохина Л Д. Указ. соч. С 168.

[4] Корнелюк О.В. К проблеме применения норм международного права в национальном законодательстве// Следователь,-2004,-№1

за двух девушек, убежавших во время следования по маршруту, при проведении взаиморасчетов высчитали с обвиняемых за каждую по 2 тыс. долл.[1]

Стоимость человека, продаваемого, для эксплуатации на территории России заметно ниже.

В Астраханской области в июне 2009 г. оперуполномоченный межрайонного отдела УФСКН, используя, вопреки интересам службы, свои полномочия и статус сотрудника правоохранительных органов, с целью извлечения материальной выгоды незаконно задержал, а затем продал за 12 тыс. рублей для принудительной работы в сельском хозяйстве четырех граждан Таджикистана, т.е. по цене 3 тыс. руб. за каждого[2].

Оценивая размеры прибыли, полученной в результате торговли «живым товаром» за весь период преступной деятельности, следует отметить, что суммы, не превышающие 100 тыс. руб., фиксируются по материалам 84,6% расследованных уголовных дел, до 500 тыс. руб. — 7,7%, от 1 млн. до 5 млн. руб. — 7,7% уголовных дел.[3]

Торговля людьми представляется сложной, динамично развивающейся составляющей организованной преступной деятельности, детерминируемой целым комплексом причин и условий, оказывающих влияние на степень и скорость её распространения и возможности борьбы с ней. Для выработки оптимальной стратегии противодействия феномену необходимо выявление и уяснение детерминант, обусловливающих его существование. В качестве таковых мы выделяем глобализацию, миграцию, развитие секс-индустрии, низкий социально-экономический уровень поставляющих стран, активность транснациональных преступных организаций, социальные и культурные особенности стран происхождения и назначения.

---

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 января 2011 г. № 15-011—38 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 января 2011 г. № 13-011—24 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Ерохина Л Д. Указ. соч. С 168.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

Абзаева Д.,
ст-ка 5 курса ДО

Таилова А.Г.
Научный руководитель: к.ю.н.

Политический, социальный и экономический кризис в России последнего десятилетия XX века привел к значительному обострению проблемы борьбы с преступностью, которая еще более усугубилась межнациональными конфликтами, в частности в Северо-Кавказском регионе. Проблемы, характерные для всей страны, приобретают особый масштаб в этом регионе. Так, слад производства (а в некоторых районах и полная его остановка) породили безработицу и, как следствие, обнищание населения. Названные факторы стали питательной средой для роста различного рода преступлений, в т.ч. корыстно-насильственных (краж, грабежей и разбоев). При этом методы, применяемые правоохранительными органами по оздоровлению криминальной ситуации в Северо-Кавказском регионе, как и в целом по стране, все еще не соответствуют предъявляемым требованиям. Как показали наши исследования, одной из основных особенностей современной преступности на Северном Кавказе является интеграция преступных элементов в криминальные группировки (сообщества) разного уровня развития и организованности, проникновение в различные сферы деятельности акционерных и государственных структур. Криминальные группы, действующие в Северо-Кавказском регионе, активно распространяют свое влияние на территории всей России. Поэтому проблема расследования корыстно-насильственных преступлений, совершенных организованными группами, стоит очень остро.

Анализ статистических данных преступности в названном регионе свидетельствует о том, что каждые две трети зарегистрированных преступлений относятся к преступлениям против соб-

ственности. Поэтому четкая организация раскрытия и расследования этих преступлений (в т.ч. краж, грабежей и разбоев), выявление причин и условий, способствовавших их совершению, может оказать эффективное влияние на сокращение имущественных преступлений по Северо-Кавказскому региону.

К сожалению, далеко не по всем случаям обращения граждан в правоохранительные органы с заявлением о совершении краж, грабежей и разбоев удается привлечь виновных лиц к уголовной ответственности. Это обусловлено многими причинами, о которых уже говорилось, в т.ч. и отсутствием современных методических рекомендаций по расследованию этой категории преступлений в новых социально-экономических условиях.

Кроме того, еще недостаточно изучены большинство вопросов тактики производства отдельных следственных действий и взаимодействия следователя с органами дознания на первоначальном этапе расследования краж, грабежей и разбоев.

В юридической литературе последних лет отсутствует единая трактовка понятия первоначального этапа расследования этих преступлений, не разработан алгоритм производства первоначальных и неотложных следственных действий применительно к типовым ситуациям начала расследования, нет необходимой ясности в правовом статусе взаимодействия с органами дознания, в особенности при производстве оперативно-розыскных действий.

Особое место в общих положениях методики расследования занимает учение о криминалистической характеристике преступлений.

Главной особенностью криминалистической характеристики, по мнению Л.А. Сергеева, является то, что она в пределах каждого вида преступлений выделяет признаки способов, следов, преступных связей и т. д., типичных для отдельных групп и видов преступлений. Именно они и являются основой для построения частных криминалистических методик.[1]

Такое понятие криминалистической характеристики было верным по своей сути, получило определенное признание в науке, хотя и нуждалось в дальнейшем уточнении.

С появлением данной категории в криминалистике возникла научная дискуссия, которая породила множество самых разнооб-

---

[1] Сергеев Л. А. Сущность и значение криминалистической характеристики преступлений: Руководство для следователей. М., 2001. С. 438.

разных точек зрения, непосредственно связанных с теоретическим осмыслением этой проблемы.

Так, С.П. Митричев, например, считал, что при изучении методики расследования отдельных видов преступлений следует обращать внимание на типичные признаки, имеющие криминалистическое значение, на особенности данного вида преступлений, выражающиеся в способах совершения преступлений, характерных следах, оставляемых на месте преступления, преступных связях, профессиональных и преступных навыках преступника, т. е. на все то, что является типичным, общим и включается в криминалистическую характеристику преступлений. Видовая криминалистическая характеристика должна объединять наибольшее количество признаков, имеющих криминалистическое значение[1].

На наш взгляд, не совсем оправданно к криминалистической характеристике относить сведения о типичных следственных ситуациях, об основных направлениях расследования «возможных путей установления преступника» и пути повышения эффективности следственной работы.

Данная позиция представляется справедливой в том, что содержание работы по расследованию и раскрытию преступления во многом определяется криминалистическими данными, характеризующими этот вид или группу преступлений. Но вызывает сомнение отождествление понятий «преступление» и «расследование». И здесь нельзя не заметить, что криминалистическая характеристика не может характеризовать процесс расследования в силу его индивидуальности. Она может содержать сведения только о виде или группе преступлений.

Криминалистическая характеристика преступлений в методике расследования не может быть соотнесена и поставлена в один ряд с другими структурными элементами (например, такими как первоначальные следственные действия, обстоятельства, подлежащие доказыванию и т, д.)[2].

В содержание и объем криминалистической характеристики И.Ф. Герасимов включает следующие составные части:

а) распространенность и общественную опасность преступления;

б) особенности объекта преступного посягательства, имеющие криминалистическое значение;

---

[1] Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 2003. С. 13-14.

[2] Герасимов И.Ф. Вопросы развития и совершенствования методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы методики расследования преступлений: Науч. тр. Свердловск,2006. Вып. 50. С. 13.

в) наиболее характерные особенности обнаружения и выявления преступлений, механизм следообразования в широком смысле слова;

г) степень сокрытия, маскировки преступления;

д) личностные особенности подозреваемых и обвиняемых как объект криминалистического исследования;

е) способ совершения преступления;

ж) особенности места, обстановки, среды, условий, в которых совершаются те или иные преступления, по отдельным видам преступлений характеристика временных факторов, связанных с преступными действиями;

з) характеристика типичных обстоятельств, влияющих на формирование следственных ситуаций, возникающих при расследовании тех или иных групп или видов преступлений.

Анализ специальной литературы и обобщение следственной практики показывают, что в современных условиях грабежи и разбои совершаются уже не одиночками, а преступными группами (сообществами), что порождает потребность в новых научных рекомендациях и создает специфику их реализации в практике борьбы с преступностью. Научные положения и рекомендации авторов, разработанные примерно 10 лет назад, уже не удовлетворяют запросы работников правоохранительных органов. В этой связи мы предприняли попытку несколько иначе взглянуть на столь важную в социальном плане проблему.

Преступность, а особенно ее новая разновидность – организованная преступность, стала одной из серьезных проблем нашего общества и значительно обострила криминальную обстановку в стране. Она приобрела ярко выраженную корыстно-насильственную направленность. Более того, хищения путем разбоя, грабежа, кражи достигли уровня двух третей от общего количества совершенных преступлений. Преступная деятельность для значительного числа лиц превратилась в основной источник существования. Возвратились уголовные традиции и обычаи. Масштабы деятельности отдельных преступников, групп лиц по предварительному сговору, организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций) значительны.

Согласно статистике группами совершено примерно 20% из общего числа преступлений.

Преступная деятельность отдельных организованных групп или сообществ отличается особым цинизмом и жестокостью. Для достижения преступной цели виновные убивают людей, защищающих свою собственность, причиняют им тяжкие телесные повреждения, применяют жестокие пытки, чтобы «вырвать» у жертвы признание о месте хранения ценностей, совершают сопутствующие этому тяжкие преступления: изнасилование женщин и девочек, похищение детей, убийство свидетелей и т. д.

Приведем характерный пример. При расследовании уголовных дел по факту совершения разбойных нападений на домовладения граждан в двух районах Ставропольского края было установлено, что преступники по наводке одного из жителей этих районов совершили серию преступлений.

По предварительному сговору группа, состоявшая из 10 человек, совершала разбойные нападения на граждан, которые занимались продажей на дому водки без акцизных марок.

Так, по одной из наводок она совершила разбойное нападение на квартиру Н. Угрожая потерпевшей оружием, преступники потребовали деньги, золотые изделия и ценности. Однако Н. не хотела отдавать свое имущество, тогда ее стали жестоко пытать, после чего Н. указала место хранения денег и ценностей. Преступники, взяв ценности, скрылись. В ходе расследования данного преступления преступники были установлены, изобличены в совершении ряда разбойных нападений. При предварительном расследовании установлено, что названная группа совершила 30 разбойных нападений.

Анализ следственной практики и результатов исследований по Северо-Кавказкому региону позволил выделить ряд существенных признаков организованной преступной деятельности как качественно нового уровня групповой профессиональной преступности.

Преступным сообществам (преступным организациям) присущи следующие основные признаки:

- наличие четкой, устойчивой организационной структуры, рассчитанной на проведение систематической преступной деятельности;

- наличие системы жесткого непререкаемого подчинения и разделения ролей и функций;

- определение в качестве основной цели не одного, а нескольких, порой сложных по подготовке и непосредственному совершению преступлений;

- наличие факта сращивания руководителей преступных формирований с руководством некоторых правоохранительных органов и государственного аппарата.

К дополнительным признакам преступного сообщества, по нашему мнению, можно отнести:

- наличие в группе лиц, осуществляющих:

а) разведку в правоохранительных органах для своевременного информирования лидеров преступных групп о предпринимаемых действиях этих органов;

б) задания руководителей групп по ликвидации свидетелей, потерпевших, сотрудников правоохранительных органов, ведущих расследование дел;

в) юридическую консультацию по различным вопросам, связанным с действиями по противодействию расследованию и т. д.;

- наличие тесной связи с отдельными коррумпированными представителями государственного аппарата или правоохранительных органов, могущих существенно влиять на ход и результаты расследования;

- наличие связи со средствами массовой информации для создания ложного общественного мнения и т. д.

Особенно четко просматривается запланированное и организованное противодействие расследованию, когда преступления совершаются организованными группами или сообществами (преступными организациями). Выявление, раскрытие и расследование преступлений данного типа опирается на глубокое изучение механизмов преступного события и деятельности по противодействию расследованию.

При этом справедливо отмечалось, что важную роль в системе деятельности организованных преступных групп занимает разработка и осуществление мероприятий, направленных на сокрытие указанной деятельности.

Анализ практики расследования преступлений свидетельствует, что за последнее десятилетие вскрыты разнообразные

приемы и методы заинтересованного вмешательства в ход следствия со стороны различных лиц.

Эти приемы и методы, как правило, реализуются после выявления правоохранительными органами какого-либо эпизода преступной деятельности или всего преступления в процессе оперативно-розыскных, следственных или иных мероприятий в ходе начавшегося предварительного следствия. Практика вскрыла и факты причастности коррумпированных должностных лиц к массовым беспорядкам, организации преследования, мести (вплоть до «заказных» убийств) в отношении людей, содействующих правоохранительным органам в выявлении, раскрытии и расследовании преступной деятельности отдельных субъектов или групп лиц.

Среди признаков начала противодействия расследованию можно выделить следующие:

- снижение преступной активности группы (сообщества);

- включение в действие механизма противодействия расследованию:

а) введение в действие денежного фонда преступной группы;

б) подключение к противодействию коррумпированных связей (должностных лиц, общественных и политических деятелей, депутатов различных уровней и т. д.);

в) осуществление членами преступной группы действий по сопротивлению правоохранительной системе (убийства, подкуп, похищения близких и т, д.);

- преследование или месть в отношении законопослушных граждан, изобличающих членов преступной группировки;

- негативные публикации по поводу расследования какого-либо уголовного дела в средствах массовой информации или в отношении лиц, осуществляющих данное расследование и т. д.

В литературе описываются и иные обобщенные формы противодействия: 1) политика устрашения граждан – носителей криминалистически значимой информации; 2) использование коррупционного прикрытия[1]. Однако предмет нашего исследования

[1] Трухачев В.В. Криминалистический анализ сокрытия организованной преступности // Криминалистические средства и методы исследования преступлений. Воронеж, 1999. Вып. 10. С. 130; Карагодин В.Н. Указ, соч.;

предполагает более подробное исследование криминалистической сущности противодействия расследованию, характерного для Северо-Кавказского региона, где в настоящее время сложилась напряженная социально-экономическая обстановка, появилось значительное количество беженцев, переселенцев, а близость к району антитеррористических операций накладывает свой отпечаток на характер преступлений.

Лица, объединившиеся в преступные группы, сообщества или формирования для совершения корыстно-насильственных преступлений, привлекают ранее судимых преступников к сотрудничеству в целях обеспечения своей безопасности, для совершения «заказных преступлений» в отношении «нежелательных» свидетелей, потерпевших или работников правоохранительных органов, активно ведущих расследование преступлений, совершенных или совершаемых вышеуказанными лицами, а также для иных репрессивных, охранных и разведывательных функций. На начальных стадиях своего развития преступные группы или сообщества устанавливают связи с коррумпированными должностными лицами различного уровня, которые в таких случаях дают дополнительные гарантии безопасности и являются средством уклонения от возможной уголовной ответственности.

Как показывает следственная практика, в последнее время в России все чаще вскрываются факты причастности коррумпированных должностных лиц к организации преследования добросовестных сотрудников правоохранительных органов, мести (вплоть до заказных убийств) в отношении людей, пытающихся разоблачить преступные сообщества.

Механизм деятельности по противодействию расследованию складывается из определенных этапов, которые можно объединить в одну группу по основаниям «действия по сокрытию преступления». Среди них можно выделить такие действия, как утаивание, уничтожение, маскировка или фальсификация следов преступления, причем воздействие преступника или иных лиц на материальные следы является традиционным и распространенным способом противодействия раскрытию и расследованию преступлений.

Спектр приемов воздействия на материальные следы весьма широк и включает в себя целенаправленное перемещение материальных источников информации о преступлении и преступнике, их маскировку, уничтожение, а также сочетание этих прие-

---

Николайчук И.А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию. М, 2000.

мов. Непосредственно после того как лицам, заинтересованным в сокрытии источников информации, стало известно, что правоохранительные органы все же обладают сведениями о совершении преступления, они принимают дополнительные меры по уничтожению, маскировке или фальсификации следов преступления, вещественных доказательств, создают ложную информацию о самом преступлении и его участниках. Из суждений известных криминалистов (А.Н. Васильева, Н.Ш. Жордания, Г.Г, Зуйкова, Б.Н. Ковригиных, А.Н. Колесниченко, В.А. Овечкина, И.А. Николайчука и др.), нам ближе взгляды И.А. Николайчука[1] о том, что в действиях по сокрытию преступлений при определенных условиях может существовать самостоятельный способ совершения преступления.

И все же, рассматривая способ совершения преступления как научную категорию, мы сознательно акцентируем внимание на таком элементе, как сокрытие преступления, под которым понимаем действия, направленные на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника либо их носителей.

Воспрепятствование заключается (в активной или пассивной форме человеческих поведенческих актов) в недопущении включения соответствующей информации в сферу уголовного судопроизводства, в искажении ее в процессе расследования уголовного дела.

Деятельность по противодействию расследованию может быть определена как система противоправных действий (бездействий), детерминированных объективными и субъективными факторами, направленных на дезорганизацию работы по раскрытию преступления, воспрепятствованию достижению объективной истины по уголовному делу и осуществлению правосудия, и совершаемых различными лицами, заинтересованными в уклонении виновного от ответственности.

Действия по сокрытию преступления могут осуществлять как прямые, так и косвенные участники преступного события; действия по противодействию расследованию могут осуществлять вышеперечисленные и другие заинтересованные в отрицательном результате расследования лица.

Изучение уголовных дел о преступлениях против собственности показало, что относительно распространенными действиями по противодействию расследованию были следующие:

---

[1] Николайчук И.А. Указ. раб. С. 78.

- дача ложных показаний подозреваемыми, обвиняемыми либо изменение их содержания (15,2% случаев) или отказ от дачи показаний (1,5%);

- уничтожение или укрытие вещественных доказательств, в основном средств совершения преступления, личной одежды (8%) или похищенного имущества преступником (13,8 %) либо его соучастниками (19,2%);

- передача похищенного имущества на определенное время для хранения другим лицам (19%);

- выдвижение подозреваемым, обвиняемым ложного алиби (10,3%);

- утаивание лицами, не являющимися участниками преступного события, сведений о носителях криминалистически значимой информации о самом преступлении и его участниках;

- смена места жительства заподозренным, подозреваемым (11,3%), свидетелем и потерпевшим (0,1%);

- неявка подозреваемого по вызову в органы расследования (14%).

Менее распространенными были следующие действия по противодействию расследованию:

- совершение иного правонарушения с целью отвлечь внимание правоохранительных органов от непосредственного расследования (0,15% случаев);

- симуляция преступником психического или иного заболевания (ОД 5%);

- принуждение к даче ложных показаний свидетеля или потерпевшего за плату или под угрозой физической расправы (0,3%);

- уничтожение другими лицами следов преступлений или вещественных доказательств (3%);

- воздействие путем угрозы или подкупа лиц, осуществляющих в силу своих функциональных обязанностей расследование (0,3%);

- воздействие путем причинения материального ущерба имуществу лиц, осуществляющих расследование, или похищение близких им лиц (0,3%);

- воздействие путем угрозы или подкупа свидетелей или потерпевшего с целью вынудить дать ложные показания (0,7%);

- воздействие путем причинения материального ущерба имуществу свидетелей или потерпевшего или похищения близких им лиц с целью изменить или дать ложные показания (0,4%);

- ликвидация потерпевшего, свидетеля или лица, проводящего расследование (0,1%);

- уничтожение протоколов следственных действий, изъятых вещественных доказательств или заключений экспертов, а в отдельных случаях и всего уголовного дела (0,15%);

- совершение побега из следственного изолятора или при конвоировании (0,3% случаев);

- изменение внешности или отдельных частей тела (уничтожение папиллярных линий пальцев рук; отращивание бороды и усов; надевание специальной одежды и приспособлений для сокрытия лица; изменение лица с помощью грима и т. п.) заподозренным или подозреваемым (0,15% случаев).

- фальсификация информации по уголовному делу лицом, проводящим расследование или выполняющим отдельное поручение следователя;

- дача ложного заключения экспертом.

Таким образом, в вопросе о противодействии расследованию можно выделить следующие основные моменты:

- подкуп представителя правоохранительных органов;
- воздействие на потерпевшего или свидетелей;
- давление со стороны коррумпированных руководителей;
- уничтожение материальных следов;
- внезапный отъезд с места постоянного жительства;
- изменение внешности и т. д.

В связи с существенным в последние годы ростом организованной преступности, можно говорить о деятельности по противодействию расследованию как о самостоятельной преступной деятельности определенного круга преступников, организаций.

Механизм деятельности по противодействию расследованию отличен от механизма совершения преступления, но его изучение создает научные предпосылки для более глубокого и полного понимания сложного механизма преступления во всем его многообразии и выработки на основе познанных закономерностей и тенденций обоснованных рекомендаций по нейтрализации противодействия расследованию.

Анализируя и обобщая материалы уголовных дел и результаты опросов осужденных и следователей, а затем типизируя действия по противодействию расследованию, мы пришли к выводу о необходимости включения их как самостоятельного элемента в криминалистическую характеристику определенного вида преступлений.

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.

Шабанова А.
Ст-ка 3 курса ДО

Таилова А.Г.
Науч. руков. к.ю.н.

Условное осуждение является одним из самых "молодых" способов воздействия на преступника и стало результатом эволюции института наказания, выразившейся в постепенной замене жестоких его видов более мягкими и цивилизованными. Формирование правовой мысли связано с той стадией развития общественного способа производства, когда появляется классовая дифференциация общества и возникает государственность. В своем возникновении правовая и политическая мысль у древних народов – древних египтян, индусов, китайцев, вавилонян, персов, евреев, греков, римлян – восходит к мифологическим истокам и оперирует мифологическими представлениями о месте человека в мире. Согласно мифологическим представлениям земные порядки являлись неразрывной частью общемировых, космических порядков, имеющих божественное происхождение[1].

Первые источники уголовного права, регулирующие отношения в рабовладельческом обществе, предусматривали наказания, связанные с причинением увечий или смерти преступнику. Эти положения закреплены в древневавилонском памятнике XVIII в. до н.э. – Законах Хаммурапи. Справедливость, о которой говорится в них, подразумевает социальное, политическое и правовое неравенство членов различных сословий общества[2]. В основе уголовно-правовых представлений его авторов находилась идея талиона: наказание есть возмездие за вину, и потому оно должно быть "равным" преступлению. Смертная казнь упоминается в Законах Хаммурапи в 30 случаях и была,

---

[1] Институт пробации как возможная альтернатива лишению свободы в Российской Федерации / Е.Н. Шатанкова // Сб. материалов международ, науч.-практич. конф. «Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития», Москва, 2005 г. – М., 2005.с.53.

[2] История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсесянц. М., 2008. С. 29.

как правило, мучительной: это сожжение, утопление, посажение на кол и т.п.[1] По своему значению и известности Законы Ману не уступают Законам Хаммурапи, их составление относят к I в. до н.э. Законы Ману свидетельствуют о широком применении смертной казни, которая осуществлялась мучительными способами, членовредительских наказаний, распространившихся на "половые органы, чрево, язык, две руки, глаз, нос, два уха, все тело"[2].

На смену рабовладельческому пришел феодальный строй, но он не изменил сути института наказания, главной целью которого являлось устрашение. Суровость наказания в обществе Средних веков считалась главным средством предупреждения преступности. Каждый раз, когда преступление заслуживало особого наказания, судья изобретал казнь, которая должна была поразить воображение, была бы достаточно длительной и мучительной. Были распространены членовредительские виды наказания. Однако за ряд преступлений уже назначались ссылка на галеры, каторжные работы, а в XVI в. орудием наказания становится тюрьма, являвшаяся до этого только местом содержания до суда. В официальной теории непреложной истиной считалось, что устрашение является главной целью наказания. Упование на суровость наказания как на верное средство предотвращения преступлений проходит через всю историю феодального права. Однако опыт самой же средневековой юстиции служит наиболее ярким свидетельством ошибочности этой позиции[3].

Одним из первых против убеждения, будто жестокость наказания является необходимой, выступил Шарль Луи Монтескье – один из основоположников просветительной философии. Монтескье настаивал на том, что закон обязан карать только внешние действия, признанные преступными, но не мысли и намерения [4]. Идея политической свободы связана у него с идеей гражданской свободы, которая заключается в безопасности граждан государства[5].

Несколько позже Жан Поль Марат в своем Плане уголовного кодекса потребовал соразмерности наказания. Сурово карать легкое нарушение законов – "значит не только зря пускать в ход весь авторитет власти", "значит множить преступления, это значит толкать преступников на последние крайности"[6]. Самые суровые казни не производили должного впечатления на преступников. Заблуждением является думать, что злодея обязательно удержит суровость угрожающей меры: воспоминание о ней очень скоро испаряется, между тем как неотвязные побуждения и нужды несчастного не покидают ни на миг[7].

Существенные изменения внесены были после Революции 1830 г. во Французский уголовный кодекс 1810 г. Были установ-

---

[1] Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 2006. С. 47 – 50.

[2] Там же. С. 55

[3] Там же. С. 195 – 200.

[4] История политических и правовых учений. С. 264.

[5] Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 2003. С. 50.

[6] Черниловский З.М. Указ. соч. С. 399.

[7] Там же. С. 199.

лены смягчающие вину обстоятельства и отменены позорящие наказания.

Либерализация уголовного права, начатая Французской революцией, коснулась и Англии. В 1819 г. вышли в свет законы, отменявшие четвертование и другие жестокости, позднее – законы, смягчавшие наказание за мелкие преступления. С 1841 г. начинается ограничение смертной казни.

Первые попытки связать тюремное заключение с мерами исправительного характера предприняты были в XVIII столетии. Они дали основание выводу, что исправления можно достичь сочетанием строгого режима с трудом, доставляющим некоторый заработок[1]. Начиная с XVI – XVII столетий, а чаще в XVIII в. европейские государства стали прибегать к замене тюремного наказания ссылкой в колонии. Этим достигался двойной выигрыш: во-первых, разгружались тюрьмы и, во-вторых, в некоторой степени удовлетворялась нужда в рабочей силе, которую испытывали колонии [2]. Демократические, просветительные и либеральные элементы буржуазного общества настаивали на ограничении смертной казни из-за ее негуманности и неэффективности[3]. Основным видом наказания стало тюремное заключение вместе с распространенной ссылкой в колонии, но это не решило проблему роста преступности. "Тюрьма не столько исправляет, сколько портит. Человек приходит в тюрьму случайным преступником, а выходит из нее профессиональным".[4]

В поисках выхода буржуазная наука уголовного права предложила правительствам новые меры, одной из которых было условное осуждение.

Существует много мнений относительно того, в какой из двух стран – в Англии или Соединенных Штатах Америки – впервые было установлено условное осуждение, именуемое "probation" [5] Одни полагают, что предпосылкой для введения таких инсти-

---

[1] Институт пробации как возможная альтернатива лишению свободы в Российской Федерации / Е.Н. Шатанкова // Сб. материалов международ, науч.-практич. конф. «Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития», Москва, 2005 г. – М., 2005. –с.75..

[2] Там же. С. 404.

[3] Либерман Л. Современное зарубежное уголовное право. Том 3. М.: Издательство иностранной литературы, 2001.С. 528.

[4] Черниловский З.М. Указ. соч. С. 399.

[5] Дословный перевод термина "probation" употребляется в значении: 1) доказательство, доказывание; 2) испытание; 3) система испытания (как вид наказания по англо-американскому праву); 4) стажирование; 5) условное освобождение. См.: Мамулян А.С., Кашкин С.Ю. Англо-русский полный юридический словарь. 1-е изд. М., 1993. С. 295. Также: 1) на испытании, на страже; 2) испытательный; 3) испытуемый, находящийся на страже, стажер, послушник. См.: Мюллер В.К., Боянус С.К. Англо-русский словарь. Киев, 1997. С. 934.

тутов явилась английская система общего права, поскольку английскими судами на протяжении десятков лет предпринимались попытки различными способами избежать механического применения жестких правил репрессивного уголовного права. В качестве их сторонники этой точки зрения называют привилегию духовенства, юридическую отсрочку, обязательство, временное освобождение под залог, временную отсрочку рассмотрения дела [1].

Суть привилегии духовенства (XIII в.) в том, что к служителям церкви, а позже и ко всем лицам, умеющим читать, применялись менее строгие формы осуществления правосудия, назначалось более мягкое наказание.

Юридическая отсрочка представляла собой временную отсрочку назначения или исполнения наказания, благодаря которой для обвиняемого создавалась реальная возможность получения помилования. Отсрочкой пользовались английские судьи для окончания процесса в случае, если они "не были довольны приговором".

Обязательство (XIV в.) – обещание подозреваемого (обвиняемого), но еще не осужденного лица общине, к которой он принадлежал, вести себя в дальнейшем в соответствии с требованиями закона. Обязательство широко применялось ввиду удачного сочетания двух его составляющих: это средство осуществления правосудия и средство избежания наказания. Лицо, дающее "слово чести" (с залогом или без него), попадало в зависимое от государства положение, поскольку при нарушении предписанных органом правосудия условий вновь представало перед ним [2].

Временное освобождение под залог, как с обязательством, так и без него, широко применялось и в Старом, и в Новом Свете.

Временная отсрочка рассмотрения дела применялась преимущественно в штате Массачусетс: после признания лица виновным исполнение назначенного наказания откладывалось, если "чувство справедливости не требовало немедленного его исполнения", а дело передавалось в архив и впоследствии могло быть изъято одной из сторон, участвующих в деле.

Некоторые ученые считают родиной института условного осуждения Англию и связывают его зарождение со старинным правом английских судей откладывать вынесение приговора по уголовному делу [3]. Такая отсрочка практиковалась по самым разнообразным основаниям: чтобы посоветоваться о юридических вопросах, возникших в

---

[1] Бундесон У. Надзор за отбывающими наказание на свободе. М., 2009. С. 48 – 49.

[2] Либерман Л. Современное зарубежное уголовное право. Том 3. М.: Издательство иностранной литературы, 2001.С. 528.

[3] Институт пробации: опыт зарубежных стран / Е.Н. Шатанкова // Вестник Российской правовой академии. – 2007. – № 4. С.56.

деле, со своими товарищами, чтобы допустить возможность переноса дела в высший суд, чтобы дать возможность подсудимому подготовить юридические возражения против приговора[1]. В 1840-х годах стали применять эту меру в целях исправительного воздействия к осужденным, "не проявляющим особой испорченности". Вынесение приговора отсрочивалось на известный срок, и у подсудимого отбиралось "поручительство о хорошем поведении"[2]. Если подсудимый выполнял условия поручительства, то обвинительный приговор либо не выносился вовсе, либо лицо подвергалось какому-либо незначительному, формальному наказанию как "легкий" штраф. Сторонники этой версии полагают, что из этой практики, усовершенствованной законами 1879 и 1887 гг., и развилась первоначальная английская система условного осуждения.

В других источниках приводятся два вида "устранения" наказания: безусловное освобождение и условное неприменение наказания[3].

При их реализации вводились гарантии хорошего поведения материального (залог, поручительство) либо личного (обещание) характера. В случае если прощение оказывалось "незаслуженным", для осужденного наступали неблагоприятные последствия.

С конца 1860-х годов практика отложения приговора была заимствована одним из прогрессивных американских штатов Массачусетс, судьи которого занесли ее из Англии. От каждого лица, в отношении которого вынесение приговора было отложено, требовалось представление поручительства о хорошем поведении[4]. Один из филантропов Роберт Кук брал под свое поручительство условно отпущенных лиц, устанавливая за их поведением наблюдение через попечителей-добровольцев. Так стала оформляться практика надзора. Позже, в 1878 г., в Бостоне (столице штата Массачусетс) учреждена должность правительственного агента для надзора за условно осужденными – probation officer (чиновник по испытанию). Мера была воспринята английским статутным правом в общих чертах – Законом 1879 г., а в особенности Законом 1887 г.

Только в 1891 г., с принятием в штате Массачусетс Закона об обязательном назначении probation officer по всему штату, выбор наблюдателей перешел в руки самих судей, система надзора, получившая название "probation", окрепла и приобрела форму планомерно осуществляемого наблюдения за условно осужденными с целью

---

[1] Люблинский П.И. Условное осуждение в иностранном праве. М., 2004. С. 5.

[2] Пакутин В.Д. Институт условного осуждения в зарубежных странах Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Уфа, 2011. с 16. 47-54.

[3] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. Тула, 2001. С. 449 – 450.

[4] Пробация: понятие и содержание / Е.Н. Шатанкова // Сб. материалов международ, науч.-практич. конф. «Международные стандарты исполнения наказаний и российская пенитенциарная практика», Москва, 2005 г. – М., 2006.с. 74.

предупреждения совершения ими новых преступлений.[1] С момента введения в действие Закона в качестве наблюдателей не могли быть назначены кадровые полицейские. Испытательный срок мог быть назначен длительностью от 3 недель до 1 года, а надзор от 6 до 12 недель.

Завершилось формирование системы условной отсрочки приговора в штате Массачусетс в конце XIX в. Законом 1898 г. она распространилась на дела, подсудные Высшему Суду. Законом 1900 г. был подведен итог ее развитию и дана отчетливая юридическая формулировка. Вынесение обвинительного приговора уже не допускалось, если лицо успешно отбывало "испытание", состоявшее в обязанности подчиняться правилам надзора, вести себя надлежащим образом и не совершать новых преступлений. Испытание, проходимое под наблюдением особого должностного лица, явилось признаком американской системы[2].

Таким образом, формы института условного осуждения, существующие в праве зарубежных стран, являются результатом развития правоприменительной практики, а не законотворчества какой-то определенной страны.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ХУЛИГАНСТВА

Рашидова М.
Ст-ка 6 курса ОЗО

Таилова А.Г.
Науч. руков.

Виктимологическое предупреждение хулиганства во многом зависит от проводимых в стране социально-экономических и политических преобразований, связанных с утверждением общечеловеческих ценностей, гуманизацией нравственного климата, реализацией принципов социальной справедливости. Решение этих общесоциальных задач создает предпосылки и для успешной борьбы с насильственными преступлениями и хулиганством.[3] В числе этих задач надо выделить целенаправленную работу по воспитанию в человеке совестливости, культуры общения и нрав-

---

[1] Преступление и наказание в Англии, США,. Франции, ФРГ, Японии. Общая часть./ Отв. ред. Н.Ф.Кузнецова М.: Юридическая литература, 2011. С. 288.

[2] Люблинский П.И. Указ. соч. С. 6.

[3] Курченко В. Квалификация особо злостного хулиганства // Законность. 1998. №8.

ственных личностных идеалов, уважения к человеческой личности, ее неприкосновенности, нетерпимости к любым актам насилия над ней, к проявлениям грубости, агрессивности, цинизма, по возрождению в значительной мере утраченных традиций взаимопомощи, милосердия, сострадания ко всему живому; улучшению полового воспитания подростков и молодежи, подготовки их к семейной жизни, воспитания уважения к достоинству женщины, отвращения к распущенности и вседозволенности.

К основным направлениям специально-виктимологической профилактики в рассматриваемой сфере относятся:

а) последовательная и настойчивая борьба с пьянством и наркотизмом на основе постановки четких и реальных целей, надлежащей комплексности и координации;

б) своевременность реагирования на правонарушения, совершаемые на почве семейных и других бытовых конфликтов и могущих перерасти в преступления;

в) обеспечение эффективной охраны общественного порядка на улицах и в других общественных местах;

г) решительное усиление борьбы с разжиганием расовой и межнациональной розни;

д) пресечение криминогенных влияний рецидивистов и профессиональных преступников на несовершеннолетних и молодежь; улучшение качества профилактической работы в маргинальной среде;

е) активизация деятельности по выявлению и разобщению антиобщественных молодежных группировок;

ж) активизация деятельности по ликвидации организованных преступных групп и сообществ и тем самым развенчание мнения об их «всемогуществе»;

з) своевременность профилактического воздействия на лиц с повышенной степенью виктимности;

и) активизация борьбы с фактами незаконного изготовления, сбыта, хранения и ношения холодного и огнестрельного оружия, с его хищениями;

к) использование уголовно-правовых мер так называемой двойной превенции для своевременного реагирования на угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью, на при-

готовление к совершению тяжких насильственных преступлений, массовых беспорядков, группового хулиганства;

л) обеспечение справедливой ответственности за насильственные преступления и хулиганство на основе ее дифференциации и индивидуализации;

м) решительное противодействие пропаганде жестокости и насилия средствами массовой информации.

Активизация работы на этих направлениях способствует стабилизации, а затем и сокращению уровня хулиганства.

К функциональным относятся меры по осуществлению профилактического контроля и воздействия в соответствующей микросреде. Это: систематическое обследование мест, где наиболее часто совершаются преступления против личности и общественного порядка; обеспечение дислокации милицейских служб с учетом места и времени совершения большинства рассматриваемых деяний; проведение специальных профилактических рейдов, проверок, отдельных комплексных операций; осуществление мероприятий, направленных на своевременное выявление и изъятие незаконно хранимого оружия, пресечение фактов его противоправного изготовления в производственных условиях; обеспечение профилактической деятельности других государственных органов и общественных организаций и поддержание с ними постоянного взаимодействия; правовое воспитание граждан и т. д.[1]

Исключительно важным направлением в деятельности по борьбе с хулиганством является групповая и индивидуальная профилактика. Ее объекты — лица, которые по причине своей антиобщественной агрессивно-насильственной направленности могут совершить насильственные преступления.

Наиболее сложной задачей в индивидуальной профилактике является выбор тех признаков-индикаторов, которые могут быть положены в основу прогностической оценки личности. При этом следует учитывать и субъективные признаки: такие характерологические черты личности, как грубость, дерзость, агрессивность, склонность к вспышкам гнева и аффектам, озлобление, мститель-

---

[1] Кудыралиева С. Хулиганство: уголовно-правовые и криминологические вопросы. Фрунзе, 2001; Иванцова Н. Перспектива хулиганства – его декриминализация. "Законность", N 11, 2004.

ность, циничность; порочные потребности (пьянство, наркотизм, разврат и др.) и неразборчивость в средствах их удовлетворения; специфические болезненные состояния (алкоголизм, наркомания, психопатия, расстройство сексуальных влечений).[1]

Надо принимать во внимание и ситуационные криминогенные факторы, например образование неформальных групп, сложившихся на антисоциальной основе, со склонностью к пьянству, хулиганству, разврату, насилию; возникновение опасных конфликтных ситуаций в ближайшем окружении (скандалы между родственниками и соседями, драки, ссоры, угрозы).

Учет этих факторов весьма важен для криминологической диагностики, прогнозирования возможности совершения конкретными лицами насильственного преступления и определения методов индивидуальной профилактики. К числу последних относятся: убеждение и переубеждение, оказание необходимой помощи, нейтрализация негативных влияний окружающей среды, контроль и надзор, меры гражданско-правового, административно-правового и уголовно-правового воздействия.[2]

Бороться с хулиганскими побуждениями необходимо с помощью воспитания и общего нравственного оздоровления общества.

Бескультурье, невоспитанность, жестокость – вот истоки хулиганских побуждений. Метаморфозы с сознанием наших граждан произошли задолго до декабря 2003 г. под влиянием смены общественно-нравственных ориентиров и ценностей. Россиянин стал все больше уходить в свой собственный мирок. Проблемы "глобального масштаба", например, такие, как борьба "всем миром" с пьяницами, хулиганами, дебоширами, мало интересуют среднестатистического россиянина. Канули в Лету такие понятия, как общественное порицание, общественное поручительство, товарищеские суды.

К сожалению, в нашей жизни становятся нормой правила, сформулированные в поговорках "моя хата с краю", "своя рубаш-

---

[1] Кудыралиева С. Хулиганство: уголовно-правовые и криминологические вопросы. Фрунзе, 2001.

[2] Поправко В.Н. Криминологическая характеристика и профилактика хулиганства, совершаемого на почве бытовых конфликтов. Омск, 2002.

ка ближе к телу", "мой дом – моя крепость". Верховенство частного над общественным становится все зримее день ото дня. Закон, как отражение общественного сознания, должен реагировать на эти изменения. В данном случае законодатель уловил изменения в общественном сознании и наметил тенденцию, сводящуюся к тому, что частные начала должны находить отражение в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Человек, права и интересы которого нарушены, должен сам решать, следует ли ему привлекать к уголовной ответственности или нет того, кто из хулиганских побуждений совершил посягательство на его телесную неприкосновенность и здоровье. Интересы общественного порядка в таких случаях вторичны. Безусловно, частные начала судопроизводства должны соизмеряться со степенью и характером общественной опасности содеянного. Если здоровью потерпевшего будет причинен вред больший, чем легкий, то нежелание потерпевшего ставить вопрос о возбуждении уголовного дела правого значения иметь не должно.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Абдулаева Марианна Закировна.
Ст.преп. кафедры юридических дисциплин,
Филиал ФГБОУ ВПО
«Дагестанский государственный университет»
в г. Избербаше,

Работа посвящена исследованию современного состояния уголовно-правовой ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних. Проведен анализ норм статьи 156 УК РФ, предусматривающей ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей. Рассмотрены особенности нормативно-правового регулирования проблем семьи и защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: *права и обязанности родителей, защита прав детей, состав преступления, уголовная ответственность.*

CRIMINAL LIABILITY FOR FAILURE TO FULFILL THE DUTY OF REARING THE MINOR CHILDREN

Key words: *rights and duties of parents, protection of the rights of children, the crime, the criminal responsibility.*

Work is devoted to research of the modern state of criminal liability for crimes against the family and minors. The analysis of the provisions of article 156 of the criminal code, envisaging responsibility for non-fulfillment of duties on education of minor children. Considered are the peculiarities of legal regulation of the issues of family and protection of the rights of children left without parental care.

Статья 156 УК РФ направлена на обеспечение выполнения родителями конституционной обязанности. Родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей. Кроме того, именно родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Речь идет не только о нравственном долге каждого родителя, но и о его конституционных правах и обязанностях, что и нашло законодательное закрепление в части 2 статьи 38 Конституции Российской Федерации[4].Это положение развивается Семейным кодексом Российской Федерации, а именно ст.63[6]. Личным неотъемлемым правом каждого родителя является право на воспитание ребенка. Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей.

Объектом преступления является права и законные интересы несовершеннолетнего (в частности, нормальное психофизическое и нравственное развитие).

Объективная сторона характеризуется неисполнением или ненадлежащем исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного или иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетними, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение указанных обязанностей означает либо полный отказ от выполнения лежащих на виновном обязанностей по воспитанию ребенка,

возложенными на него нормативными правовыми актами, либо такое их выполнение (не в полном объеме, периодически), которое не обеспечивает достижение целей воспитания.

Неисполнение указанных обязанностей может привести к ухудшению здоровья, нарушению нормального психического развития ребенка и формирования его личности.

В настоящее время положение детей в нашей стране характеризуется как бедственное, несмотря на появление целого ряда актов, призванных поддержать охрану материнства и детства, защищать интересы детей. О явном неблагополучии в положении детей в нашей стране говорилось и в совместном докладе Независимого института социальной политики и детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) "Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей"[1]. Одной из основных причин, оказывающих крайне нежелательное влияние на ребенка, является неблагополучие его семьи, где формируется его физическое и духовное развитие. Ярким свидетельством этого служат статистические данные о лишении, ограничении родительских прав. Так, число лиц, лишенных родительских прав, составило в 2007 г. – 66 090 человек, в 2010 г. – 55 847 человек, в 2011 г. – 50 788 человек[2].

Однако надо иметь в виду, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего преступно не само по себе, а лишь в том случае, если это соединено с жестоким обращением с ребенком.
Жестокое обращение – это система поведения виновного по отношению к потерпевшему, которое характеризуется причинением ребенку мучений и страданий в результате применения к нему физического или психического насилия, издевательства над потерпевшим. Только за 2011 год число выявленных случаев жестокого обращения с детьми составляет – 2495; численность усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений в отношении детей, принятых ими на воспитание в семью – 66; из них привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений, повлекших гибель либо причинение вреда здоровью детей – 24; численность детей, здоровью которых был причинен вред по вине усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей - 60; всего в отношение детей было совершено около 90 тыс. преступлений[2]. За по-

следние 5 лет на четверть возросло число несовершеннолетних, ставших жертвами собственных родителей. Более чем на 30% увеличилось число убийств матерями новорожденных детей[3].
Для того, чтобы в деянии был состав преступления, необходимы доказательства того, что имело место и жестокое обращение с несовершеннолетним, только в этом случае будут основания для привлечения к уголовной ответственности. Между тем неисполнение обязанностей по воспитанию само по себе уже значительно нарушает права и интересы несовершеннолетнего и может составлять самостоятельный состав преступления, в то время как жестокое обращение с несовершеннолетними или применение по отношению к нему насилия следует рассматривать как квалифицирующие признаки.

К большинству же родителей, не исполняющих обязанности по воспитанию несовершеннолетних, на практике обычно применяются меры административного характера, основная из которых – лишение родительских прав. Здесь одновременно оказывают свои негативное влияние сразу несколько фактов: отсутствие разработанных методик расследования, традиционная «закрытость» семейных преступлений, несовершенство законодательной базы , а также недооценка сотрудниками ОВД малозначительных по их мнению, составов преступлений, которые зачастую впоследствии создают почву для совершения более тяжких преступлений (убийство, нанесение телесных повреждений, изнасилования и другие).

Преступление считается оконченным с момента совершения указанного в законе деяния.

Субъектом преступления являются родители, опекуны, попечители, педагоги, воспитатели, медицинские работники и иные лица, на которых законом или профессией возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних.

С субъективной стороны преступление совершается умышленно. При прямом умысле субъект не только сознает, что не выполняет обязанности по воспитанию ребенка, но и желает проявлять жестокость из садистских побуждений или из-за явно выраженной неприязни к ребенку. При косвенном умысле лицо, сознавая, что ненадлежаще выполняет обязанности по воспитанию и не осуществляет необходимый надзор, допускает,

что его действия или бездействие являются жестокими по отношению к несовершеннолетнему, но относится к этому безразлично[5].

Ответственности подлежат родители, усыновители, опекуны, попечители, приемные родители, педагоги, а также другие работники образовательных, воспитательных или иных учреждений, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетними.

Ответственность, предусмотренная статьей 156 УК РФ, гласит:

«Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним, – наказывается штрафом в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового"[8].

Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединено с жестоким обращением, в качестве максимального основного наказания влечет ограничение свободы на срок до трех лет. Между тем это преступление является, несомненно, насильственным, то есть представляющим повышенную общественную опасность. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное статьей 156 УК РФ, характеризуется крайне отрицательным морально – этическими установками, имеет антиобщественную социальную ориентацию.

Кроме того, имеются случаи рецидива, и после привлечения к ответственности по статье 156 УК РФ[7].

Список литературы:

1. Доклад Независимого института социальной политики и Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) "Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей." М., 2011.
2. Данные Федерального статистического наблюдения №103-РИК "Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей".
3. Доклад заместителя начальника Главного Управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти РФ МВД России В.А. Ким на Всероссийском совещании «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25.04.2012
4. Конституция Российской Федерации. – М.: Юрайт-М, 2001. – 64 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 2000.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 21.07.2007) //СЗ РФ, 1.01.1996, № 1, ст. 16.
7. *Туктарова И.Н.* Уголовно – правовая охрана несовершеннолетних: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. – Саратов, 2000. – С. 16.
8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 1.03.2012). //СЗ РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ.

Алиева М.
Ст-ка 3 курса ДО

Таилова А.Г.
Научный руководитель: к.ю.н.

Анализ криминологических особенностей современного российского экстремизма позволяет сделать вывод о существующей сложнейшей криминальной ситуации и складывающихся негативных тенденциях в сфере экстремистской преступности, представляющих реальную угрозу национальной безопасности РФ. Усиление экстремистских настроений, разжигание межнациональной и межрелигиозной розни в РФ – федеративном и многонациональном государстве неминуемо приведет к масштабным межэтническим и межрелигиозным конфликтам, всплеску новой волны терроризма и сепаратизма, состоянию "войны всех против всех". Экстремистско-фашистская идеология и ее пропаганда в федеративном и многонациональном государстве – это бомба замедленного действия, которая способна разорвать страну изнутри.

Как отметил Министр МВД России Р. Нургалиев 6 февраля 2011 г. на расширенном заседании коллегии МВД России, именно дестабилизация социально-политической ситуации в стране является главной целью экстремистских группировок .[1] Поэтому непринятие сегодня властями РФ всех необходимых дополнительных мер правового, организационного, экономического и т.п. характера по противодействию экстремизму и его искоренению как на Северном Кавказе, так и в других регионах РФ (т.е. как "кавказского", так и "славянского", "татарского", "башкирского", "удмуртского", "калмыцкого" и т.п. экстремизма) неминуемо приведет к расколу общества, росту терроризма и сепаратизма в стране и, возможно, последующему распаду РФ. Поэтому деятельность экстремистски настроенных лиц (в том числе несовершеннолетних), их организованных групп, пропагандирующих и реализующих экстремистские идеи в российском обществе, а также лиц, финансирующих экстремизм, должностных лиц, оказывающих содействие экстремистам, "прикрывающих" их или преступно бездействующих в борьбе с экстремизмом, носит антиконституционный характер и представляет реальную угрозу национальной безопасности РФ. Существующие реалии в сфере экстремистской преступности требуют жестких мер по пресечению экстремистских дей-

[1] Российская газета за 10 февраля 2011 года.

ствий антигосударственной направленности и привлечению лиц, причастных к их совершению, к уголовной ответственности по всей строгости закона[1].

Воздействие на лиц, склонных к экстремизму, требует их выявления при помощи ранней диагностики неблагополучных с точки зрения социально-экономического и социально-психологического положения групп населения.

С этой целью должны создаваться системы учета лиц, которые своими действиями демонстрируют крайний национализм, религиозную нетерпимость, разжигают социальную вражду. Важно сдерживать агрессивные проявления со стороны участников религиозных объединений ортодоксального направления. Нейтрализации криминогенных факторов, стимулирующих экстремизм, могут способствовать реформы в обществе с целью устранения экономической основы экстремизма в виде бедственного положения населения, безработицы[2].

Различного рода общественные организации, движения и объединения (например, движения против нелегальной иммиграции, благотворительные и религиозные организации и т.п.), военно-патриотические, военно-спортивные, военно-исторические клубы и т.п. создаются с какой-либо определенной, вполне законной целью, однако на практике преследуют экстремистско-националистические цели. В связи с этим полагаем необходимым усилить контроль государства за регистрацией и деятельностью на территории Российской Федерации подобного рода общественных организаций, движений, объединений, клубов и т.п. с целью недопущения экстремистских проявлений в их деятельности.

Экстремистско-националистические движения стремятся вовлечь в свои ряды членов различных "агрессивных" молодежных субкультур, неформальных молодежных объединений, групп, движений, а также лиц, ранее судимых.

Особо следует отметить наиболее многочисленное движение российских футбольных болельщиков (фанатов), которых активно пытаются привлекать к экстремистско-националистическим акциям. Некоторые члены этого движения поддаются такому воздействию.

Положительную роль может сыграть повышение эффективности правоохранительной деятельности в форме профилактики преступлений соответствующей направ-

---

[1] Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений / Под ред. В.Д. Малкова, А.Ф. Токарева. М., 2000. С. 264.

[2] Там же.

ленности, критика идеологии, определяющей основу экстремистских движений. Своевременное выявление лидеров подобных движений и группировок, а также наиболее агрессивных их членов будет способствовать принятию к ним адекватных мер воздействия. Руководствуясь конституционными нормами, следует запретить религиозные объединения ортодоксального направления, фетишируют национальные идеи. Безусловно, в современных условиях важна продуманная воспитательная и идеологическая работа среди молодежи[1].

При воздействии на лиц, склонных к социальной маргинальности, необходимо руководствоваться тем, что они в силу отсутствия постоянного места жительства нуждаются в принудительном препровождении в специальные учреждения и оказании им необходимой социальной помощи. Поскольку данная мера носит временный характер и не решает вопроса о нейтрализации такого явления, как социальная маргинальность, необходим государственный подход по устранение экономической основы социальной маргинальности: создание целевых рабочих мест для безработных граждан; усиление мер государственного контроля за рынком труда; устранение пороков государственного механизма распределения национальных богатств.

ПРОБЛЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПО ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ.

Алимурадов Р.
Ст. 3 курса ДО

Таилова А.Г.
Научный руководитель: к.ю.н.

Проблема преступности подростков и несовершеннолетних на современном этапе приобретает большую остроту и актуальность в связи с усилением целого ряда негативных тенденций в образовательной, воспитательной, экономической, социально-

[1] Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений / Под ред. В.Д. Малкова, А.Ф. Токарева. М., 2000. С. 264.

политической, правовой, культурной, семейно-бытовой и других сферах нашего общества.

Негативные последствия социально-экономических и политических преобразований и связанные с ними трансформации моральных и нравственных ценностей значительной части населения больнее всего сказались на подрастающем поколении. Семейное неблагополучие, рост социального сиротства, беспризорность детей, вовлечение их в совершение преступлений и иных антиобщественных действий способствуют неблагоприятным тенденциям в школьной среде. В то же время необходимо учитывать, что положение дел с подростковой преступностью, процессы ее развития и преобладающие тенденции будут в значительной мере определять криминогенную ситуацию в Российской Федерации в ближайшей перспективе. Исследователи отмечают, что, чем опаснее преступление, тем чаще оно совершается лицом, ранее совершавшим преступления. Поэтому возникла необходимость создания адекватных новым условиям институтов формирования правомерного поведения и субъектов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Особая роль в этом принадлежит общеобразовательной системе.

Масштабы и негативные социальные последствия антисоциальных проявлений ювенальной преступности периода реформ настоятельно требуют дальнейшего углубленного изучения и научного познания данного крайне отрицательного и опасного явления для своевременного внесения необходимых корректив в политику государства по отношению к молодежи и принятия достаточно эффективных предупредительных мер – как на общесоциальном, так и на специально-криминологическом уровнях.

Профилактика ювенальной преступности — сложная и ответственная деятельность, которая не должна сводиться к решению специальных задач только правоохранительными органами. Она является прерогативой воспитателей, учителей, социальных работников и других специалистов образовательных учреждений. Результативность этой деятельности, конечно, зависит и от личностных особенностей этих лиц, их интеллектуальных качеств, профессиональной подготовленности и общего уровня культуры. Отсюда вытекает необходимость повышения воспитательного уровня всех учебных заведений.

Одно из важнейших направлений борьбы с рецидивной преступностью несовершеннолетних — обеспечение социальной адаптации подростков, которые возвращаются из специальных учебно-воспитательных учреждений и воспитательных колоний. Справиться с этой проблемой не удается многие годы прежде всего потому, что среди лиц, покидающих эти учреждения, почти половина сироты и подростки, лишившиеся родительского попечения, которых никто не ждет, многим негде жить, не на что существовать. Практически неразрешимой стала и проблема трудоустройства подростков, отбывших наказание. Федеральные в региональные службы занятости населения уклоняются от работы с этой категорией подростков.

Сказанное позволяет заключить, что в настоящее время в стране предпринимаются действия по устранению наиболее негативных процессов и явлений, которые долгие годы существенно осложняли борьбу с преступностью, способствовали правонарушениям детей и подростков. Однако тот социальный результат, который в конечном итоге будет получен, зависит от многих обстоятельств.

Во-первых, от того, насколько реальны и достаточны эти меры (по выделенным людским, материальным ресурсам, по избранным приоритетным направлениям и т.д.). Во-вторых, он зависит от того, насколько своевременно, полно, последовательно (системно) и квалифицированно они будут реализованы. Существенно также и то, что на ближайшую перспективу в директивных документах задачи и пути их практического решения определены только по отдельным направлениям. Это означает, что основная работа еще впереди. Очень важно на законодательном уровне проработать весь комплекс вопросов, связанных с созданием принципиально отличной от действующей — ювенальной юстиции, которая бы включала сеть разнообразных правоохранительных служб как для несовершеннолетних правонарушителей, так и для несовершеннолетних потерпевших; специализированных судов по делам семьи и несовершеннолетних; специальных правоприменительных служб. Система органов юстиции должна быть построена на иных, более гуманистических, процессуальных нормах, чем те, которые предусмотрены сегодня норматив-

ными актами МВД, юстиции, административным и уголовным законодательством.

Социальная потребность в создании ювенальной юстиции связана прежде всего с необходимостью нормализовать условия жизни и воспитания детей и подростков путем защиты их прав и свобод, оказания правового воздействия на лиц, обязанных осуществлять их воспитание, обучение, подготовку к труду, охрану здоровья несовершеннолетних.

Не менее важная социальная задача ювенальной юстиции связана с корректировкой нравственно-психологического развития личности несовершеннолетнего, совершившего правонарушение. Ювенальная юстиция должна обеспечивать:

— справедливость любого правового решения в отношении детей и подростков;

— защиту прав и законных интересов несовершеннолетних при рассмотрении любого дела (не только гражданского, по и уголовного, административного и т.п.). Речь идет о правах и законных интересах, как связанных с предметом доказывания по делу, так и находящихся за его пределами, о нарушениях которых становится известно правоохранительным органам. Столь широкий подход обусловлен тем, что в отношении материнства и детства государство берет на себя функцию защиты (ст. 38 Конституции РФ);

— обеспечение максимальной социализации личности несовершеннолетнего. Право на образование, охрану здоровья является конституционным, т.е. принадлежащим любому гражданину страны. Поэтому применение к подростку мер правового воздействия (наказания и др.) не должно прерывать процесс социализации его личности. Для этого необходимо предоставить органам ювенальной юстиции соответствующие материальные условия.

К системе ювенальной юстиции должны быть отнесены следующие группы органов:

— разрабатывающие законодательство, направленное на обеспечение прав и интересов детей и подростков (например, специальный департамент Минюста России по ювенальному законодательству);

— осуществляющие охрану прав несовершеннолетних;

— осуществляющие правосудие по делам несовершеннолетних;

— исполняющие решения (постановления, приговоры), вынесенные по делам несовершеннолетних.

Особое место при создании системы ювенальной юстиции в интересах охраны прав несовершеннолетних, обеспечения наиболее эффективного содействия их благополучию, сокращения использования в отношении них карательных санкций делает актуальной задачу создания специализированных судов по делам семьи и несовершеннолетних.

Эти суды могли бы взять на себя как рассмотрение гражданских дел, связанных с воспитанием и содержанием детей (о расторжении брака, лишении родительских прав, установлении отцовства и т.п.), так и судебное разбирательство дел о преступлениях и административных правонарушениях несовершеннолетних, а также дел о преступлениях взрослых лиц, в результате которых нарушается нормальное развитие и воспитание детей и подростков (вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, доведение несовершеннолетних до состояния опьянения и др.).

Рассмотрение дел о преступлениях и иных правонарушениях несовершеннолетних характеризуется рядом особенностей, обусловленных требованиями закона и практическими рекомендациями, что является существенным аргументом в пользу создания специализированных судов по делам семьи и несовершеннолетних.

Это дало бы возможность поднять в целом качество рассмотрения дел о правонарушениях несовершеннолетних, повысить уровень проводимой профилактической работы, использовать гражданско-правовые средства в борьбе с детской беспризорностью, в решении проблем раннего предупреждения преступлений несовершеннолетних и более четко ориентировать правосудие прежде всего на защиту их прав и интересов.

ФОРМА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.

Абдурахманов Абдурахман Мухтарович
Студент 2 курса ДГУ (Избербаш)

Сегодняшний день показывает, что проблема форм собственности земли иногда доводит до вооруженного противостояния. Было бы интересно проследить эволюцию форм земельной собственности в Дагестане.

Вопрос о земельной собственности имеет первостепенное значение при изучении общественных отношений. Этим объясняется внимание, которое уделяется исследователям проблеме земельной собственности и вообще отдельным ее формам в частности. Различные вопросы земельных отношений, существовавших в прошлом в Дагестане, в той или иной степени изучались учеными, занимающимися исследованием общественного строя народов Дагестана. Наша задача обобщить имеющийся материал, дополнить его новыми данными и решить ряд вопросов в соответствии с новыми достижениями в взыскательной работе.

Земельные отношения у народов Дагестана отличались большей сложностью, что было обусловлено рядом исторических, географических и иных факторов. Здесь имелось несколько форм земельной собственности: крупное феодальное землевладение, условное землевладение, частное мюльковое землевладение узденей-общинников, мечетское землевладение (вакуф), коллективное землевладение (общинные и тухумные земли).

Самыми крупными землевладельцами были феодальные правители: шамхалы, нуцалы, уцмии, ханы, султаны, майсумы, кадии, которые сосредоточили в своих руках все категории земельных угодий. Это были земли, полученные феодальными правителями и захваченные ими у сельских общин. «Феодальная земельная собственность в XYI-XYII вв., – пишет Е.Н.Кушева, – выступала главным образом как верховная собственность фами-

лий и родов шамхалов, уцмиев, нуцалов и т. д. на землю феодальных государственных образований»[1].

У каждого южнодагестанского владетеля – цахурского султана было «большое царственное имение, которое доходило до ущелья Кина». В составе «султанских удельных владений» были также селения Алибегло и Мешебаш, находящиеся «в полной зависимости от султан с давнего времени». Султан получал доходы в сел. Ках[2].

В изучаемое время образовался ряд новых феодальных владений – как следствие укрепления частнофеодальной собственности на землю и сепаратистской политики удельных владетелей, закреплявших за собой земельные угодья подвластной им территории. это был дальнейший этап развития феодальных отношений, вызванный ростом крупного феодального землевладения, экономического и политического укрепления отдельных феодалов.

В результате в Дагестане появились новые самостоятельные землевладельцы: ханы казикумухские и мехтулинские, князья Засулакской Кумыкии и т.д. Так, казикумухские халклавчи, а затем ханы стали крупными землевладельцами в Лакии. Им принадлежали пашни, сенокосы и пастбищные горы. Ханскими были земли селений Катрух и Чатрух, заселенные бывшими рабами[3]. Весь урожай с них шел в ханский дом. В самом Кумухе также феодалы имели пашни, которые обрабатывались в пользовании жителей селений Хурхи, Тухчар, Хосрех, Сумбат, Вачи, Цища, Сухи, за что последние отбывали повинность зерном[4]. Но основные доходы казикумухский хан, как и другие горские феодалы, получал с летних пастбищ, которые сдавали в аренду сельским обществам за скот и продукты животноводства. По данным XIX в., казикумухские ханы, кроме пашен и сенокосов, имели 40

---

[1] Кушева Е.Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, С. 185.

[2] Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство. Тифлис, 1873, с. 15, 16.

[3] Освобождение бесправных рабов в Дагестане. ССКГ, Тифлис, 1868, вып. 1, с. 49.

[4] Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 265.

пастбищных гор[1], т.е они владели почти всеми горными пастбищами лакцев[2]. Впоследствии казикумухские ханы стали самыми крупными собственниками пастбищ, пахотных земель и стад скота[3].

Мечетское землевладение (вакуф) образовалось и постоянно увеличивалось в результате дарений и завещаний мечетям верующими пахотных и сенокосных земель, садов и отдельных деревьев, а также передачи общиной в их собственность отдельных участков джамаатских угодий.

В Дагестане имелось два вида мечетских земель: земли, находившиеся в непосредственном распоряжении мечетей. Эти земли сдавались для обработки отдельным членам общины за определенную часть урожая или обрабатывались всеми жителями селения, и тогда весь урожай шел в пользу мечети. В отдельных обществах мечетские земли делились между полноправными членами джамаата; земли, которые находились в пользовании наследника – завещателя земли с обязательством вносить в мечеть определенную завещателем часть урожая или определенное количество продукции животноводства (сало, жир для освещения и т.д.).

В XYII – XYIII вв. мечетское землевладение получило дальнейшее развитие. Вместе с тем оно не имело такого распространения, как в других мусульманских странах и не играло той роли, какую играл вакуф в последних. Мечетские земли не подлежали отчуждению, они не продавались и не дарились.

В общинной собственности[4] находились летние и зимние пастбища, выгоны, леса и частично пахотные и сенокосные земли. В Дагестане имелось четыре вида общинного землевладения: земли, которые находились в пользовании всех членов одной общины: земли, находившиеся в совместном пользовании нескольких общин одной политической единицы (феодального вла-

---

[1] Дагестанская область. свод статистических данных. извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890, с. 157–159.

[2] Хашаев Х.-М.О. Указ. соч., с. 127.

[3] Магомедов Р. М. Указ. соч., с.367.

[4] Подробно об общинном землевладении см.: Алиев Б.Г. Общинное землевладение в Дагестане в позднем средневековье. Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975, вып. II. с. 158-197.

дения или союза сельских общин); земли, которыми совместно пользовались все джамааты, входившие в одно политическое образование, (союз сельских общин или союз союзов); земли, которые находились в совместном пользовании общин, входивших в разные политические образования.

Пользование общинными землями регулировалось нормами обычного права. Пахотные земли делились по жребию между всеми хозяйствами или редко – тухумами через 1-3-5-7-10 лет. Общинные сенокосы либо делились между всеми хозяйствами ежегодно, либо на них установленное джамаатом время члены его заготавливали себе сено. Пастбищами пользовались либо сообща всем джамаатом (или целой группой общин), либо (в крупных селениях) они делились по кварталам селения. Лесом, там где его было много, можно было пользоваться свободно, где мало – он строго охранялся и им пользовались по решению джамаата в определенное время года.

Одной из форм коллективного землевладения было тухумное. Имелось несколько видов тухумных земель: земли, которые сохранялись за отдельными тухумами и после переселения их из «родовых (тухумных) поселений в территориально-тухумные и территориальные села. это наиболее архаическая форма тухумного землевладения: земли, полученные в результате раздачи общинных земель по тухумам, входившим в состав соседских общин, которые, в свою очередь, делились по семьям (хозяйствам); участки, приобретенные отдельным тухумом или же главой (основателем), которыми из-за их малочисленности пользовались по очереди, не деля по семьям. В пользовании тухумов находились и участки, получаемые ими в результате периодических переделов общинных земель. Со временем – с прекращением переделов общинных земель – эти участки переходили в собственность индивидуальных семей.

Тухумное землевладение сохранилось не везде. Хотя по форме оно было коллективной собственностью, по происхождению и форме пользования – это переходный институт к индивидуальной (частной) собственности.

Таким образом, из приведенных материалов видно, что в Дагестане частная земельная собственность являлась основной формой землевладения, которая делилась на две категории: круп-

ное феодальное землевладение и мелкие частновладельческие земли.

«ФОРМА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ».

Абдурахманов А. М.
ДГУ (Избербаш)

Как и в любом обществе, в Дагестане, в том числе и в горах, формы землевладения и характер земельных отношений имели определяющее значение при изучении общественного строя.

Хозяйственно-экономической основой каждого джамаата Каралала в исследуемый период была его территория. Многоступенчатая структура (модель) территории джамаата, нашедшая отражение в каждой из её частей, раскрыта и обоснована М. А. Агларовым: поселение («росо») с отселками, составлявшее ядро территории; сельские пашни, сады, часть межевых покосов («мегъ»), следующие сразу же за поселением во всех направлениях, если благоприятствовал ландшафт; общественные и частные покосы и присельские пастбища («гIалах»); альпийские и субальпийские пастбища и покосы («мегIер») [1]. Важное значение в хозяйстве жителей Караты имел «мегъ»- единый комплекс пашен, садов, сенокосов, летних времянок, часть территории аула непосредственно связанная с земледелием [1].

В Каралале в рассматриваемый нами период в разном соотношении существовало несколько форм землевладения: частная, общественная (составлявшая с первой основную форму), вакуф (мечетские земли) и казенная (сложившаяся во второй половине XIX – начале XX в.). Тухумных земель, как таковых, не было. В отличие от феодальных владений здесь не было и так называемых «ханских» земель.

Преимущественно господствовало и имело большое и важное значение в хозяйстве местного населения частное (единоличное), свободно отчуждаемое землевладение, называемое мульковым. Мульками назывались расчищенные из-под леса, кустарника,

камня участки земли, собственным трудом обращенные в пахоту или покос, и составлявшие полную собственность отдельных дворов. В частное землевладение входили также дворовые (усадебные), лесные и пастбищные участки.

Частная собственность на землю возникла и стала господствующей формой в Каралале, как и в других обществах Горного Дагестана, на местной основе и задолго до XIX века. Факт раннего развития частной собственности на землю в условиях террасного земледелия Дагестана обоснован М.А. Агларовым [1].

Наиболее значительными и главными по своему хозяйственному значению из всех категорий угодий частного землевладения были пахотные земли. Причинами того, что все пахотные земли находились в индивидуальной собственности отдельных семей были, с одной стороны, развитие производительных сил, возможность существования без общинной собственности, общиной обработки земли и общинного присвоения, а с другой- то, что в исключительных условиях горного Дагестана пахотный участок создавался и содержался в результате приложения личного труда.

Пахотная земля в сельских обществах делилась на части по числу хозяйств и распределялось по жребию. В рассматриваемый период произошли изменения в сроках распределения земель. Переделы производились редко. Более плодородные и удобные участки, как правило, закреплялись за сельской знатью [2].

Наличие в хозяйстве пахотного участка земли было показателем благосостояния семьи, условием обеспечения семьи необходимыми продуктами продовольствия, и в первую очередь хлебом. Поэтому почти все жители Караты были заняты обработкой земли. Пахотные земли являлись основной категорией земель, находившихся в частной собственности. Другие категорий земель (в частности, покосы, пастбища и т.д.) находившихся в частной собственности было меньше.

Пахотные участки из-за малоземелья как результат гористой местности отличались небольшими размерами. Если в конце XIX- начале XX в. в Дагестане на один крестьянский двор в среднем приходилось 1,2 десяти пашни, то в горных его округах приходилось 0,7 десятин; а в Карата и того меньше.

Находившиеся в частной собственности все категории земель представляли наследственные владения, причем они дробились при передаче по наследству.

На образование и функционирование форм собственности на землю оказывал влияние характер землепользования, который зависел, в свою очередь, от географических условий [3]. Общинники пользовались мульками на правах полной и неограниченной собственности. Имея неограниченные права на свои земли, хозяин мог продать их, передать по наследству, закладывать, завещать или передать мечети, обменять и т.д. Наличие права свободного отчуждения являлось характерной особенностью мулька, что отличало его от других видов землевладения. Другим отличительным признаком мулька было то, что владение им не было связано с обязанностью несения определенной государственной службы [4]. Право наследования мулька, согласно адату, имели в основном лица мужского пола. Адатное право утверждало частную собственность на землю. Наличие частной собственности на землю с правом отчуждения способствовало сосредоточению у одной части общинников больших земельных владений и обнищанию другой, что создавало условия для возникновения социального неравенства внутри сельских обществ. Этому способствовало также дробление мульков на мелкие клочки при переходе по наследству.

В силу более длительного сохранения патриархально- общинных отношений, в Каралале и в Нагорном Дагестане в целом, мульковладельцы испытывали определённое влияние и волю общинной организации на право владения мульками. Организация общественной жизни была такова, что только принадлежность к обществу давала право обладать земельной собственностью [5]. Джамаат устанавливал общие для всех сроки начала и завершения сельскохозяйственных работ, вводил правовые ограничения на распоряжения земельной собственностью ее владельцами в пользу членов других обществ [1]. В осенне-зимний период частновладельческие земли использовались под выпас скота.

С другой стороны, поскольку сельское общество представляло из себя единое целое всех его жителей, сельское население в своей деятельности опиралось на его организацию и поддерживало эту организацию. Внутри джамаата продажа земли была раз-

решена. При этом предпочтение отдавалось в первую очередь родственникам. Купля-продажа земли усилилась, начиная с 60-х годов XIX века. Земля на одну сабу посева в Нагорном Дагестане в 1864 году стоила 30-50 рублей, покосный участок на 100 вьюков сена стоил 70-75 рублей [6].

Следующей формой земельной собственности в Карата была общественная. В общественную форму собственности на землю входили главным образом выгоны, летние пастбища (пастбищные горы), леса, выпасы, водные источники. Это были земли, оставленные и используемые по решению джамаата на нужды всего сельского общества.

Реализация общинной собственности происходила как пастбищная доля. На практике ее имели лишь те, кто владел скотом и прямо пропорционально его количеству. Но на сенокосные доли право имели все полноправные члены общины, и те, у кого не было скота, продавали, меняли свои доли нуждающимся в сене. Общественные сенокосы делили между членами по жребию. В селе Карата сенокосы разбивались на четыре части соответственно количество тухумов в селении. Это тухумы ГIакIилал, Авдалал, XIекьилал, Буралал. При этом тухумы, составлявшие низшее сословие, Дудалал и Оолал, исключались. В тухумах условно уравнивали людей, превращая их перед жеребьевкой в искусственные группировки с равным количеством лиц в каждой. В каждом тухуме покосной землей наделялись все мужчины, от новорожденного до глубокого старца в равном количестве (женщины не участвовали). Покос сначала делили на четыре равные части, затем эти части снова разбивались на равные доли, число которых соответствовало числу мужчин в каждом тухуме. Затем эти доли распределялись путем жеребьевки. Жеребьевку произаодили так: записывали на клочках бумаги имена всех пайщиков, сворачивали в трубку, бросали в папаху, потом показывали участок и на этот участок один из членов назначенной комиссии вытаскивал бумажку, которую разворачивали и громко читали имя пайщика. Бумага была роскошью, поэтому практиковали и иные предметы для жеребьевки, в андийских джамаатах, например, деревянные шарики с залитым во внутрь свинцом [1].

Хотя общественное землевладение в количественном отношении превосходило частное, по своей экономической значимости последнее занимало главное место в хозяйстве населения Каралала.

Среди общественных земель главное место занимали пастбищные горы и общественные пастбища. Лесов было немного, поэтому их ценили и берегли. «Дагестан страна безлесная,- писал Н. Дубровин,- лес составляет там большую редкость и весьма бережется жителями. Скаты гор хотя и покрыты во многих местах вековыми соснами, но они растут или на значительной высоте, или в таких трущобах, доступ к которым столь затруднителен,

что едва ли когда-нибудь сделается возможным его добывание» [7].

Общественное землевладение в Каралале имело несколько видов, основными из которых были земли, которыми сообща владели все члены одного джамаата. Сюда входили все категории земель, но больше всего здесь были представлены пастбища и пастбищные горы, а затем леса. В незначительном количестве имелись также пахотные земли. Общественные пахотные земли имелись в Каралале и т.д.

Юридически этими землями на равных началах могли пользоваться все члены джамаата. На самом же деле в исследуемое время ими больше пользовалась зажиточная часть джамаата. Выступая как собственник земли и юридическое лицо, джамаат влиял на своих членов как на относительно их частной собственности, о чем уже было сказано, так и по отношению к собственности самого джамаата. Общественная земля могла быть сдана в аренду или отчуждена по решению сельского схода, на котором решающее слово принадлежало сельской знати. Распоряжаясь общественными угодьями, лесами и прочими, джамаат ограничивал свободу действий своего члена.

Другим видом общественных земель в Каралале были земли, находившиеся в совместном пользовании нескольких джамаатов, входивших в союз- это были в основном пастбищные места и горы. «В Аварии мы сталкиваемся с необычайно интересным явлением, – отмечал Р.М. Магомедов,- связанным с пользованием землей. Здесь одной пастбищной территорией совместно владели несколько джамаатов» [6]. Земельные владения были распределены между отдельными селами неравномерно. Одни имели больше летних пастбищ, другие испытывали в них недостаток, одни имели свой лес, другие его не имели или имели в очень малом количестве и т.д. В результате этого между отдельными селами и сельскими обществами возникали конфликты из-за права владения и пользования общими землями, складывались отношения господства и подчинения.

Богатые и более крупные общества выступали в качестве своего рода коллективного феодала по отношению к мелким, слабым и малообеспеченным землями обществам, которые несли определённые повинности в пользу первых.

Ответственность за нарушение границ и правил пограничной пастьбы скота носил либо индивидуальный, либо общественный характер. Обычной мерой наказания был захват перешедшего границу скота. При нарушениях правил пограничной пастьбы имелся в виду не материальный урон, а прежде всего нарушение веками установившихся обычаев, запрещавшихся пользование чужими землями. Из-за этого часто происходили ссоры, нередко заканчивавшиеся драками и стычками [1].

Общественные земли оберегались от захвата, как частными лицами, так и соседними обществами.

Законодательное определение поземельных прав горских обществ оставалось без положительного разрешения до конца рассматриваемого периода, несмотря на неоднократные попытки.

В первой половине XIX века Кавказское начальство не могло предпринять ничего решительного в деле определения прав населения на владение землями. Распоряжения начальства о временном распределении земель между населением и решения по земельным вопросам не отличались последовательностью. Ещё более неразрешенным оставался этот вопрос в Каралале, как и в ряде других соседних союзов, поскольку до 1860 года он (союз) фактически не подчинялся и не был под контролем русской власти, а значит, не подвергался воздействию и контролю учреждавшихся до этого времени особых комитетов и комиссий по разрешению поземельного вопроса.

Серьёзное внимание урегулированию земельно-правовых отношений горцев уделял Шамиль в период движения горцев. Урегулировались вопросы раздела пастбищных гор между обществами. Земли принадлежавшие мечетям, мульки убитых на войне, если они не оставили прямых наследников, передавались в казну. Однако такое урегулирование и распределение вызывало недовольство многих горских обществ, нашедшее отражение в их многочисленных жалобах и прошениях в административные органы и на имя российского императора после покорения Дагестана.

Начиная с 1860 года, были предприняты ряд решительных мер по устройству поземельных отношений горских обществ. Большинство общественных земель к концу XIX века перешло в собственность государственной казны, и за пользование ими кре-

стьяне должны были платить подати. В казённую собственность в Каралале переходили в первую очередь покосы и леса.

Общественное землевладение фактически становилось лишь фикцией, прикрывавшей частновладельческую собственность на землю. Оно сделалось придатком частной собственности.

В 1890 году Военным Губернатором Дагестанской области генерал-лейтенантом Чавчавадзе был составлен особый временный Циркуляр о пользовании лесами сельскими обществами до установления особого порядка. Согласно этому Циркуляру, охрана общественных лесов поручалась специальным лесным сторожам, назначавшимся в необходимом количестве самими сельскими обществами. Отпуск леса для домашних нужд производился по решению сельского общества. Население сельских обществ могло пользоваться лесом также и для продажи, но не иначе, как по лесорубным билетам, которых нужно было приобретать в сельской администрации по установленной таксе.

Вырученные от продажи леса деньги поступали в пользу того сельского общества, которому принадлежал лес. За неблагоразумное, небережливое отношение к лесу сельское общество могло быть ограничено в правах пользования им. Такие же правила, и порядки устанавливались и по отношению к другим видам земельных угодий.

Однако, вводимые порядки и правила владения и пользования землями, носили временный характер и не отличались последовательностью. Кроме того, подсчёт, исчисление и учёт количества земельных угодий разными ведомствами и в разное время производились без контроля и далеко не точно. Земли не были размежеваны, из-за чего точное хозяйственное распределение различных земельных угодий в десятинах представлялось невозможным. Из-за отсутствия точных способов измерения площадей поверхности, пространство пахотных земель вычислялось количеством засеваемого зерна, сенокосов – числом вьюков скошенного сена, пастбищ – числом выпасываемого на них скота. Такой неточный и взаимоисключающий характер носят данные по Каралалу из материалов Посемейных списков 1886 года, изданные в «Своде статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья», Всероссийской сельскохозяйственной переписи, « Трудов Дагестанского Статистического

управления» и др. Это было засвидетельствовано также на совещании податных инспекторов Дагестанской области в 1890 г. Совещанием было выяснено, что исчисление количества земельных угодий в посемейных списках 1886 года было произведено далеко не точно, так как словесные показания о количестве земли не подвергались достаточной проверке, а производились в различных местностях различными способами; и что сведения о землях, извлеченных из донесений начальников округов Военному губернатору противоречат данным «Свода статистических данных…»

При этом не было выяснено действительное распределение земель на угодья и на категории по форме владения.

Литература:

1. Агларов М.А. Земледельческая округа «мегь» в Аварии в XVII-XIX вв. (Структура, планировка и общественный режим эксплуатации)// Быт сельского населения Дагестана (XIX-нач. XX вв.). Махачкала, 1981.С. 5.
2. История Дагестана. М. 1968. Т. 2.С. 53.
3. Далгат Б. Обычное право и родовой строй Дагестана // Рук. Фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1 Д. 22.Л.15.
4. Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX века. Махачкала. 1993. С.19.
5. Магомедов Д. М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV-XVIII вв.// Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII-нач. XIX в. Махачкала, 1981. С.32.
6. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. С.47.
7. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб,1871.Т. 1. Кн.1. С.35-36.

СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Амиргамзаева А.А.
Кафедра юридических дисциплин ДГУ
Филиал (Избербаш).

Современный период в силу различных подходов к движений в странах Европы проблема положения женщины в обществе и её статус становится серьёзной проблемой в современном обществе. Статус женщины в разных религиях представлен по – разному.

Распространено мнение, что былое относительно свободное положение кавказской женщины, в особенности горянки, резко ухудшилось с распространением ислама и укоренением шариата. В этом есть доля истины, но в целом дело обстоит намного сложнее.

Адаты в том виде, в котором они зафиксированы в ХУШ-Х1Х вв., при всех своих модификациях восходят к патриархальным порядкам распада первобытных и формирования примитивных классовых обществ, а следовательно, отражают их социальный строй и семейный быт. Как известно, это было время господства мужчины, ставшего основным добытчиком жизненных средств и собственником средств производства. Какой бы ни была степень участия женщины в трудовом процессе в стенах и за стенами дома, она считалась иждивенкой мужчины. Отсюда разительное ее неравенство с мужчиной в имущественном, наследственном и процессуальном обычном праве, а подчас и лишение ее этих прав.

По адатам, неполноправие женщины начиналось уже с ее вступления в брак. По обычаю гипогамии (брак с лицом более низкого статуса) у многих народов Кавказа женщине не полагалось вступать в брак с вышестоящим мужчиной, иначе потомство считалось неполноценным. За женщину в обязательном порядке вносился брачный выкуп. Практика брачного выкупа влекла за собой многочисленные последствия. Если родители при выборе

невесты еще могли посчитаться с желанием юноши, то с желанием девушки, как правило, не считались.

Существовали преднатальный (дородовой) и колыбельный сговор, а также сговор малолетних – все это давало возможность растянуть во времени уплату брачного выкупа. Получил развитие обменный брак. Те же цели преследовали левират (брак с вдовой умершего брата) и сорорат (брак с сестрой умершей жены).

В этих случаях раз заплаченный брачный выкуп не уходил из семьи или не должен был уплачиваться снова. Одним из последствий брачного выкупа было умыкание девушек без их согласия или без согласия их родни. Существовали и другие издержки брачного выкупа: богатые старики женились на молодых девушках или за малолетнего сына брали взрослую девушку, чтобы в доме была работница Прибегали и к многоженству, главным образом при нетрудоспособности или бездетности жены. Адаты ущемляли имущественные и наследственные права женщины. По обычному праву все семейное имущество делилось на две части: общесемейное и личное имущество членов семьи. Общесемейными были земля, основная масса скота, сельскохозяйственный двор, жилые постройки, домашний хозяйственный инвентарь, транспорт и т.п. В большой семье это равным образом касалось имущества наследственного и благоприобретенного, в том числе приобретенного на сторонние заработки членов семьи. Пользовались им уравнительно. Личное имущество членов семьи приобреталось путем наследования, дарения или находки. Это были прежде всего предметы личного пользования: у мужчин – одежда, оружие (кроме особо ценимого фамильного), нередко также верховой конь с убранством, музыкальные инструменты, подчас несколько голов скота; у женщин – также одежда, украшения, подаренный им скот. Однако женщины имели право на свое приданое, которое состояло из одежды невесты, предметов домашней утвари, а также включало скот или деньги, изредка – участок земли. Сюда же относились так называемые сверхприданныевещи, состоящие из подарков жениха и гостей на свадьбе.

Казалось бы, что имущество женщины было больше, чем имущество мужчины. Но так обстояло дело только формально. Например, домашняя утварь фактически поступала в общесемейную собственность, а из приданого женщине оставалась только одежда и украшения. Скотом, даже если он был частью приданого, распоряжалсяглава семьи – мужчина. Кроме того, поскольку

скот выпасали мужчины, им шла часть приплода, а то и весь приплод. Главное же состояло в том, что женщина, в отличие от мужчины, не имела долив общесемейной собственности.

Об этом свидетельствуют семейные выделы и разделы. Как пишет кабардинский исследователь Х.М.Думанов, "в дележе наследственного имущества участвовали только мужчины".Заметим, что это была общекавказская обычноправовая норма. Предполагалось, что невестки должны довольствоваться своим приданым, мать же и дочери переходили на обеспечение отца, а чаще одного из братьев, которым в данном случае давалось что-нибудь из общесемейного имущества. Норма эта была настолько непреложна, что даже при отсутствии прямых наследников-мужчин женщины не наследовали. На всем Северном Кавказе по адатам "по пресечении мужского колена в одной из линий какой-либо фамилии недвижимое имущество, не переходя в женское колено, возвращается в мужское поколение другой линии". Надо, однако отметить, что в XIX в. этого правила строго придерживались только в высших сословиях, не желавших допустить дробления земли.[1]

Что касается личных прав женщины, то глава дома – мужчина властвовал над нею так же, как над детьми. Хотя у народов Кавказа считалось постыдным поднять руку на женщину, серьезные проступки составляли исключение из этого правила. По обычному праву адыгов и многих других народов Кавказского региона, за нарушение супружеской верности мужу не возбранялось убить или изувечить жену, хотя возможность мести со стороны ее родственников делала такие поступки нечастыми. Развод – оправданный или неоправданный фактически был прерогативой мужчины, хотя здесь ему подчас приходилось остерегаться родни жены. Случалось, что мать семейства становилась главой дома, играя роль объединительницы стремившихся разделиться сыновей, но и в этом случае ее власть была несравнимой с властью мужчины. Обычно ей приходилось делить свои прерогативы со старшим сыном, который руководил мужской частью семьи и представлял последнюю вне дома. По-видимому, единственным

[1] Коран …С 45/67

исключением в этом отношении были армяне, о которых сообщалось, что женщина – глава семьи имела право голоса на сельском сходе.

Адаты ущемляли женщину и в процессуальных правах. У одних народов она вообще не допускалась к судоговорению, а ее интересы защищали родственники-мужчины, у других – свидетельство двух женщин приравнивалось к одному мужскому свидетельству.

В раннем средневековье в Закавказье стало приникать византийское культурное влияние, в том числе влияние Свода законов Юстиниана. Византийское право также было далеко от признания равенства мужчины и женщины. Но оно было заинтересовано в нормальных демографических процессах, в пресечении самоуправства и произвола. Поэтому главе семейства разрешалось прогонять, но не калечить жену, лишать наследства, но не убивать детей. Таким образом, положение закавказской христианки, оставаясь далеким от равноправия, все же юридически улучшалось.

Был регламентирован минимальный брачный возраст девушек. Например, у армян разрешалось сватать девушку не ранее 13 лет. Запрещалось колыбельное обручение или сходные с ним формы брачного сговора несовершеннолетних. Церковное венчание требовало согласия на брак не только жениха, но и невесты. Формально был отменен брачный выкуп, приданое же сохранялось. Закавказское христианское законодательство предписывало повиновение жены мужу. Верховенство мужчины наиболее ярко проявлялось в бракоразводных нормах. Вообще, развод считался большим грехом и мог быть допущен лишь в исключительных случаях. Совершался он, например, у армян в двух формах: либо у епископа, либо, по воле мужа, посредством написания им "разводного письма".

Итак, можно констатировать, что инициированное Сводом Юстиниана средневековое армянское и грузинское законодательство по отношению к женщине во многом было более гуманным, чем обычное право. Но с ним считались только в городах и их ближайших окрестностях, основная же масса крестьянства по-

прежнему признавал*[1] лишь местное обычное право. В отличие от адатов, шариат формально не требовал изогамии (браков между людьми одного социального статуса), так как согласно Коран) все равны перед Богом.

Зато мусульманское право запрещало браки мусульман с иноверцами, к чему адаты относились нейтрально.

Оно могло быть дано непосредственно или через представителей бра чующихся – вали. Однако эта норма проводилась в жизнь не всегда последовательно: духовенство закрывало глаза на нередкие случаи принуждения девушек к браку их родителями или опекунами. Известен случай, когда суд санкционировал право отца распорядиться дочерью "несмотря на ее сопротивление". Похищение невест шариат запретил, но эта норма привилась слабо.

Шариат сыграл положительную роль в регламентации брачного выкупа: выкуп должен платиться не семье невесты, а ей самой как ее обеспечение на случай вдовства или развода по инициативе мужа. Однако и здесь шариатская норма вошла в противоречие с обычноправовым предписанием. В результате почти у всех кавказских мусульман возник компромисс: часть выкупа (калым) выплачивалась семье, другая часть (кебин) -самой невесте.

Шариат освятил право женщины на личную собственность ("мужчинам– доля из того, что они приобрели, а женщинам – доля из того, что они приобрели" – Коран, 4, 36) и предоставил ей, хотя и ущемленное, право на общесемейную собственность, в том числе земельную.[2] Шариат допускает разные толкования, но в общих чертах он рассматривает женщину как наследницу в половинной доле.К примеру, жена после смерти мужа получает от восьмой до четвертой части наследства (в зависимости от наличия детей и внуков), мать при тех же обстоятельствах – от шестой части до трети, единственная дочь или внучка – половину, несколько дочерей или внучек – половину и т.д. На деле нормам наследования по шариату часто приходилось бороться с обычноправовыми нормами.Так, даже у таких давних мусульман, как азербайджанцы, дочери беспрепятственно получали свою долю

---

[1] Дигесты Юстиниана М . Наука 1968 С. 31

[2] Коран 3 б5

движимости, но недвижимое имущество доставалось им только при отсутствии сыновей.Женщины из высших сословий или их родня нередко возбуждали судебные иски в разделе наследства не по адатам, а по шариату или по законам Российской империи.

В результате администрация стала повсеместно предлагать, чтобы сами наследники выбирали тот или другой принцип наследования, и переплетение адатов, шариата и российских законов расширило практику такой компромиссной формы, как маслагат – миролюбивой сделки, соглашения между сторонами.

У части народов региона шариат несколько улучшил положение женщины при разводе. Там, где прежде бракоразводная инициатива женщины вообще не допускалась (например, ингуши),- теперь она была юридически разрешена. Упорядочение и расширение имущественных прав женщины почти повсеместно ограничило бракоразводный произвол мужчины. Муж, отпуская женубез серьезных на то причин, должен вернуть ей кебин и приданое, что не всегда было для него легко. Кроме того, шариатом установлен определенный срок (от полугода до года), по истечении которого развод считается окончательным. Это дает инициатору расторжения брака время одуматься под влиянием родни и общины, в принципе осуждавших распад семей. Словом, и здесь шариат, не ставя мужчину и женщин в равное положение, до некоторой степени нивелировал неравенство полов.

С полным вхождением Кавказа в состав Российской империи регион подпал под имперскую юрисдикцию. В 1830 г. Указом Николая 1 на христиан Закавказья формально распространилось общеимперское законодательство, но фактически дело свелось к признанию законов МхитараГоша и Вахтанга VI. Мусульманскому населению предоставлялась возможность руководствоваться шариатом, но не во всех сферах правовой жизни. Уголовные нормы шариата (отсечение руки за воровство, побиение камнями женщин за прелюбодеяние и др.) были заменены российским законодательством. Однако гражданские и брачно-семейные нормы за немногими изъятиями (в основном связанными с умыканием невест) сохранились. Постепенно обычное право вытеснялось армяно-грузинским законодательством, шариатом и российскими правовыми нормами. Характерно, что у христиан-

ских народов Закавказья этот процесс шел быстрее и менее болезненно, чем у мусульманских народов региона.

Совсем другая ситуация возникла с установлением на Кавказе Советской власти. Народные обычаи и конфессиональные традиции, а также связанные с ними правовые нормы ломались решительно и без раздумий. На Северном Кавказе уже в 1927 г. были запрещены шариатские суды, годом позже – суды медиаторов, рассматривавшие дела по адатам. Естественно, что в это время большинство традиций, ставших правонарушениями, приобрело скрытый характер. Это относится прежде всего к брачному выкупу. На рубеже 20-х и 30-х голов Черкесская областная прокуратура сообщала в краевой центр: "Такой формы, которая существовала раньше, когда к каждой горской девушке-невесте был чуть ли не подвешен ярлык с обозначением ее стоимости... в данное время нет. Соглашение о калыме производится тайно и тайно же уплачивается". Выкуп теперь чаще платил» деньгами – так было легче скрыть его от посторонних глаз. Другая распространившаяся в это время форма, – замещение калыма и кебинакрупным брачным залогом, а также ценным» свадебными подарками невесте (осетины, горные грузины, армяне и др.). Брак с девушками, не достигшими минимального брачного возраста, не регистрировался до их совершеннолетия или же регистрировался в тех республиках, где этот возраст был официально ниже. Из-за гонений на религию и духовенство возник своего рода вакуум легальной брачности: религиозное оформление женитьб и замужеств почти прекратилось, а к гражданскому оформлению население прибегало далеко не во всех случаях. Продолжалось, хотя и намного реже, умыкание невест, которое воспринималось как местный обычай, и поэтому далеко не каждый обращался в органы правопорядка. Да и к вырванной у похитителя девушке сохранялось предубеждение (у карачаевцев, например, ее награждают презрительным прозвищем "волоченной"), и ей нелегко выйти замуж. Поэтому нередки были случаи, когда сами похищенные и их родня заминали дело.[1]

---

[1] Магомедов Р.М Маслиат парадигмы жизни // Маслиат. № 24.06.1998

Предоставленным женщине имущественным и наследственным равноправием она (в особенности в сельской местности) пользовалась чаще всего при разводах. При этом инициатива обращения к новым законам, как правило, принадлежала не самой женщине, а ее родне.

Такое положение удерживалось в основном до 1960-х годов, когда произошла определенная либерализация общественно-политической жизни. По данным этносоциологического обследования середины 70-х годов, около половины сельских балкарцев ответили, что они платили за невесту. Сходные данные имеются по народам Дагестана и азербайджанцам.

С началом перестройки ситуация изменилась существенным образом. С одной стороны, усилилась тяга к возрождению народных бытовых традиций, нередко сливающаяся с ренессансом конфессионального менталитета, в частности запрещенных в прошлом предписаний шариата. С другой стороны, у властей появились более серьезные проблемы, чем вмешательство в сферу брачно-семейных обычаев. Брачный выкуп и замужество девушек, год-другой не дотянувших до минимального возраста вступления в брак, фактически перестали рассматриваться как противоправные деяния. В парламенте Чечни был поставлен вопрос о легализации многоженства, и предложение не прошло только двумя голосами.

КРОВНАЯ МЕСТЬ И ПРИМИРЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА.

Агаева Р.Д.
Каф.юридических
дисциплин ДГУ (Избербаш).

В своей статье, я хотела бы раскрыть вопрос кровной мести, а так же примирения в Дагестане, во все времена. Человеческое общество в течение всей своей истории всегда находили разнообразные формы разрешения конфликтных ситуаций, наиболее показательным является – кровная месть ,где примирение является

логическим завершением мести.Безусловно, примирение было представлено по-разному.

В современном Дагестане создана комиссия по адаптации боевиков ,а в Чечне комиссия по примирению. Рассмотрим проблемы мести в дореволюционном Дагестане.

Взаимные обязанности помощи, защиты и мщения за обиды составляют одну из важных черт родового строя. "...Безопасность индивида зависела от его рода; ...родственные узы были могущественными элементом взаимной поддержки...Нанести обиду кому-либо значило нанести обиду его роду и оказать помощь кому-либо значило вступиться за него совместно со всеми его родичами", – писал Л. Г. Морган, характеризуя ирокезский род[1].

Именно из кровных уз рода возникла по Ф. Энгельсу обязанность кровной мести. "Если члена рода убивал кто-нибудь из чужого рода, весь род убитого был обязан ответить кровной местью"[2].

Кровная месть в Дагестане во П половине XIX – начале XX вв. не имела ничего общего с кровной родовой местью, которая применялась при нанесении ущерба единому коллективу родственников. Она, как отмечали очевидцы , была широко распространена в научаемое время, но характер ее совершенно изменился.

Кровная месть как явление общественной казни, хотя специально в ней исследовалась, вызывала значительный интерес у авторов П половины XIX – начала XI вв.

Особое место в этом отношении в дореволюционной литературе принадлежит выдающемуся историку, этнографу, правоведу М. Ковалевскому предметом исследований которого являлось как обычное право в частности так и общественный строй дагестанских народов в целом. Несмотря на то, что М. Ковалевским был допущен ряд ошибочных выводов относительно существующих по его мнению в рассматриваемое нами время на Кавказе родовых отношений значение его труда огромно.

Большой фактический материал по интересующему нас вопросу собрал и опубликовал начальник Среднего Дагестана генерал А. В Комаров.

Попутно этой темы касались и другие дореволюционные авторы.

---

[1] Морган Л.Г., Древнее общество, Л., 1964, стр 46.

[2] Маркс К. и. Энгельс Ф. Соч., т.21, стр 89.

Советские историки и этнографы в своих грудах, посвященных исследованию отдельных народов, а также общественному строю всех дагестанских народов, уделили внимание и изучению института кровной мести. Среди них следует отметить прежде всего исследования М.О. Косвена[1], С.Щ. Гаджиевой[2], Р. М. Магомедова[3], Х.-М. Хашаева и других.

В данной работе сделана попытка охарактеризовать институт кровной мести П половины XIX – начала XX в с точки зрения влияния на него двух факторов – обычного права и русской администрации. Подобная постановка вопроса и определила основной круг источников, использованных нами при написаний статьи, – это некоторые издания адатов и документы царской администрации. В работе частично затрагивается вопрос о мероприятиях Шамиля, имеющих отношение к кровной мести.

В отчете начальнику Дагестанской области за 1865 год начальник Северного Дагестана писал: "…мщение за кровь считается в Дагестане одною из самых священнейших обязанностей близких родных убитого; чувство мести до того еще сильно в народе, что несмотря на строгое воспрещение кровомщения и наказание нарушителей этого воспрещения ссылкою в Россию, случаи, в которых здешние жители жертвуют свободою для удовлетворения чувства мести, бывают нередки.

Множество дел по дракам, по ранениям, а в особенности по кровомщению решалось по свидетельству Беккера в Касумкентском доме окружного управления, где помещался и суд.

О широком распространении в Дагестане кровной мести свидетельствует и тот факт, что зал Дагестанского народного суда в Темир-Хан- Шуре в той его части, которая предназначена для свидетелей, разделен был на – двое досчатой перегородкой, в которой имелась дверь. При слушании дела о преступлении, требующей кровной нести, эта дверь наглухо запиралась, чтобы месть не была осуществлена прямо на суде. Таким образом свидетели-родственники убитого и убийцы были разделены перегородкой. Эта часть помещения суда называлась "кровником", по адату кровомщение полагалось за убийство, изнасилование женщины, прелюбодеяние с замужней женщиной, мужеложество с насилием. Однако на практике, в повседневном быту, рамки дей-

---

Косвен.М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

[2] Гаджиева С.Ш.. Кумыки. М., 1961.

[3] Магомедов Р.М.. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-нач. XIX вв. Махачкала, 1957; его же. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971.

ствия кровной мести по существу были безграничны. Малейшее оскорбление влекло за собой убийство, а последнее – месть.

Поводом для кровопролития могло послужить нечаянное прикосновение мужчины к лицу, руке или даже к платью женщины, что считалось бесчестьем для нее и позором для ее родителей[1]. Такое "оскорбление" редко прощалось. Иногда подобные "дотрагивания" практиковались и с определенной целью отомстить жениху, отцу, брату девушки.

Поводы для убийств и других преступлений, влекущих за собой кровную месть, иногда бывали совсем пустяковые, а кровная месть, к которой они приводили, захватывала несколько поколений людей и длилась многие годы. Один из таких типичных случаев нашел отражение в сатирической лакской сказке, в которой рассказывается о том, как охотник нашел в горах пчел, собрал торбу меду и принес его лавочнику. Когда лавочник пробовал мед, капля упала на землю. Муха слизала ее ласка, принадлежащая лавочнику съела муху, собака охотника загрызла ласку, лавочник убил собаку, а охотник – лавочника. Тогда к месту происшествия пришли родичи охотника и лавочника; началась кровавая схватка, в которой погибло множество людей.

А. Руновский со слов Шамиля писал, что для возбуждения кровной мести не обязательно было совершить тяжкое преступление, "поводом к убийству и к прямому его следствию – к кровомщению, могли служить... самая ничтожная брань, самое малое воровство, как например воровство курицы".

Женская честь и ее сохранность были дороги для всех горцев, поэтому всякое покушение на нее являлось одним из главных поводов для кровной мести. "Ежегодно сотни трупов, – писал В.С. Кривенко, – свидетельствовали о проявлениях ревности и желании сохранить в чистоте супружеское ложе. Мстителями за поруганную честь являлись мужья, братья, сыновья и другие родственники. Бывали случаи, что 12-летние мальчики поднимали оружие и убивали оскорбителей материнской чести. Чаще всего поводами для убийств, а следовательно и для кровной мести являлись поземельные пастбищные и вообще имущественные споры.

Кровная месть уносила в могилу массу людей. Это были ничем неоправданные жертвы. Особенно нежелательны такого рода людские потери были во время войны горцев под предводительством Шамиля против царизма. Поэтому Шамиль начал предпринимать некоторые меры для ограничения кровной мести. Сберегая народ для войны, Шамиль стремился цену крови заменить де-

[1] Магомедов Р.М.. Дагестан. Исторические этюды, стр. 250.

нежной пеней и примирением кровников но хотя это не всегда удавалось.

Следующей мерой Шамиля по частям реформ в области кровомщения был запрет кровомстителям обращать свою месть на родственников убийцы, теперь кровью за кровь отвечал именно тот, кто ее пролил, неисполнители этого приказа Шамиля объявлялись ослушниками против Корана, а следовательно подвергались смертной казни.

Шамиль лишил убийц возможности укрываться в селениях, входивших в имамат. Он завел порядок, по которому всякий горец отправляясь из своего наибства в соседнее, должен был получить от своего наиба билет, удостоверяющий его личность в указывающий цель выезда и срок. Убийца, не имея на руках такого документа не имел возможности заехать в какой-нибудь населенный пункт, так как это грозило ему быстрейшим раскрытием и расправой. "Эта последняя мера и была тем невиданным до сих пор врагом, которого убийца встречал везде где ни появлялся"[1].

Кроме того Шамиль запретил разрушать недвижимость имущества, что предписывалось адатами некоторых обществ, из сказанного можно заключить, что Шамиль не мог да и не стремился полностью покончить с кровной местью, он лишь предпринял некоторые меры по ее ограничению, поскольку это сказывалось на ходе военных действий. Отвергнув адат, борясь за его искоренение, он в рвении всех вопросов и в частности вопросов кровной мести, опирался на Шариат, вернее, на свои "низамы", составленные на основании шариата с учетом потребностей страны. При этом преследовалась не только цель, указанная выше, но и необходимость как-то унифицировать разбирательство дел по убийствам, так как каждое село в этом отношении придерживалось своего обычая.

Кровная месть – древний обычай, возникший в родоплеменном строе, и сохранившаяся по сей день у некоторых народов.

В настоящее время кровную месть иногда применяют в Чечне и в Дагестане. У каждого народа правила мщения понемножку отличались друг от друга, но основным принципом было отомстить за убитого родственника. У одних считалось достаточным убить одного из представителей семьи обидчика, у других кровная месть должна была продолжаться до тех пор, пока число убитых не сравняется.

---

[1] АКАК, т.12, стр.1428.

Обычно кровная месть применялась по отношению к убийцам, насильникам, и лицам совершивших другие тяжкие преступления. Так же наказывалось прелюбодеяние с замужней женщиной (руки провинившегося привязывали к ногам и бросали в яму, после чего мужчины прибивали его камнями, такое же наказание было для женщин). Общины горцев старались регулировать наиболее архаичные правовые нормы. Особенно это касалось кровной мести которая могла привести к взаимному уничтожению враждующих тухумов. В советское время применялись различные меры для предотвращения кровной мести. Так сторона, отказывающаяся от примирения, могла быть привлечена к уголовной ответственности путем лишения свободы на срок до двух лет и проведением воспитательных мер. Примерный обряд примирения кровников заключался в следующем. Родственники убитого собирались все вместе в назначенный день. Старики, кадий приводили убийцу и ставили его вдали от родственников убитого, так, чтобы можно лишь рассмотреть его лицо. Кадий становился посередине и молился о примирении враждующих, оканчивая молитву чтением фатихи, которую повторяли за ним и примиряющиеся. По окончании молитвы, кадий вытирал лицо руками в знак благодарности богу за ниспосланный мир. После этого прощения все родственники убитого приглашались на угощение. Как только подходили к дверям дома, где предполагалось угощение, убийца с обнаженною головою падал на землю и не вставал до тех пор, пока ближайший родственник не скажет ему: «встань, мы простили тебя». Присутствующие должны были поднять его. Во время угощения прощенный канлы стоял без папахи и пил из одной чашки с родственниками убитого. По окончании угощения, родственники убитого возвращались домой. У ворот стояла заранее приготовленная лошадь, оседланная и обвешанная оружием. Ближайший родственник убитого брал лошадь и раздавал оружие остальным своим родственникам. Женщины семейства убитого получали в подарок отрез шелкового материала на платье[1].

В наше время от былого обычая кровомщения мало что осталось, но все таки время от времени где-то он дает о себе знать. Если бы нам удалось полностью изжить этот дикий обычай, это было бы большим народным счастьем.

Кровная месть в Чечне выполнялась следующим образом: При убийстве кого-либо из членов родовой общины сразу же собирался совет старейшин погибшего, в этот совет входили и близкие родственники убитого. После выяснения обстоятельств и причин убийства старейшины принимали решение об отмщении за пострадавшего.

Род преступника так же собирал свой совет старейшин, который искал пути примирения с родом убитого. Очень часто обе стороны не находили компромисса. Поэтому их старались мерить нейтральные семьи, которые не имели отношения к враждующим. Они собирали совет всего племени и предлагали условия для примирения.

---

[1] Гаджиева С.Ш. Указ. соч., с.86.

Итак кровная месть – является видом мести, возникающий на почве личных отношений. Кровная месть в Дагестане была очень широко распространена, кровная месть при убийстве выступает как обычай, пережиток прошлого, в силу которого родственники убитого или лицо, считающее себя обиженным, обязаны или "вправе" лишить жизни обидчика. Она представляется им как справедливое возмездие за причиненное зло. В силу того что кровная месть была очень распространена и ее наступление не зависело от тяжести преступления, т.е. поводом для кровной мести могло послужить самое малое воровство, как например воровство курицы. Кровная месть уносила в могилу массу людей. Это были ничем неоправданные жертвы. Нередко кровная месть тянулась годами и это приводило к истреблению целых фамилий и тейпов. Шамиль не стремился полностью покончить с кровной местью, он лишь предпринял некоторые меры по ее ограничению, поскольку это сказывалось на ходе военных действий. Конечно,кровная месть в наше время не так актуальна, как это было раньше в Дагестане, но и сейчас это явление иногда присутствует и в наше время.

ПОЛОЖЕНИЕ И СТАТУС ЖЕНЩИНЫ ПО АДАТУ И ШАРИАТУ.

Исмаилова С.Ш.
Кафедра юридических дисциплин
ДГУ Филиал г.Избербаш

Развитие социально-экономической и политико-конфессиональной жизни современного Дагестана показывает о возрождении традиционных институтов, в том числе ислама,о чем отражено в трудах современных ученых.[1] В этом плане интересным кажется статус положения женщины по адату и шариату, что легло в основу моей статьи.

[1] http://www.famous-scientists.ru/7915/

Однозначно в Дагестане отношение к женщине не только по исламу, но и по адату было разным. Обратим внимание на положение женщины по адату

Распространено мнение, что былое относительно свободное положение кавказской женщины, в особенности горянки, резко ухудшилось с распространением ислама и укоренением шариата. В этом есть доля истины, но в целом дело обстоит намного сложнее.

Адаты в том виде, в котором они зафиксированы в ХУШ-Х1Х вв., при всех своих модификациях восходят к патриархальным порядкам распада первобытных и формирования примитивных классовых обществ, а следовательно, отражают их социальный строй и семейный быт. Как известно, это было время господства мужчины, ставшего основным добытчиком жизненных средств и собственником средств производства. Какой бы ни была степень участия женщины в трудовом процессе в стенах и за стенами дома, она считалась иждивенкой мужчины. Отсюда разительное ее неравенство с мужчиной в имущественном, наследственном и процессуальном обычном праве, а подчас и лишение ее этих прав.

По адатам, неполноправие женщины начиналось уже с ее вступления в брак. По обычаю гипогамии (брак с лицом более низкого статуса) у многих народов Кавказа женщине не полагалось вступать в брак с вышестоящим мужчиной, иначе потомство считалось неполноценным. За женщину в обязательном порядке вносился брачный выкуп. Он поступал родителям и ближайшей родне или опекунам невесты. В чистом виде такой выкуп сохранился у кавказских христиан – армян, грузин (преимущественно горных), осетин. Исследовательница семейного быта армян Э.Т. Карапетян приводит слова одного из современников: "Крестьянин продает свою дочь в полном смысле этого слова, продает так, как свою лошадь, вола, т.е. отдает тому, кто больше денег даст за нее". Правда, повсеместно существовал и встречный платеж – приданое, но по обычному праву оно, в отличие от брачного выкупа, не было регламентировано и могло быть меньше платы за невесту Однако много столетий назад приданое вошло в традицию, и постепенно распространилось убеждение, что оно является чем-то вроде эквивалента брачного выку-

па. В 1870 г. одна из жительниц селения Нальчикское жаловалась начальнику Кабардинского округа: "Отец мой Палуан Карданов выдал меня замуж за на стоящего мужа моего Уважуко Батова, от которого и требует за меня калым в 100 руб., но я не желаю отдавать ему такового, так как он не содержал меня в своем доме и не справлял никакой одежды..."Практика брачного выкупа влекла за собой многочисленные последствия. Если родители при выборе невесты еще могли посчитаться с желанием юноши, то с желанием девушки, как правило, не считались. Существовали преднатальный (дородовой) и колыбельный сговор, а также сговор малолетних – все это давало возможность растянуть во времени уплату брачного выкупа.Получил развитие обменный брак. Те же цели преследовали левират (брак с вдовой умершего брата) и сорорат (брак с сестрой умершей жены).

В этих случаях раз, заплаченный брачный выкуп не уходил из семьи или не должен был уплачиваться снова. Одним из последствий брачного выкупа было умыкание девушек без их согласия или без согласия их родни. Адаты, рассматривавшие девушек как собственность их семей, не видели разницы между двумя названными видами умыкания. Так, в 1890 г. доверенные от девяти сельских обществ Малой Кабарды, обсудив вопрос об увозе девушек "без их родителей, родственников или опекунов, не платя калыма", постановили: "За увоз недосватанной девицы, заявит ли она о том, что сама согласилась на увоз, или не заявит о том, и пожелает ли выйти за него в замужество или не пожелает... подвергать денежному штрафу жениха (похитителя) в размере двухсот рублей и удалению из общества на три года". Хотя при этом могла возникнуть кровная месть или, как мы видели, грозил немалый штраф, малоимущим людям приходилось идти на риск. У адыгов, по свидетельству Н.Ф. Дубровина, если жених был не в состоянии уплатить большой выкуп, он прибегал к умыканию, так как похищенная считалась опозоренной и ее родственники соглашались на меньший платеж. Существовали и другие издержки брачного выкупа: богатые старики женились на молодых девушках или за малолетнего сына брали взрослую девушку, чтобы в доме была работница Прибегали и к многоженству, главным образом при нетрудоспособности или бездетности жены.

Адаты ущемляли имущественные и наследственные права женщины. По обычному праву все семейное имущество делилось на две части: общесемейное и личное имущество членов семьи. Общесемейными были земля, основная масса скота, сельскохозяйственный двор, жилые постройки, домашний хозяйственный инвентарь, транспорт и т.п. В большой семье это равным образом касалось имущества наследственного и благоприобретенного, в том числе приобретенного на сторонние заработки членов семьи. Пользовались им уравнительно. Личное имущество членов семьи приобреталось путем наследования, дарения или находки. Это были прежде всего предметы личного пользования: у мужчин – одежда, оружие (кроме особо ценимого фамильного), нередко также верховой конь с убранством, музыкальные инструменты, подчас несколько голов скота; у женщин -также одежда, украшения, подаренный им скот. Однако женщины имели право на свое приданое, которое состояло из одежды невесты, предметов домашней утвари, а также включало скот или деньги, изредка – участок земли. Сюда же относились так называемые сверх приданные вещи, состоящие из подарков жениха и гостей на свадьбе. Казалось бы, что имущество женщины было больше, чем имущество мужчины. Но так обстояло дело только формально. Например, домашняя утварь фактически поступала в общесемейную собственность, а из приданого женщине оставалась только одежда и украшения.

Скотом, даже если он был частью приданого, распоряжался глава семьи – мужчина.

Кроме того, поскольку скот выпасали мужчины, им шла часть приплода, а то и весь приплод.

Главное же [4] состояло в том, что женщина, в отличие от мужчины, не имела доли в общесемейной собственности. Об этом свидетельствуют семейные выделы и разделы.

Как пишет кабардинский исследователь Х.М. Думанов, "в дележе наследственного имущества участвовали только мужчи-

---

[4] Коран …С 45/67

5Там же..С 78

6Там же С .90

ны". Заметим, что это была общекавказская обычноправовая норма.

Предполагалось, что невестки должны довольствоваться своим приданым, мать же и дочери переходили на обеспечение отца, а чаще одного из братьев, которым в данном случае давалось что-нибудь из общесемейного имущества.

Норма эта была настолько непреложна, что даже при отсутствии прямых наследников-мужчин женщины не наследовали

. На всем Северном Кавказе по адатам "по пресечении мужского колена в одной из линий какой-либо фамилии недвижимое имущество, не переходя в женское колено, возвращается в мужское поколение другой линии" .

Надо, однако отметить, что в XIX в. этого правила строго придерживались только в высших сословиях, не желавших допустить дробления земли.

Что касается личных прав женщины, то глава дома – мужчина властвовал над нею так же, как над детьми.

Хотя у народов Кавказа считалось постыдным поднять руку на женщину, серьезные проступки составляли исключение из этого правила.

По обычному праву адыгов и многих других народов Кавказского региона, за нарушение супружеской верности мужу не возбранялось убить или изувечить жену, хотя возможность мести со стороны ее родственников делала такие поступки нечастыми .

Развод – оправданный или неоправданный фактически был прерогативой мужчины, хотя здесь ему подчас приходилось остерегаться родни жены. Адаты ущемляли женщину и в процессуальных правах.

У одних народов она вообще не допускалась к судоговорению, а ее интересы защищали родственники-мужчины, у других – свидетельство двух женщин приравнивалось к одному мужскому свидетельству.

Теперь рассмотрим положение женщины по шариату

Сходным образом и в то же время несколько иначе, чем с христианским правом, обстояло дело с шариатом. Шариат, несмотря на свою генетическую близость арабским адатам, представляет собой своего рода мо-нонорматику, так как содержит не всегда расчлененные правовые нормы. нравственные максимы и

даже этикетные пред писания. Это сделало шариат всепроникающим поведенческим кодексом. Адатам тех народов, которые приняли ислам, было труднее противостоять шариату, чем адатам других народов – христианскому праву. И все же они противостояли.

Вплоть до первой четверти XX в. в одних областях жизни (и слоях населения) действовали адаты. в других – шариат, в иных – смещение того и другого, часто по выбору заинтересованных сторон Применительно к положению кавказской мусульманки шариат играл двойственную, но, видимо, в большей степени положительную, чем отрицательную роль.

Некоторые положения шариата сразу же отпадали как неприменимые в местных условиях Таков, в частности, установленный в более жарком климате и при более раннем физическом созревании минимальный брачный возраст в 12 и 9 лет (при наличии признаков половой зрелости) соответственно для лиц мужского и женского пола. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., на всем Кавказе сверхранних женитьб практически не было, а сверхранних замужеств (в возрасте 10-12 лет) насчитывалось 0.1% . Более всего их было у ставропольских ногайцев и у азербайджанцев.

В отличие от адатов, шариат формально не требовал изогамии (браков между людьми одного социального статуса), так как согласно Коран) все равны перед Богом. Зато мусульманское право запрещало браки мусульман с иноверцами, к чему адаты относились нейтрально.

Оно могло быть дано непосредственно или через представителей бра чующихся – вали. Однако эта норма проводилась в жизнь не всегда последовательно: духовенство закрывало глаза на нередкие случаи принуждения девушек к браку их родителями или опекунами. Известен случай, когда суд санкционировал право отца распорядиться дочерью "несмотря на ее сопротивление". Похищение невест шариат запретил, но эта норма привилась слабо.

Шариат сыграл положительную роль в регламентации брачного выкупа: выкуп должен платиться не семье невесты, а ей самой как ее обеспечение на случай вдовства или развода по инициативе мужа. Однако и здесь шариатская норма вошла в проти-

воречие с обычно правовым предписанием. В результате почти у всех кавказских мусульман возник компромисс: часть выкупа (калым) выплачивалась семье, другая часть (кебин) -самой невесте.

Шариат освятил право женщины на личную собственность ("мужчинам – доля из того, что приобрели, а женщинам – доля из того, что они , приобрели " – Коран, 4, 36) и предоставил ей, хотя и ущемленное, право на общесемейную собственность, в том числе земельную. Шариат допускает разные толкования, но в общих чертах он рассматривает женщину как наследницу в половинной доле. К примеру, жена после смерти мужа получает от восьмой до четвертой части наследства (в зависимости от наличия детей и внуков), мать при тех же обстоятельствах – от шестой части до трети, единственная дочь или внучка – половину, несколько дочерей или внучек – половину и т.д. На деле нормам наследования по шариату часто приходилось бороться с обычноправовыми нормами. Так, даже у таких давних мусульман, как азербайджанцы, дочери беспрепятственно получали свою долю движимости, но недвижимое имущество доставалось им только при отсутствии сыновей.[1] Женщины из высших сословий или их родня нередко возбуждали судебные иски в разделе наследства не по адатам, а по шариату или по законам Российской империи. В результате администрация стала повсеместно предлагать, чтобы сами наследники выбирали тот или другой принцип наследования, и переплетение адатов, шариата и российских законов расширило практику такой компромиссной формы, как маслагат - миролюбивой сделки, соглашения между сторонами.

У части народов региона шариат несколько улучшил положение женщины при разводе. Там, где прежде бракоразводная инициатива женщины вообще не допускалась (например, ингуши),- теперь она была юридически разрешена. Упорядочение и расширение имущественных прав женщины почти повсеместно ограничило бракоразводный произвол мужчины. Муж, отпуская женубез серьезных на то причин, должен вернуть ей кебин и приданое, что не всегда было для него легко. Кроме того, шариатом установлен определенный срок (от полугода до года), по истечении

[1] Коран 3 б5

которого развод считается окончательным. Это дает инициатору расторжения брака время одуматься под влиянием родни и общины, в принципе осуждавших распад семей. Словом, и здесь шариат, не ставя мужчину и женщин в равное положение, до некоторой степени нивелировал неравенство полов. »

В чем состояло отрицательное воздействие шариата на положение кавказской женщины? Разумеется, не в сохранении привилегированного статуса мужчины, а в том, что шариат усилил сегрегацию полов. Если взять, к примеру, адыгов, то все описания их быта первой половины XIX в. подчеркивают отличие положения черкешенки от положения восточной женщины. "Женщины у черкесов не так ограничены, – сообщал Г.-Ю. Кла-прот, -как у других азиатов". По словам И.Ф. Бларамберга, "у черкесов женщины не находятся в таком заточении, как у других азиатских народов". "Женщины у черкесов, – вторил им К. Кох, – не отделены так от мужчин, как это принято на Востоке, и они принимают участие во всех празднествах и прочих увеселениях" .Лишь во второй половине века под влиянием шариатского движения в Кабарде и активной деятельности мусульманского духовенства положение стало меняться. Так, народный кадий Нальчинского округа провел на сходе крестьянских представителей постановление о "воспрещении всем от 10-летнего возраста женщинам появляться на улицах, а также танцах, с обнаженными головами, т.е. без платков, а также воспрещении девицам во время танцев брать мужчин за ладонь рук".

Женская половина дома была так же недоступна чужим мужчинам, как мужская – женщинам, выйти на улицу с наступлением темноты можно было только с разрешения старших и в сопровождении кого-нибудь из родственников, не поощрялось и просто совместное пребывание мужчин и женщин. Покрывала в крестьянском быту были не в ходу, но под влиянием шариата женщина при старших или посторонних мужчинах теперь чаще прикрывала концом головного платка нижнюю часть лица.

С полным вхождением Кавказа в состав Российской империи регион подпал под имперскую юрисдикцию. В 1830 г. Указом Николая 1 на христиан Закавказья формально распространилось общеимперское законодательство, но фактически дело свелось к признанию законов Мхитара Гоша и Вахтанга VI. Мусульман-

скому населению предоставлялась возможность руководствоваться шариатом, но не во всех сферах правовой жизни. Уголовные нормы шариата (отсечение руки за воровство, побиение камнями женщин за прелюбодеяние и др.) были заменены российским законодательством. Однако гражданские и брачно-семейные нормы за немногими изъятиями (в основном связанными с умыканием невест) сохранились. Постепенно обычное право вытеснялось армяно-грузинским законодательством, шариатом и российскими правовыми нормами. Характерно, что у христианских народов Закавказья этот процесс шел быстрее и менее болезненно, чем у мусульманских народов региона.

Совсем другая ситуация возникла с установлением на Кавказе советской власти. Народные обычаи и конфессиональные традиции, а также связанные с ними правовые нормы ломались решительно и без раздумий. На Северном Кавказе уже в 1927 г. были запрещены шариатские суды, годом позже – суды медиаторов, рассматривавшие дела по адатам. Уже в первом Уголовном кодексе РСФСР (а затем и республик Закавказья) содержалась глава "Преступления, составляющие остатки местных обычаев", где устанавливались санкции не только за умыкание невест, но и за получение и дачу брачного выкупа, брак с лицами, не достигшими минимального брачного возраста, принуждение и воспрепятствование к вступлению в брак и [13]многоженство. Знаменательно, что новые установления вызывали противодействие самих женщин, считавших, что отмена, например, брачного выкупа ущемит их материальные интересы. Местным властям приходилось принимать постановления о сохранении хотя бы умеренного калыма или кебина. Дискуссии отпали сами собой в начале 30-х годов в условиях сталинского террора.

Естественно, что в это время большинство традиций, ставших правонарушениями, приобрело скрытый характер. Это относится прежде всего к брачному выкупу. На рубеже 20-х и 30-х голов

---

[13] Магомедов Р.М Маслиат парадигмы жизни // Маслиат. № 24.06.1998

14Он же История Дагестана Махачкала .1984 С 45.,76

15Он же Маслиат….. Указ раб С 49.

Черкесская областная прокуратура сообщала в краевой центр: "Такой формы, которая существовала раньше, когда к каждой горской девушке-невесте был чуть ли не подвешен ярлык с обозначением ее стоимости... в данное время нет. Соглашение о калыме производится тайно и тайно же уплачивается". Выкуп теперь чаще платил» деньгами – так было легче скрыть его от посторонних глаз. Другая распространившаяся в это время форма, – замещение калыма и кебина крупным брачным залогом, а также ценным» свадебными подарками невесте (осетины, горные грузины, армяне и др.). Брак с девушками, не достигшими минимального брачного возраста, не регистрировался до их совершеннолетия или же регистрировался в тех республиках, где этот возраст был официально ниже. Из-за гонений на религию и духовенство возник своего рода вакуум легальной брачности: религиозное оформление женитьб и замужеств почти прекратилось, а к гражданскому оформлению население прибегало далеко не во всех случаях.

Предоставленным женщине имущественным и наследственным равноправием она (в особенности в сельской местности) пользовалась чаще всего при разводах. При этом инициатива обращения к новым законам, как правило, принадлежала не самой женщине, а ее родне. Такое положение удерживалось в основном до 1960-х годов, когда произошла определенная либерализация общественно-политической жизни.

В заключении можно подвести отметит, что положение женщины по адату и шариату было разным. В силу ряда факторов традиции женского движения слабо трансформировались в социальное поведение всего женского населения. Этому процессу препятствовали отсутствие демократических прав и свобод, низкий правовой статус женщин, неграмотность, политическая пассивность женщин, сложившиеся стереотипы в обществе. Порой она лишалась имущественных и наследственных прав.

Формат 60х84 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Тир. 100 экз. Размножено ИП «Султанбегова Х.С.»,
Махачкала, ул. М.Гаджиева, 34.*